

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 4 / 2023

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д. ю. н., профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЕМОВ Николай Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д. ю. н., профессор, заместитель декана по научной деятельности юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
ВОСКОВИТОВА Лидия Алексеевна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры международного права Белорусского государственного университета
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д. ю. н., профессор, начальник отдела договорного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д. ю. н., доцент, научный руководитель Научно-исследовательского института, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к. ю. н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАКАРЕНКО Вероника Сергеевна	ответственный секретарь, начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
“RUSSIAN LAW ONLINE”

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research; Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law of the Kazan (Volga Region) Federal University
Lydia A. VOSKOBITOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of the Belarusian State University
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law of the Russian State University of Justice
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Contract Law of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Scientific Adviser of the Research Institute, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Veronika S. MAKARENKO	Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Исаев И. А., Румянцева В. Г. <i>Российский суверенитет и укрепление национального единства</i>	5
Нестеров А. В. <i>Категория суверенитета: конструктивный подход</i>	10
Козин С. А. <i>Объединение Германии 1871 г.: суверенитет единого государства</i>	15
Шамова В. О. <i>Финансовый суверенитет Российской Федерации: Росфинмониторинг</i>	22

РОССИЯ

Гордеев А. Г. <i>Правовое положение милиции Временного правительства и белых правительств Сибири</i>	28
Яценко М. В. <i>Механизм управления советским здравоохранением на региональном уровне в 1945–1965 гг.</i>	34
Королев П. Е. <i>Договор о реализации туристского продукта: правовая идентификация</i>	41
Мухаринов А. А. <i>Патентное право в современной России</i>	48
Мякинченко С. С. <i>Административная ответственность за нарушения законодательства о банкротстве</i>	56

МИР

Шпаковский Ю. Г. <i>Преодоление глобального изменения климата: проблемы помощи развивающимся странам</i>	62
Решетников С. В. <i>Мобилизация русских эмигрантов во французскую армию в 1939 г.</i>	68
Мун В. А. <i>Добровольное согласие лица, вовлеченного в медицинский эксперимент (историко-правовой аспект)</i>	75

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Шауро И. Г. <i>Нравственные императивы русского подданства</i>	83
Зайцева Л. А., Бережная Д. С. <i>Реформа местного управления в Российской империи (вторая половина XIX в.)</i>	89
Гоголева Т. Ю. <i>Конституция СССР 1936 г.: декларативный источник права</i>	94

ИМЕНА

Зайнутдинов Д. Р. П. И. <i>Новгородцев: эволюция государственно-правового образа России</i>	100
--	-----

CONTENTS

TRENDS

Isaev I. A., Rumyantseva V. G. <i>Russian State Sovereignty and Strengthening of Russian National Unity</i>	5
Nesterov A. V. <i>Category of Sovereignty: A Constructive Approach</i>	10
Kozin S. A. <i>Unification of Germany in 1871: Sovereignty of a Unified State</i>	15
Shamova V. O. <i>Financial Sovereignty of the Russian Federation: Rosfinmonitoring</i>	22

RUSSIA

Gordeev A. G. <i>Legal Status of the Militia of the Provisional Government and the White Governments of Siberia</i>	28
Yatsenko M. V. <i>The Mechanism of Soviet Healthcare Administration at the Regional Level in 1945–1965</i>	34
Korolev P. E. <i>A Contract for Sale of Tourist Product: Legal Identification</i>	41
Mukharinov A. A. <i>Patent Law in Modern Russia</i>	48
Myakinchenko S. S. <i>Administrative Liability for Bankruptcy Law Violations</i>	56

WORLD

Shpakovsky Yu. G. <i>Overcoming Global Climate Change: Assisting Developing Countries</i>	62
Reshetnikov S. V. <i>Russian Emigrants Mobilization in the French Army in 1939</i>	68
Mun V. A. <i>Informed Consent of a Person Involved in a Medical Experiment (Historical and Legal Aspect)</i>	75

POINT OF VIEW

Shauro I. G. <i>Moral Imperatives of Russian Allegiance</i>	83
Zaitseva L. A., Berezhnaya D. S. <i>Local Government Reform in the Russian Empire (Second Half of the 19th Century)</i>	89
Gogoleva T. Yu. <i>The USSR Constitution of 1936: A Declarative Source of Law</i>	94

PERSONAS

Zaynutdinov D. R. <i>Pavel I. Novgorodtsev: Evolution of the State and Law Image of Russia</i>	100
---	-----

РОССИЙСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ И УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

Исаев Игорь Андреевич,

заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
iaisaev@msal.ru

Румянцева Валентина Геннадьевна,

доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
valentinorum@mail.ru

© Исаев И. А., Румянцева В. Г., 2023

Аннотация. История учит нас, что в любой период государство не должно поступаться своими принципами и жертвовать суверенитетом. Политическая повестка современного миропорядка предопределяет важность проблемы укрепления российского суверенитета, а события десятилетий постсоветского периода обуславливают вневременной характер выбираемой страной стратегии. Вопросы суверенитета, идентичности, устойчивого развития государства и общества сверхзначимы для реализации глобальных политико-правовых задач Российской Федерации в условиях образования многополярного мира. XXI столетие привело к переосмыслению старых и поиску новых политических парадигм, расширению инструментария познания (методик, технологий, техник), притом что вся история попыток создания искусственных или заимствованных политико-правовых конструктов, чуждых национальной ментальности, свидетельствует: это губительно как для отдельного гражданина, так и для всего народа и разрушает свободу Российского государства. Авторы статьи полагают, что если национальная идея выступает в качестве источника формирования общественной правовой культуры, духовной скрепы российской государственности, то государственная идеология, исходящая из национальной идеи, преобразует систему политико-правовых символов и стереотипов в единое государство-цивилизацию.

Ключевые слова: государство, государственность, государство-цивилизация, суверенитет, политика, национальная идея, государственная идеология, конституция, народ, человек.

RUSSIAN STATE SOVEREIGNTY AND STRENGTHENING OF RUSSIAN NATIONAL UNITY

Igor A. Isaev,

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
iaisaev@msal.ru

Valentina G. Rumyantseva,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
valentinarum@mail.ru

Abstract. History teaches us that in any period the state should not compromise its principles and sacrifice sovereignty. The political agenda of the modern world order predetermines the importance of strengthening Russian sovereignty. The events that took place during the decades of the post-Soviet period highlight the timeless nature of the strategy chosen by the nation. The issues of the state sovereignty, identity, and sustainable development of the state and society are extremely important for the implementation of global political and legal objectives of the Russian Federation in the context of the multipolar world formation. The 21st century has resulted in reconsidering old political paradigms and searching for new ones and extending the tools of cognition (methods, technologies, techniques), while the entire history of attempts to create artificial or borrowed political and legal constructs, alien to the national mentality, testifies that this is destructive both for the individual citizen, and for the entire people and it destroys the freedom of the Russian state. The authors believe that if the national idea acts as a source of the formation of public legal culture, the spiritual bond of Russian statehood, then the state ideology emanating from the national idea transforms the system of political and legal symbols and stereotypes into a single state-civilization.

Keywords: state, statehood, state-civilization, sovereignty, policy, national idea, state ideology, constitution, people, man.

В 2023 г. нельзя не вспомнить одну из дат отечественного конституционализма. Очередным поворотом в истории страны стал 1993 г. — год строительства властных институтов России на фоне политической драмы нивелирования советского государственно-правового опыта, кульминацией которой послужили события 3–4 октября, а развязкой — новая юридическая архитектура, получившая законодательное, конституционное закрепление. Советы же ушли в прошлое...

Президентская власть приступила к укреплению своей вертикали, осуществив реновацию имперского государственного органа 1906–1917 гг. Государственная Дума Российской Федерации воскресила некоторые важные принципы давней предшественницы и приступила к активному правотворчеству. Сфера данного творчества стремительно расширялась и благодаря развивающемуся рынку. Экономика страны радикально менялась: частный капитал и частная инициатива стремительно вторгались в жизнь. Забытые в советское время принципы хозяйствования — конкуренция, рыночность, маркетинг — возвращались и стирали из памяти социалистическое планирование. Быстро росло число биржевых организаций, различного рода фондов, страховых и банковских институций. Любая хозяйственная деятельность, не запрещенная законом, признавалась легальной и легитимной.

Конституция 1993 г. поставила личность гражданина во главу угла, по целому ряду направлений деятельности государство уступило свое место другим структурам:

общественным, корпоративным, политическим. Демократические идеи разделения властей, народного представительства и народной инициативы конкретизировались в созданной Конституцией РФ системе органов, новых принципах и критериях.

Сама страна весьма динамично меняла облик. Тем не менее вопрос сочетания полномочий и координирующей роли центральной власти и прав субъектов Федерации для огромной территории России был по-прежнему открыт. Сложность национальной политики, накопившей в себе многие противоречия прошлого, очень скоро выльется в тяжелые межнациональные конфликты, сепаратизм и терроризм.

И всё же Конституция РФ фундировала политико-правовую жизнь на рубеже XX–XXI вв. Доктрина российской государственности и власти трансформировалась: в нее вошло множество конституционно-правовых новелл, хотя при этом и не хватало норм, связанных с отечественной правовой культурой, всей богатейшей историко-правовой традицией, которой жило и живет Отечество. И здесь в 2020 г. в области правовой политики позитивную роль сыграли поправки к Конституции РФ, законодательно закрепившие, в частности, следующие концепты (ч. 2, 3 ст. 67.1):

- преемственность в развитии Российского государства,
- исторически сложившееся государственное единство,
- уважение к памяти защитников Отечества,
- отстаивание исторической правды.

Россия уникальна и самобытна, ее история позволяет осмыслить идейно-политическую деятельность государства, воспроизвести государственно-правовые традиции. *«Глубокое знание своей истории, уважительное, бережное отношение к великому патристическому, духовному, культурному наследию Отечества позволяет делать верные выводы из прошлого»*¹ (В. В. Путин).

Сильное Российское государство открыто и успешно сопротивляется поглощению хаотическим множеством — унифицирующим глобализмом. Российская цивилизация есть мир духовный, где ключевую позицию занимает неповторимая национальная идея. Отсюда некое мессианское ожидание. В настоящий момент как никогда очевидно, что государство не может гармонично развиваться без государственной идеологии, которая, в свою очередь, отражает национальную идею самого общества.

Россия движется вперед и вверх, дает ответы на вызовы мирового правительства. Залог инновационного лидерства — капитализация духовных ценностей. Суверенитет поддерживает государство-цивилизацию. *«Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью»*² (Н. Я. Данилевский).

Россия сегодня — геополитический победитель, а укрепление суверенитета — генеральная ее задача. Это и эффективность государственно-правового механизма, и непоколебимый авторитет в мире, и рост экономики и благосостояния населения, и максимальное достижение социальной справедливости в обществе, и, конечно же, защита идентичности нашего народа и его цивилизационного кода. То есть сейчас укрепление суверенитета оценивается Президентом РФ многоаспектно и представляет собой:

- с одной стороны, *«укрепление обороноспособности страны, безопасности по внешнему контуру»;*
- с другой стороны, *«безусловное обеспечение прав, свобод граждан страны, развитие нашей политической системы, парламентаризма»*³.

Неслучайно за последний год появились две значимые политико-правовые доктрины, Основы государственной политики по сохранению и укреплению

¹ Путин В. В. Участникам Первого Всероссийского школьного исторического форума «Сила — в правде!» (19 апреля 2022 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president>.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 113.

³ Итоги года с Владимиром Путиным (14 декабря 2023 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president>.

традиционных российских духовно-нравственных ценностей (ноябрь 2022 г.) и Концепция внешней политики Российской Федерации (март 2023 г.), где законодатель акцентирует внимание на понятии «суверенитет», обозначая стратегической целью его защиту и укрепление во всех сферах.

В формирующейся ныне идеологии великой государственности очерчиваются политико-правовые контуры России как самобытного государства-цивилизации, *«обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»*⁴. Одновременно отвергаются разного рода экстремизм и русофобия, отражающие желание видеть Российское государство чьим-то вассалом, происходит правильное осмысление патриотизма.

Любовь к Родине — базис нашего суверенитета. Как всякая любовь, она чиста своей иррациональностью, ее не сторговать, нельзя *«в обмен на колбасу отдать свой суверенитет и стать чьим-то сателлитом»*⁵.

Любовь к Родине — чувство потаенное, не крикливое, приводящее к желанию созидательно трудиться, а потому измеряемое не только словом, но и делом. Чувство это — добровольное, без властных манипуляций и утраты свободы воли, оно сакрализуется поколениями и концентрируется в генетической памяти каждого.

Любовь к Родине видится так: «я» переходит в «мы», и в этом «мы» (гражданское общество) есть каждый «я» (гражданин). Понятия «гражданин» и «патриот» синонимичны. Любящий свою страну гражданин никогда не будет слаб. Где бы он ни был, за ним стоят язык, культура, история Отчизны, в конце концов сам народ, ибо *«человек из народа обладает личными чертами характера также благодаря силе народа, которая служит ему основой»*⁶. Парадокс патриотизма в том, что и один в поле воин: будучи частичкой всего народа, один способен творить судьбу своего государства. Времена испытаний даруют нам героев.

Россия как государство говорит от имени каждого своего гражданина, выражая его интересы, — и только в этом случае национальная идеология остается именно национальной. Из-за своего промежуточного географического положения Россия никогда не станет ни Востоком, ни Западом. И в этом сила российской самодостаточности. Нашей стране гарантировано долголетие: традиция и историческая память намного надежнее скоротечных прорывов, перемены ориентиров и искусственно создаваемых геополитических рецептов.

Итак, Россия укрепляет свою государственность с учетом новых доминант правопорядка и безопасности в многополярном мире. В непростых условиях, унаследованных от недавних 90-х гг. и более отдаленного прошлого, она вновь ищет собственный путь: *«русское самосознание освобождается от лживых и фальшивых идеализаций, от отталкивающего бахвальства, равно как и от бесхарактерного космополитического отрицания и иноземного рабства»*⁷.

Разумеется, практики Востока и Запада весьма важны, мы их не отвергаем. Между тем именно накопленный и бережно сохраненный веками российский государственно-правовой опыт оказывается истинным, в отличие от манких заимствованных осколочных образцов.

Наше историко-правовое наследие бесценно, оно доказывает: Российская Федерация — сильный суверенный субъект, государство-цивилизация с уникальным тысячелетним знанием.

⁴ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

⁵ Выступление главы государства на XXI съезде партии «Единая Россия» (17 декабря 2023 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president>.

⁶ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 142.

⁷ Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Философское общество СССР, 1990. С. 3.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бердяев Н. А. Судьба России. — М. : Philosophical Society of the USSR, 1990. — 240 с.
2. Выступление главы государства на XXI съезде партии «Единая Россия» (17 декабря 2023 г.) // Официальный сайт Президента РФ. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president>.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М. : Institute of Russian Civilization, 2008. — 816 с.
4. Итоги года с Владимиром Путиным (14 декабря 2023 г.) // Официальный сайт Президента РФ. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president>.
5. Путин В. В. Участникам Первого Всероссийского школьного исторического форума «Сила — в правде!» (19 апреля 2022 г.) // Официальный сайт Президента РФ. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president>.
6. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М. : Politizdat, 1991. — С. 28–286.

REFERENCES

1. Berdyaev NA. The fate of Russia. Moscow: Filosofskoye obshchestvo SSSR Publ.; 1990. (In Russ.).
2. Speech of the Head of State at the 21st Congress of the party United Russia (December 17, 2023). Official website of the President of the Russian Federation. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president>. (In Russ.).
3. Danilevskiy NYa. Russia and Europe. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2008. (In Russ.).
4. Results of the year with Vladimir Putin (December 14, 2023). Official website of the President of the Russian Federation. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president>. (In Russ.).
5. Putin VV. To the Participants of the First All-Russian School Historical Forum «Strength is in Truth!» (April 19, 2022). Official website of the President of the Russian Federation. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president>. (In Russ.).
6. Yaspers K. The origins of history and its purpose. In: Jaspers K. The meaning and purpose of history. Moscow: Politizdat Publ.; 1991. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2023.28.4.010-014

КАТЕГОРИЯ СУВЕРЕНИТЕТА: КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОДХОД

Нестеров Анатолий Васильевич,

главный научный сотрудник Российского федерального центра судебной экспертизы,
доктор юридических наук, кандидат технических наук, профессор

109028, Россия, Москва, пер. Хохловский, д. 13, стр. 2

nesterav@yandex.ru

© Нестеров А. В., 2023

Аннотация. Суверенизация стала трендом (процессом), а суверенитет — важным ее результатом. Рассмотрены источник и продуцент, продуцирующие суверенитет как продукт с помощью конструктивного и продуцентного подхода. В соответствии с Конституцией РФ многонациональный народ является носителем суверенитета и источником власти. Поэтому народ как субъект-продуцент продуцирует властного субъекта, который обеспечивает суверенитет народа, как его носителя, и государства в целом, в виде неприкосновенности (обеспечения безопасности), самостоятельности (верховенства власти и национального законодательства) и самодостаточности (способности самостоятельно продуцировать критически важные продукты). Пространство национального суверенитета продуцируется за счет юридической силы юридических документов, как источников юридической среды в границах существования этой среды. Так как юридическое пространство пересекается с действительным пространством, то юридические силы опосредованно влияют на действительные силы, которые могут непосредственно воздействовать на лиц, совершивших незаконные и/или противозаконные деяния. Суверенизация подразумевает движение юридического субъекта к обеспечению своего суверенитета. Суверенизация не противостоит глобализации и/или локализации, а должна рассматриваться как составляющая их оптимального сочетания. Современный суверенитет возникает не только на территории, а в пространстве определенной предметной области, в частности, за счет наличия в такой области как минимум одного центра силы, т.к. пространство области продуцируется силами продуцента в виде как минимум одного субъекта (центра силы). Под локализацией понимается не изоляция, а локализация современных инструментов на территориях менее развитых государств для выравнивания их уровня развития, в частности для увеличения глубины переработки ресурсов. В связи с этим под устойчивым развитием можно понимать динамически сбалансированное развитие (качественное движение (переход, трансдукция)) всех субъектов, которое можно достичь с помощью их суверенизации, в том числе и государств, на равноправной, взаимной и справедливой основе.

Ключевые слова: государство, суверенитет, суверенизация, конституция, цифровая трансформация, трансдукция, индивидуация, юридическая сила, пространство, среда.

CATEGORY OF SOVEREIGNTY: A CONSTRUCTIVE APPROACH

Anatoliy V. Nesterov,

Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Technical Sciences), Professor, Chief Researcher, Russian Federal Center for Forensic Examination

13/2, Khokhlovskiy Lane, 109028 Moscow, Russian Federation

nesterav@yandex.ru

Abstract. Sovereignization has become a trend (process), and sovereignty is an important result of this trend. Based on the constructive and productive approach, the author has examined the sources and the producer producing sovereignty as a product. Under the Constitution of the Russian Federation, the multinational people is the bearer of sovereignty and the source of power. Therefore, the people, as a producing subject, produces a power subject that ensures the sovereignty of the people as its bearer and the state as a whole, in the form of inviolability (ensuring security), independence (supremacy of power and national legislation) and self-sufficiency (the ability to independently produce critically important products). The space of national sovereignty is formed based on the legal force of legal documents as sources of the legal environment within the boundaries of the existence of this environment. Since the legal space intersects with the actual space, legal forces indirectly affect the actual forces that can directly affect persons who have committed unlawful and/or illegal acts. Sovereignization implies the movement of a legal entity to ensuring its sovereignty. Sovereignization is not opposed to globalization and/or localization, but should be considered as a component of their optimal combination. Modern sovereignty arises not only on the territory, but in the space of a certain subject area, in particular, due to the presence in such an area of at least one center of power, because the space of the area is produced by the forces of the producer in the form of at least one subject (center of power). Localization means localization, rather than isolation, of modern tools in the territories of less developed countries to equalize their level of development, in particular, to increase the depth of resource processing. In this regard, sustainable development can be understood as dynamically balanced development (qualitative movement (transition, transduction)) of all subjects, which can be achieved through their sovereignty, including states, on an equal, reciprocal and fair basis.

Keywords: state, sovereignty, sovereignization, constitution, digital transformation, transduction, individuation, legal force, space, environment.

Настоящий текст не является обзорным, поэтому приносим свои извинения тем, чьи труды по теме не будут упомянуты. Мы придерживаемся доктрины К. Шмитта¹, что в противопоставлении права и порядка, могут возникать ситуации, когда важнее порядок. Известно, что теории суверенитета основываются на эмпирическом, теоретическом или нормативном подходе. В дальнейших рассуждениях будем опираться на продуцентный подход, в котором продукт производится продуцентом, а продуцента производит источник (продуцент продуцента). Поэтому необходимо рассматривать три взаимосвязанные категории источника, продуцента и/или продукта. Из этой логической конструкции следует, что продукт может выступить в качестве продуцента и/или источника, источник — в качестве продуцента и/или продукта, а продуцент — в качестве продукта и/или источника. Под конструктивным подходом подразумевается вид модельного подхода, позволяющий получить строение (состав, структуру и/или функции) категории суверенитета.

Суверенизация совпала с четвертым этапом автоматизации, метафорично названным «цифровая трансформация», в которой важной является трансформация институтов. В суверенизации существенным является качественный переход

¹ См.: Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете : сборник. Закл. статья и сост. А. Филиппова. М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. 336 с.

(трансдукция) институтов в новое более сложное качество. Среди институтов как инструментов можно выделить юридические инструменты, в частности судебную юрисдикцию, а в ней — судебно-экспертную, т.к. с ее помощью добываются экспертные доказательства. Цифровая трансформация юридической деятельности подразумевает трансформацию юридических институтов в виде их упорядочения для возможности алгоритмизации. Для этого необходимо построить информационные онтологии предметных областей, областей знания и/или метаонтологию, которые базируются на их категоризации, терминологизации и/или тезаурусизации. Повторимся, что юридические науки являются точными, с точностью до термина. Поэтому в конструктивном подходе должны быть использованы термины — слова, которые имеют единственное значение, выраженное с помощью дефиниции, а категории должны называться терминами.

Конституция РФ является основным юридическим законом и фундаментальным правовым основанием для обсуждения вопросов, связанных с национальным суверенитетом РФ. В Конституции РФ слово «суверенитет» используется 9 раз и упоминаются действия по его охране и защите. В статье 3.1 Конституции РФ декларируется: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ».

Категории носителя и источника требуют предварительного рассмотрения. Народ, как источник власти, за счет самоосознания и права на самоопределение может продуцировать власть с помощью индивидуации и самоорганизации в виде государства, выборов высшего должностного лица и образования органов публичной власти, а государственная власть продуцирует продукт в виде суверенитета, носителем которого является народ. Такое явление еще называют проявлением идентичности, т.е. как минимум один человек осознает, что он принадлежит нации и/или многонациональному народу, который можно рассматривать как общество. При этом, на какой бы территории ни находился такой человек, он может считать себя, например, русским и/или россиянином.

В соответствии с продуцентным подходом продукт продуцирования может состоять как минимум из одного отчуждаемого результата, неотчуждаемого процесса хода продуцирования и/или последствия в окружении продуцирования, а также отсутствия продукта. Здесь под продуцированием понимается как минимум одно взаимодействие, взаимосвязь и/или условие (обстоятельство). Поэтому народ, как источник власти, может выступать продуцентом, который продуцирует власть, как регулятор общественных отношений, обеспечивающий порядок на территории и/или суверенитет как минимум одного человека, общества и/или государства.

Хотя государство находится в рамках государственных территориальных границ, оно имеет национальные границы, ограничивающие национальное пространство. Известно, что слово «пространство» имеет два значения: пространство как самодостаточное явление и пространство как свойство явления. Будем исходить, что принадлежностное пространство продуцируется продуцентом и определяется силами продуцента, которые действуют и/или существуют в окружении такого продуцента.

Окружение продуцента могут называть средой и/или полем. Материальное поле является однородным и непрерывным, т.е. в каждой точке такого действительного поля действует действительная сила. Вещественная среда неоднородна и дискретна, как и ее носители. Хотя слова «действительный» и «существующий» часто рассматриваются как синонимы, необходимо их различать. Кроме действительных продуцентов, известны существующие. Особенностью существующего продуцента является то, что его материально-вещественный носитель представляет не сам себя, а нечто отличное от носителя, которое метафорично называют информацией.

В качестве информационного носителя могут выступать уникальная психика как минимум одного живого человека и/или как минимум один отчуждаемый материально-вещественный носитель. Поэтому суверенное (национальное) пространство государства состоит из действительного и/или существующего пространства, где к существующим пространствам можно отнести психическое, общественное и/или государственное пространство. Государственное пространство, как формально-властное, можно рассматривать как юрисдикционное. Президент РФ и/или органы публичной

власти, которые уполномочены продуцировать нормативные юридические документы, могут продуцировать юридическую среду, которая существует в виде дискретного юридического пространства не только в территориальном пространстве нашей страны, но и в международном пространстве, например на кораблях, приписанных к России; и на территории иностранных государств в виде суверенной территории посольств Российской Федерации, а также в пространствах без суверенитета, например в Антарктиде.

Так как существующие и действительные пространства могут пересекаться, то юридические силы могут опосредованно влиять на действительные силы, которые могут действительно воздействовать на действительных индивидов в определенных ситуациях. Юридические пространства также могут пересекаться, что, с одной стороны, может инициировать территориальные претензии между субъектами, а с другой стороны, определенные преступники могут быть экстрадированы в страну, в которой преступник совершил преступление. Кроме того, некоторые виды преступлений не имеют срока давности, поэтому юридические силы могут существовать без ограничения времени до тех пор, пока жив преступник. Так как юридические нормы продуцируют люди, а они могут ошибаться, то юридические документы могут не соответствовать установленным и/или известным пределам в виде субъективных требований, инструментальных критериев и/или объективных опор.

В частности, нормативные правовые акты часто содержат лакуны, противоречия и/или метафоры. Поэтому говорить о том, что такие акты учитывают все возможные жизненные и/или деятельностные ситуации, нельзя. Кроме того, властные субъекты в определенных ситуациях, в частности экстренных, когда отсутствует необходимая норма закона, имеют властные полномочия принимать решения и/или выполнять действия по своему усмотрению, но с учетом принципов, установленных в законодательстве.

Итак, суверенное пространство государства представляет собой существующее пространство юридической среды, продуцированное уполномоченными властными субъектами в виде юридических документов, обладающих юридической силой, которая может проявиться как минимум в одной жизненной и/или деятельностной ситуации. В частности, в ситуации, когда как минимум один юридический субъект готовит, совершает и/или совершил незаконное и/или противозаконное деяние и/или когда есть риск возникновения и/или возникло как минимум одно негативное естественное (природное) и/или техногенное событие. В качестве юридического субъекта могут выступать физические лица, юридические лица и/или органы публичной власти. К техногенным событиям можно отнести независимые от юридических субъектов события, возникшие в виде любого продукта (инструмента и/или объекта) и/или инфраструктуры, продуцированной человечеством.

Силы природы заставляют субъектов не только объединяться, но и искать динамическое равновесие сил между внутренними и/или внешними субъектами. Поэтому запрос на суверенитет геополитических субъектов и тренд на суверенизацию государств является ответом на либеральную глобализацию, продвигаемую группой стран во главе с одним государством.

Кроме геополитического доминирования, эта группа стран поддерживает монополизацию рынков с помощью транснациональных корпораций с штаб-квартирами в этих странах, а также приватизирует международные организации для легитимизации их решений, отображающих национальные интересы этой группы в ущерб остальным государствам.

Разнообразие государств по политическому устройству, территории и культурной самобытности определяет уровень развития государств и приводит к возникновению деления государств в виде образования как минимум двух центров силы и нейтрального кластера. Нейтральные государства могут ситуативно входить в коалиции государств для достижения своих национальных интересов.

Основным естественным источником эволюционного развития является разнообразие. Однако в искусственно продуцируемой среде наблюдается глобальная унификация, подавляющая разнообразие под лозунгом либерализма. Доминирование одного государства, наличие ресурсной базы в виде доминирования одной валюты

и одного инструмента в виде транснациональных корпораций со штаб-квартирой в одной стране оказалось не лучшим механизмом дальнейшего развития человечества. «Либеральный» глобализм с доминированием одного государства должен смениться на разнообразие многополярного мира, что не исключает разделение труда на основе глобальных логистических потоков, потоков транзакций и/или потоков информационных коммуникаций.

Будем исходить из того, что суверенитет субъекта (человека, множества людей и/или всего человечества) может быть присущим (естественным и/или приобретенным за счет внутреннего и/или внешнего взаимодействия людей) и/или признаваемым. Суверенитет может быть формально признаваемым ООН или фактическим, когда политическое образование объявляет о создании государства. Провозглашение нового государства может быть легитимным, если процедура его образования соответствует принципам легитимизации (признаваемым отдельными государствами), и/или легальным, когда такое государство признается ООН.

Присущий суверенитет неотчуждаем (целостен), неделим (един) и/или является всеобщим, а признаваемый может быть частично передаваемым (делимым), отчуждаемым и/или частично не всеобщим. Такой подход к рассмотрению суверенитета можно назвать холостическим, где «холос» с древнегреческого означает «все». Признаваемый суверенитет может состоять из подсуверенитета (часть суверенитета отдана другому государству) и/или надсуверенитета (часть суверенитета отдана ООН), а также отсутствовать у государства.

Суверенитет подразумевает самопринадлежность субъекта самому себе, т.е. наличие у него естественных прав на неприкосновенность; самостоятельность (независимость в виде способности самому принимать решения во внутренних и/или внешних делах) и/или самодостаточность. Для суверенитета государства самостоятельность подразумевает верховенство права, а также государственной власти в определенных ситуациях. Верховенство права включает верховенство международного права, права межгосударственных договоров и/или национального права. При этом если нормы международного и/или межгосударственного права нарушают нормы национального права, то приоритет (верховенство) отдается национальным (конституционным) нормам.

Итак, под суверенитетом государства будем понимать как минимум одну величину, характеризующую его неприкосновенность, самостоятельность и самодостаточность. Жизнь и/или деятельность юридических субъектов в государстве может носить различный характер, например политический, юридический, социальный, интеллектуальный, технологический и т.д., поэтому можно говорить о родах и видах суверенитета. Наиболее сложным является правовой суверенитет, в частности юрисдикционный (законодательный (предписывающий), административный (правосполнительный) и/или судебный), а именно в транснациональном (национальном, иностранном и/или международном) виртуально-информационном пространстве. Наличие многочисленных нарушений в этом пространстве говорит о необходимости законодательного закрепления правовой категории ситуационного суверенитета.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете : Сборник / Закл. статья и сост. А. Филиппова. — М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. — 336 с.

REFERENCES

1. Schmitt K. Political theology. Four chapters on the doctrine of sovereignty. Collection. Closing article by A. Filippova. Moscow: Kanon-Press-C Publ.; 2000. (In Russ.).

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ 1871 г.: СУВЕРЕНИТЕТ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА

Козин Сергей Александрович,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
kozinsergej31@gmail.com

© Козин С. А., 2023

Аннотация. Статья посвящена объединению Германии 1871 г. и обеспечению суверенитета единого государства. Анализируются причины, цели и условия унификации немецких земель. Формулируется вывод о том, что объединение было необходимо для дальнейшего совместного экономического и политического развития германских государств, а также для их защиты от внешних врагов. Автор приходит к умозаключению, что внешняя и внутренняя независимость были важнейшим условием последующего существования и развития образовавшейся Германской империи. В рамках исследования делается акцент на личности О. Бисмарка — человека, благодаря которому состоялось объединение немецких земель, ведь именно «железный канцлер» первым осознал, что оно может быть осуществлено лишь «железом и кровью», то есть посредством активного использования военной мощи. В статье даны реформы, способствующие консолидации германских государств. Заостряется внимание на их правовом аспекте — введении в действие на всей территории Германской империи конституции и уголовного уложения в 1871 г., а также германского гражданского уложения в 1896 г. Нормативные правовые акты способствовали формированию общеправового пространства единой Германии и, как следствие, обеспечению ее суверенитета. Гражданский кодекс позволил создать единое экономическое пространство на территории страны, что обеспечило ее экономическую независимость. Рассматривается стремление самого немецкого народа к национальному единству как важный фактор суверенитета Германии. Формулируются выводы о сложности и длительности процесса обеспечения суверенитета Германской империи и о тех направлениях государственной политики и аспектах общественных отношений, которые способствовали этому.

Ключевые слова: Германия, объединение, централизация, унификация, суверенитет, независимость, О. Бисмарк, конституция, национальное единство, железом и кровью.

UNIFICATION OF GERMANY IN 1871: SOVEREIGNTY OF A UNIFIED STATE

Sergei A. Kozin,
Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
kozinsergej31@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the unification of Germany in 1871 and ensuring the sovereignty of a unified state. The author analyzes the reasons, goals and conditions for the unification of German lands. The paper concludes that the unification was necessary for the further joint economic and political development of the German states, as well as for their protection from external enemies. The author concludes that external and internal independence were the most important condition for the subsequent existence and development of the German Empire. The study focuses on the personality of Otto von Bismarck — the man thanks to whom the unification of the German lands took place, because it was the «Iron Chancellor» who was the first to realize that unification could only be achieved with «iron and blood,” that is, using military power. The paper presents reforms that contribute to the consolidation of German states. Attention is focused on their legal aspect — entering into force of the constitution and criminal code throughout the entire territory of the German Empire in 1871, as well as the German civil code in 1896. Normative legal acts contributed to the formation of the common legal space of a united Germany and, as a result, to ensuring its sovereignty. The Civil Code substantiated creation of a single economic space on the territory of the country, which ensured its economic independence. The desire of the German people themselves for national unity is considered as an important factor of German sovereignty. Conclusions are drawn about the complexity and duration of the process of ensuring the sovereignty of the German Empire and about those areas of state policy and aspects of public relations that contributed to ensuring sovereignty.

Keywords: Germany, unification, centralization, unification, sovereignty, independence, Otto von Bismarck, constitution, national unity, iron and blood.

В 1871 г. произошло объединение немецких земель вокруг королевства Пруссия. Таким образом было образовано абсолютно новое государство, название которому — Германская империя. Событие не произошло сиюминутно: это был длительный процесс, который характеризовался следующими объективными причинами: необходимость защиты стран от внешних угроз, потребность в экономическом развитии государств посредством создания единого экономического пространства, а также возникновение политических процессов и движений, выходящих за рамки отдельных государств¹.

Обстановка в Германии до объединения страны была полноценно описана в статье журнала The New York Times, выпущенной 1 июля 1866 г.: «В политической географии нет Германии, о которой следовало бы говорить. Там есть королевства, великие княжества и герцогства, населенные немецкими народами, и каждое отдельно управляется независимым сувереном посредством всего механизма государства. Тем не менее существует естественная тенденция, стремящаяся к национальному чувству и объединению немецких народов в одну великую нацию, управляемую одним общим главой как национальной единицей»².

Вышесказанное вполне подтверждает тезис о том, что объединение было жизненно необходимо для дальнейшего совместного развития немецких государств. Однако после того, как это произошло, всё еще существовала проблема обеспечения суверенитета единого государства. На этом пути страну поджидало большое количество проблем и сложностей. «И слабые, и сильные ищут покровительства власти могущественной, активная воля которой как бы априори гарантирует процветание. Слабым нужна защита, сильным — поддержка»³. Германская империя, будучи буквально только что созданным государством, действительно нуждалась в сильной верховной власти, главным проявлением которой являлся суверенитет. В связи с

¹ История Германии : учеб. пособие : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. М. : КДУ, 2008. Т. 1 : С древнейших времен до создания Германской империи. С. 456.

² The Situation of Germany // The New York Times. 1866. July 1. P. 4.

³ Румянцева В. Г. Свободная воля суверена // История государства и права. 2023. № 10. С. 11–14.

этим обеспечение независимости стало важнейшим направлением государственной политики Германии после объединения страны.

Внутренняя и внешняя независимость были важнейшим условием дальнейшего существования и развития образовавшейся империи. Это находит свое отражение в следующих словах первого канцлера Германской империи — О. Бисмарка: «Я говорил себе, что нашей очередной главной целью является самостоятельность и твердость по отношению к загранице, что ради этого необходимо не только фактически устранить раскол внутри страны, но и избегать малейшего намека на нечто подобное за границей и в Германии; что лишь в том случае, если мы достигнем независимости от заграницы, мы будем свободны и в сфере нашего внутреннего развития»⁴.

Влияние О. Бисмарка на процесс объединения Германии и дальнейшее развитие страны поистине огромно. Его историческая заслуга заключается в том, что он ясно осознал, каким образом, в каком направлении и в каких пределах должен быть решен «немецкий вопрос» под эгидой Пруссии. По его мнению, объединение Германии должно было быть осуществлено «не речами и парламентскими резолюциями... а железом и кровью»⁵. Концепция предполагала использование военной силы для обеспечения консолидации немецких земель. Причем акцент был сделан именно на внешних противниках — европейских государствах, интересы которых затрагивает объединение Германии и для которых данное событие, разумеется, было невыгодно. Попытки их вмешательства могли сорвать процесс унификации немецких государств, поэтому О. Бисмарк настаивал на применении военной силы для противодействия этому вмешательству. В связи с этим его основная деятельность была направлена на увеличение численности армии, а также на усовершенствование ее организации.

В 1866 г. это позволило Пруссии одержать блестящую победу в Австро-пруссской войне, итогом которой стало создание Северогерманского союза под эгидой Пруссии, включившего в свой состав 21 немецкое государство. По своей сущности союз стал прологом к последующему созданию Германской империи.

Следующим важнейшим событием в истории Германии стала Франко-прусская война 1870–1871 гг. Военный конфликт и его результат сыграли ключевую роль в последующем объединении страны, яркой противницей чего и была Франция во главе с Наполеоном III. Победа германских государств под предводительством Пруссии позволила обеспечить присоединение оставшихся немецких земель к Северогерманскому союзу. И. А. Исаев пишет: «Суверен получает свою власть в борьбе и в ситуации риска, но не в прозаической и нудной работе»⁶. Эти слова очень четко описывают процесс суверенизации Германии: свою независимость стране приходилось завоевывать во многих кровопролитных войнах.

По прошествии лет нельзя не отметить, что концепция «железом и кровью» полностью оправдала себя и действительно привела к объединению немецких земель и образованию Германской империи. В период с 1870 по 1890 г. численность немецкой армии увеличилась более чем на 100 тыс. человек, что позволило стране стать одной из самых могущественных держав Европы⁷. Именно военная мощь, во многом достигнутая благодаря деятельности О. Бисмарка, позволила Германской империи достичь внешней независимости и на долгое время стать одним из гегемонов Европы.

Отдельного внимания заслуживают и реформы, главной целью которых являлась унификация немецких государств во всех сферах общественных отношений уже после создания Германской империи. Так, в 1871 г. произошло введение единой золотой валюты на всей территории страны, что позволило заменить многочисленные

⁴ Бисмарк О. Мысли и воспоминания : пер. с нем. / под ред. проф. А. С. Ерусалимского. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1940. Т. 2. С. 53–54.

⁵ Бисмарк О. Мысли и воспоминания : пер. с нем. Т. 1. С. 10.

⁶ Исаев И. А. Суверенитет и суверенность: пространство отчужденности и власти // Lex russica (Русский закон). 2016. № 5. С. 9–32.

⁷ Wehler H.-U. The German Empire 1871–1918. Oxford : Berg Publishers, 1993. P. 148.

денежные знаки бывших независимых немецких государств, а также возникла единая почтовая система и был создан имперский банк.

В том же 1871 г. на территории всей империи было введено в действие Уголовное уложение, которое до этого распространяло свое действие на территорию Северогерманского союза. Документ стал первой единой уголовно-правовой кодификацией в истории Германии⁸. Все вышеперечисленные реформы способствовали консолидации немецких земель и закреплению суверенитета Германской империи.

Еще одним фактором, обеспечивавшим независимость единого государства, стало введение имперской конституции 1871 г. Ранее данный документ также распространял свое действие на территорию Северогерманского союза, однако после создания Германской империи он, с некоторыми правками, стал высшим нормативным правовым актом образовавшегося государства.

В целом конституция предусматривала политико-территориальное устройство, построенное на федеративных принципах. Однако в то же время ее положения устанавливали верховенство и приоритет центральной власти. Так, ст. 2 закрепляла верховенство имперских законов над законами земель⁹, а ст. 4 предусматривала довольно широкий спектр предметов ведения Империи: вопросы гражданства и миграции, финансовая и налоговая политика, гражданское и уголовное законодательство, судопроизводство, армия и флот и т.д. Кроме того, внимания заслуживает ст. 5, согласно которой имперские законы реализовывались немецкими государствами. Из вышесказанного можно сделать вывод, что конституция законодательно закрепила стремление Германии к единому национальному государству¹⁰.

Основной закон наделял широкими полномочиями органы федеральной власти. Главой государства провозглашался кайзер, которым мог быть только прусский король. Он являлся главой исполнительной власти и обладал огромным количеством прерогатив: назначение лиц на государственные должности, в том числе имперского канцлера, представление Империи в международных делах, заключение международных договоров, объявление войны и мира и др.

Однако фактически вся полнота власти была сконцентрирована в руках канцлера (рейхсканцлера). Находясь на должности, О. Бисмарк претворял в жизнь свои грандиозные планы. Канцлер являлся председателем Бундесрата и осуществлял руководство его деятельностью, при этом голос канцлера был решающим при равенстве голосов. Кроме того, в ст. 17 конституция вводила принцип контрасигнатуры: ни один акт императора не мог вступить в силу без подписи канцлера. В связи с этим канцлер Германской империи имел широкие полномочия как в сфере законодательной власти, так и исполнительной.

Конституция Германской империи справилась со своей основной задачей — консолидацией немецких земель посредством создания общегерманского правового пространства. Безусловно, наличие общего для всей страны основного закона, а также законодательное оформление сильной центральной власти способствовали нормативно-правовому обеспечению независимости единого государства.

Важным аспектом в рамках рассматриваемого вопроса является стремление самого немецкого народа к национальному единству. Эта идея зрела в умах немцев на протяжении долгого времени. Ее первым воплощением стала революция 1848–1849 гг. в Германии, главной целью которой было объединение немецких земель. Цель не нашла своего воплощения в реальности, и унификация Германии «снизу» провалилась в связи с несколькими причинами, главной из которых стала нерешительность самих революционеров и несогласованность их действий. Их

⁸ Хельман У., Сатолин В. Н. История немецкого уголовного уложения // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019. № 2. С. 118–124.

⁹ Конституция Германской империи 1871 г. // Собрание конституционных актов. Вып. 1. М.: Издание В. М. Саблина, 1905. С. 28.

¹⁰ Баев В. Г. Бисмарк и Конституция Германской империи 1871 года // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 113–121.

большинство было либералами, неспособными повести за собой рабочий класс и крестьянство, что существенно ослабляло революционное движение.

Кроме того, необходимо упомянуть, что одна часть революционеров выступала за создание единой Германии по «великогерманскому пути», который предполагал включение в состав нового государства территорий Австрии и ее главенствующую роль. Другая часть предлагала «малогерманский путь» — объединение Германии под эгидой Пруссии и без австрийских территорий. Разумеется, такая разобщенность в стремлениях только вредила революционному движению. Еще одной причиной неудачи революции 1848–1849 гг. стала неготовность немецких земель к таким кардинальным переменам. В тот момент удельные правители всё еще не желали делиться своей властью с центральными органами и жертвовать своей независимостью. Данное обстоятельство заметно осложняло процесс унификации Германии. Но в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в. немецкий народ пережил новый прилив чувства национальной самоидентификации. Ключевым фактором, способствовавшим сплочению немецкого народа в единое целое, стала вышеупомянутая Франко-прусская война 1870–1871 гг. Тогда огромная волна патриотического движения охватила все немецкие земли, включая юг¹¹.

Победа в Франко-прусской войне обеспечила Германии поддержку всего немецкого народа в будущем объединении страны, которое после этого события фактически стало неизбежным. Таким образом, создание национального государства, общая национальная идея сплотили немецкий народ в одно целое, что способствовало внутреннему единению страны и обеспечению ее внутреннего и внешнего суверенитета.

После объединения немецких земель в Германскую империю всё еще остро стояла проблема создания единого экономического пространства. Это было связано с тем, что на тот момент в стране отсутствовало централизованное регулирование гражданских правоотношений, без чего было попросту невозможно представить активный торговый оборот между немецкими землями, а также их полноценное экономическое развитие. В стране существовало огромное количество правовых источников, регулирующих гражданские правоотношения лишь на местном уровне.

Решение проблемы отсутствия единого экономического пространства было изобретено лишь в 1896 г., спустя 25 лет после объединения немецких земель. Им стало Германское гражданское уложение, которое являлось первым в истории Германии единым сводом законов, регулирующих гражданские правоотношения. Такая длительная задержка в принятии Уложения объяснялась тем, что изначально отдельные германские государства стремились к сохранению своей независимости в вопросе регулирования гражданского права. Однако, как было упомянуто ранее, конституция Германской империи предусматривала, что гражданское законодательство является предметом ведения Империи, а не немецких земель. К 1887 г. был разработан первый проект общегерманского гражданского кодекса, работа над которым велась на протяжении 13 лет, так как при его создании разработчикам пришлось анализировать бесчисленное количество правовых источников. Но проект был отвергнут в связи с тем, что в его основе лежало старое общее право, не соответствующее социально-экономическим отношениям Нового времени.

Только в 1895 г. была завершена работа по созданию нового проекта Германского гражданского уложения, и 1 июля 1896 г. он был принят рейхстагом. Однако в соответствии с Вводным законом гражданский кодекс вступал в силу лишь с 1 января 1900 г. Отсрочка была связана с тем, что германским государствам требовалось дополнительное время для приведения своего местного законодательства в соответствие с гражданским кодексом.

Германское гражданское уложение распространило свое действие на все немецкие земли, что позволило создать в стране единое экономическое пространство. Это способствовало увеличению интенсивности торгового оборота в Германии и, как следствие, экономическому развитию и экономической независимости государства

¹¹ Carr W. A history of Germany 1815–1990. London : E. Arnold, 1998. P. 115.

от других стран. Вышесказанное находит свое отражение в том, что в период с 1890 по 1914 г. доля Германии в мировом экспорте утроилась, что позволило стране стать ведущим мировым экспортером и экономическим центром Европы¹². Создание Германского гражданского уложения стало решительным шагом к достижению экономического суверенитета государства.

Итак, обеспечение суверенитета единой Германии — это сложный и длительный процесс. Внутренняя и внешняя независимость страны обеспечивалась по различным направлениям государственной политики и аспектам общественных отношений. К ним относятся: укрепление армии и военной мощи государства, реформирование политической, социальной и экономической системы немецких земель, формирование единого правового и экономического пространства, а также стремление самого немецкого народа к национальному единству. Именно эти факторы играли важнейшую роль в закреплении суверенитета страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баев В. Г. Бисмарк и Конституция Германской империи 1871 года // Вопросы истории. — 2005. — № 8. — С. 113–121.
2. Бисмарк О. Мысли и воспоминания : пер. с нем. / под ред. проф. А. С. Ерусалимского. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1940. — Т. 1. 344 с. — Т. 2. 288 с.
3. Исаев И. А. Суверенитет и суверенность: пространство отчужденности и власти // Lex russica (Русский закон). — 2016. — № 5. — С. 9–32.
4. История Германии : учеб. пособие : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. — М. : КДУ, 2008. — Т. 1 : С древнейших времен до создания Германской империи. — 544 с.
5. Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. — Екатеринбург : Гонзо, 2018. — 848 с.
6. Румянцева В. Г. Свободная воля суверена // История государства и права. — 2023. — № 10. — С. 11–14.
7. Хельман У., Сатолин В. Н. История немецкого уголовного уложения // Журнал Белорусского государственного университета. Право. — 2019. — № 2. — С. 118–124.
8. Carr W. A history of Germany 1815–1990. — London : E. Arnold, 1991. — 430 p.
9. The Situation of Germany // The New York Times. — 1866. July 1. — P. 4.
10. Wehler H.-U. The German Empire 1871–1918. — Oxford : Berg Publishers, 1993. — 293 p.

REFERENCES

1. Baev VG. Bismarck and the Constitution of the German Empire of 1871. Voprosy istorii = Questions of History. 2005;8:113-121. (In Russ.).
2. Bismarck O. Thoughts and memories. Volume I. Trans. from it Germ. by A. S. Yerusalimskiy (ed.). Moscow: State Socio-Economic Publishing House; 1940. (In Russ.).
3. Isaev IA. Sovereignty and Independence: the Space of Alienation and Power. *Lex russica*. 2016;5:9-32. (In Russ.).
4. Bonvesh B, Galaktionova YuV (eds.). The history of Germany: in 3 volumes. Vol. 1: From ancient times to the creation of the German Empire. Moscow: KDU Publ.; 2008. (In Russ.).
5. Kennedy P. The Ups and Downs of the Great Powers: Economic changes and military conflicts in the formation of world centers of power from 1500 to 2000. Yekaterinburg: Gonzo Publ.; 2018. (In Russ.).

¹² Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург : Гонзо, 2018. С. 323.

6. Romyantseva VG. The free will of the sovereign. *History of State and Law*. 2023;10:11-14. (In Russ.).
7. Helman U, Satolin VN. The history of the German criminal code. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2019;2:118-124. (In Russ.).
8. Carr W. A history of Germany 1815–1990. London: E. Arnold, 1991. 430 p.
9. The Situation of Germany. *The New York Times*. July 1. 1866, p. 4.
10. Wehler H.-U. The German Empire 1871–1918. Oxford: Berg Publishers; 1993. 293 p.

DOI: 10.17803/2542-2472.2023.28.4.022-027

ФИНАНСОВЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РОСФИНМОНИТОРИНГ

Шамова Валерия Олеговна,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
shamovaleria178@gmail.com

© Шамова В. О., 2023

Аннотация. В статье определяется значение Росфинмониторинга в укреплении финансового суверенитета страны путем борьбы с финансовыми преступлениями и их негативными последствиями для национальной безопасности. Автор акцентирует внимание на то, посредством каких органов и структурных подразделений Росфинмониторинг может осуществлять свою деятельность, отмечает правовую основу таких взаимодействий. Исходя из системного анализа функций и полномочий данной службы, автор приходит к выводу, что данный орган является органом специальной финансовой компетенции и способствует укреплению финансового суверенитета. Ее деятельность, с одной стороны, связана с контрольными мероприятиями за движением финансов, а с другой — с контролем определенных в законодательстве субъектов. Мониторинг, осуществляемый вышеупомянутой службой, является одной из форм реализации государственного финансового контроля и обеспечивает стабильность экономического суверенитета страны. В статье подчеркивается важность роли Росфинмониторинга в национальной безопасности и указывается на эффективность работы службы, обеспечиваемую оптимизацией превентивных мер и помощью единой информационной системы Росфинмониторинга, которая формируется на основе анализа полученных данных.

Ключевые слова: государство, право, национальная безопасность, экономический суверенитет, финансовый суверенитет, финансовое право, противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, финансовый мониторинг, орган специальной финансовой компетенции, Росфинмониторинг.

FINANCIAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION: ROSFINMONITORING

Valeria O. Shamova,
Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
shamovaleria178@gmail.com

Abstract. The paper defines the importance of Rosfinmonitoring in strengthening financial sovereignty of the state by combating financial crimes and their negative consequences for national security. The author focuses on the means by which Rosfinmonitoring bodies and structural divisions can carry out their activities, and justifies

the legal basis for such interactions. Based on a systematic analysis of the functions and powers of this service, the author concludes that this body is a body of special financial competence and contributes to strengthening financial sovereignty. Rosfin-monitoring activities, on the one hand, are related to control measures over the movement of finances, and on the other, to the control of entities defined in legislation. The monitoring carried out by the aforementioned service represents one of the forms of state financial control and ensures the stability of the country's economic sovereignty. The paper emphasizes the importance of Rosfinmonitoring in national security and indicates effectiveness of the service provided by optimizing preventive measures and using the unified information system of Rosfinmonitoring that is formed based on the analysis of the data obtained.

Keywords: state, law, national security, economic sovereignty, financial sovereignty, financial law, countering legalization (laundering) of proceeds from crime and financing of terrorism, financial monitoring, body of special financial competence, Rosfin-monitoring.

«Системный вопрос — это укрепление финансового суверенитета нашей страны. Это важнейшее условие для наращивания инвестиций в высокотехнологичные компании, промышленность, сельское хозяйство и многие другие отрасли»¹, — заявил Президент РФ В. В. Путин в начале 2023 г. Большой вклад в решение этого вопроса вносит Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг).

Стоит начать с того, что Межведомственный центр по борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем, был создан уже в 1999 г. Его можно считать первым прототипом современной службы. Круг его полномочий был в разы меньше, и отсутствовала как таковая свобода в принятии решений, из-за чего деятельность данного центра была не такой эффективной, как это ожидалось. Это все неизбежно вело к тому, что поставленные задачи не выполнялись в полном объеме, так как на тот момент не было соответствующего нормативного регулирования данной сферы. Следующим шагом по укреплению финансового суверенитета Российской Федерации стало образование Комитета по финансовому мониторингу, созданного в соответствии с Указом Президента РФ «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»². Он являлся подотчетным Министерству финансов Российской Федерации. А его обязанности и задачи уже тогда соответствовали компетенциям, необходимым для работы нынешней службы.

Наконец в 2001 г. была создана Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), правовой статус которой был закреплен Указом Президента РФ «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу»³. Данная служба является федеральным органом исполнительной власти и, в отличие от упомянутого выше Комитета, она подчиняется напрямую Президенту РФ.

Росфинмониторинг — один из инструментов защиты государственного суверенитета. Вообще понятие «суверенитет» было введено в XVI в. Ж. Боденом и первоначально отражало безграничную власть сюзерена в противовес власти вассальных

¹ Совещание с членами Правительства (11 февраля 2023 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70338> (дата обращения: 25.11.2023).

² Указ Президента РФ от 01.11.2001 № 1263 (ред. от 22.03.2005) «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 45. Ст. 4251. СЗ РФ. 2003. № 15. Ст. 1346.

³ Указ Президента РФ от 13.06.2012 № 808 (ред. от 13.11.2023) «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу (вместе с Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу)» // СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3314. СЗ РФ. 2023. № 47. Ст. 8393.

правителей. Более подробно раскрывается правовая сущность и генезис суверенитета, соотношения политической воли государя и народа в работах историко-правовой школы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)⁴.

Росфинмониторинг способствует не просто укреплению общего суверенитета, а именно финансового, от которого во многом зависит устойчивость России на экономическом и национальном уровнях. Согласно Указу Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», экономическая безопасность это состояние полной защищенности национальной экономики, разнопланового обеспечения экономического суверенитета страны, а также формирование условий, необходимых для реализации всех поставленных задач⁵. Финансовый суверенитет следует рассматривать как составную часть понятия суверенитета. В настоящий момент также можно говорить о том, что как суверенитет в целом, так и финансовый суверенитет являются проявлением демократических принципов существования страны. Их действие напрямую взаимообусловлено уровнем правового сознания и пониманием российским обществом государственных интересов: «финансовый суверенитет Российской Федерации обеспечивается всем социально-экономическим, политическим и военным устройством общества»⁶. То есть он является чертой, с одной стороны, приобретенной, провозглашенной самим государством, а с другой — неотделимой частью суверенитета в целом.

Давая определение понятию «финансовый суверенитет», можно сказать, что это проявление полной независимости, верховенства и самостоятельности в принятии решений как внутри страны, так и на международной арене, политико-правовая суверенность в экономической сфере, а также неотчуждаемое качество суверенного государства. В свою очередь, данное качество подразумевает под собой, с одной стороны, равенство государств в сфере финансов на международном уровне, а с другой стороны, неподчиненность воле другого государства: «финансовый суверенитет обладает свойством внешнего проявления индивидуального порядка, то есть — это свобода государства в отношении принятий тех или иных решений»⁷. Средства обеспечения финансового суверенитета Российской Федерации — совокупность инфраструктуры, новых технологий, различной техники, а также других ресурсов, включая коммуникационные каналы связи, используемые для защиты. Они необходимы для реализации разнообразных мер, нейтрализации экономических угроз, и минимизации последствий для финансового суверенитета. Таким образом, защита финансового суверенитета включает обеспечение и использование юридических и институциональных механизмов. Предметом финансового суверенитета, а также безопасности в области финансов являются, с одной стороны, потенциальная возможность нанесения какого-либо вреда объектам безопасности (в данном случае учитываются в том числе условия и обстоятельства, их влияние на безопасность), и ресурсная достаточность для обеспечения устойчивости финансового суверенитета перед внутренними и внешними угрозами, с другой.

Финансовая безопасность государства предполагает невозможность нанесения вреда финансовому суверенитету, обусловленного общественными внутренними и внешними отношениями, за счет эффективного функционирования различных ресурсов и инфраструктур. Именно данные задачи решает Росфинмониторинг.

⁴ См.: Исаев И. А. Суверенитет: закрытое пространство власти. М. : Проспект, 2017. 160 с. ; Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 122–130 ; Румянцева В. Г. Свободная воля суверена // История государства и права. 2023. № 10. С. 11–14.

⁵ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

⁶ Хабибулин А. Г. и др. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России: угрозы и риски : монография. М. : Союз-пресс, 2023. С. 25.

⁷ Ережанов Р. Р. Механизм реализации финансовой безопасности и финансового суверенитета Российской Федерации // Человек. Социум. Общество. 2022. № S15. С. 168–169.

Основные функции службы можно разделить на несколько групп по содержанию и предназначению, однако все они будут взаимосвязаны с противодействием легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Первая группа — охранительно-контрольные функции. Они непосредственно связаны с противодействием отмыванию преступных доходов. Кроме того, в совокупность норм, регулирующих данные функции, включены не только запрет финансирования терроризма, но и меры противодействия перемещения различных средств и ресурсов с целью распространения ядерного, химического, биологического и иного оружия массового уничтожения. Непосредственно это выражается в проведении расследований соответствующих экономических преступлений. Особая роль в этом процессе отводится протоколированию сведений о направлениях денежных масс, об установлении источников денежных средств, получателей и мест хранения. После проведения расследований служба выявляет незаконные финансовые схемы, которые чаще всего используются в этой сфере, затем формирует статистику и «прикрепляет» эти схемы к зонам риска и соответствующим секторам экономики. Это в дальнейшем влияет на установление приоритетных направлений деятельности службы.

Вторая группа — нормотворческие и связанные с ними функции. Они направлены на формирование государственной политики в этой области. В рамках указанной деятельности затрагивают как теоретические аспекты, вытекающие при выявлении общих незаконных схем, так и практические аспекты, связанные с установлением правил, регулирующих функционирование федеральных ведомств и иных государственных учреждений и организаций.

И третья группа — аналитические и информационные функции. На мой взгляд, оценка и анализ полученных в ходе расследований данных позволяет оптимизировать работу по предотвращению возможных преступлений. В какой-то мере реализация этих функций направлена на создание системы превентивных мер, в то же время они оказывают большое влияние на поддержание и укрепление национальной безопасности в настоящем. Помимо этого, на основании полученных в ходе анализа данных формируется единая информационная система Росфинмониторинга.

Функции можно разделить по территории, на которую распространяется компетенция государства, на внутренние и внешние. Основная деятельность Росфинмониторинга внутри России осуществляется через внутренние функции, которые определяются широким спектром полномочий. Некоторые из них распространяются на все федеральные органы власти и находят свое закрепление в Конституции РФ, в то время как другие являются особыми полномочиями, присущими только Росфинмониторингу, которые установлены в Законах № 115 и 134, а также в Положении о Росфинмониторинге.

Взаимодействие Росфинмониторинга с подразделениями финансовой разведки зарубежных стран относится к основным направлениям внешних функций Росфинмониторинга. Они являются крайне важными для борьбы со многими видами преступлений. Из учебных пособий следует, что свое отражение они находят «в российском законодательстве на основе международных соглашений и рекомендаций ФАТФ»⁸.

Росфинмониторинг способен реализовывать поставленные перед ним задачи самостоятельно или же путем привлечения собственных территориальных органов, либо взаимодействуя с иными государственными органами, а также общественными объединениями и организациями. Сотрудничество между федеральным уровнем и региональным происходит посредством системных связей коммуникации федеральных и региональных органов власти.

Нельзя не упомянуть про базу данных Росфинмониторинга. Именно она занимает центральное положение в системе координации, так как от надежности и актуальности обмениваемой информации напрямую зависит эффективность и оперативность применения тех или иных норм. Данная база имеет следующие преимущества:

⁸ Братко А. Г. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. М. : Юстицинформ, 2020. С. 181–182.

единство (содержит информацию по каждому региону страны), конфиденциальность (секретность как самой информации, так и данных о применимых действиях), оперативность, глобальность (позволяет находить взаимосвязи не только внутри страны, но и внешние связи).

Функционирование территориальных органов регионального уровня основывается на ст. 78 Конституции РФ. Она позволяет «создание своих территориальных органов и назначение соответствующих должностных лиц при осуществлении своих полномочий»⁹. Полномочия данной службы установлены в Положении о Федеральной службе по финансовому мониторингу. Из системного анализа указанного Положения можно сделать вывод о том, что Росфинмониторинг является органом специальной финансовой компетенции: с одной стороны, полномочия данной службы напрямую связаны с финансами — Росфинмониторинг осуществляет контрольные функции за денежными операциями, которые, в свою очередь, являются неотъемлемой частью платежной, банковской и иных систем, значимых для экономической безопасности и устойчивости государства; с другой же стороны, осуществляет контроль деятельности самих субъектов перечисленных систем. Не стоит забывать и про борьбу с финансированием терроризма. «В 2002 г. Россия ратифицировала Международную конвенцию по борьбе с финансированием терроризма... в компетенцию Росфинмониторинга вошли полномочия по противодействию финансированию терроризма»¹⁰. Это решение оказало серьезное воздействие на национальную стратегию борьбы с терроризмом в Российской Федерации, а вместе с тем и на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

В современной России Росфинмониторинг, являясь органом специальной финансовой компетенции, способствует решению важнейшей задачи государственной политики — укреплению финансового суверенитета страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Братко А. Г. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. — М. : Юстицинформ, 2020. — 718 с.
2. Ережанов Р. Р. Механизм реализации финансовой безопасности и финансового суверенитета Российской Федерации // Человек. Социум. Общество. — 2022. — № S15. — 169 с.
3. Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 4. — С. 122–130.
4. Исаев И. А. Суверенитет: закрытое пространство власти. — М. : Проспект, 2017. — 160 с.
5. Ковалев А. А. Стратегия обеспечения экономической безопасности. — СПб. : Изд. Коновалова А. М., 2019. — 188 с.
6. Носова С. С., Норкина А. Н., Морозов Н. В. Типологии финансовых махинаций : учебник. — М. : Кнорус, 2021. — 476 с.
7. Румянцев В. Г. Свободная воля суверена // История государства и права. — 2023. — № 10. — 69 с.
8. Хабибулин А. Г. и др. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России: угрозы и риски. — М. : Союз-пресс, 2023. — 485 с.

⁹ Ковалев А. А. Стратегия обеспечения экономической безопасности. СПб. : Изд. Коновалова А. М., 2019. С. 152–153.

¹⁰ Носова С. С., Норкина А. Н., Морозов Н. В. Типологии финансовых махинаций : учебник. М. : Кнорус, 2021. С. 402.

REFERENCES

1. Bratko AG. Financial monitoring in the system of countering the legalization of criminal proceeds and the financing of terrorism. Moscow: Justicinform Publ.; 2020. (In Russ.).
2. Erezhanov RR. The mechanism of realization of financial security and financial sovereignty of the Russian Federation. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo*. 2022;S15. (In Russ.).
3. Isaev IA. The people and the Sovereign: a one-time agreement. Kurrier of the Kutafin University (MSAL). 2023;4:122-130. (In Russ.).
4. Isaev IA. Sovereignty: the Closed Space of Power. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).
5. Kovalev AA. Strategy of Ensuring Economic Security. St. Petersburg: Izdatelstvo Konovalova A.M.; 2019. (In Russ.).
6. Nosova SS, Norkina AN, Morozov NV. Typologies of Financial Frauds. Moscow: Knorus Publ.; 2021. (In Russ.).
7. Rumyantseva VG. The Free Will of the Sovereign. *History of State and Law*, 2023;10:69. (In Russ.).
8. Khabibulin AG, et al. Financial Sovereignty and Financial Security of Russia: Threats and Risks. Moscow: Soyuz-press Publ.; 2023. (In Russ.).

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МИЛИЦИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И БЕЛЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ СИБИРИ

Гордеев Александр Геннадьевич,

старший преподаватель кафедры истории государства и права

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат исторических наук

125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

lex.ag@mail.ru

© Гордеев А. Г., 2023

Аннотация. В статье рассматривается период Великой российской революции 1917 г. и последовавшей гражданской войны, их влияние на органы управления, включая МВД. Указывается на политические потрясения, сопровождающие революционные преобразования российского общества, включая изменения системы охраны правопорядка. В результате в ходе строительства обновленного государственного аппарата на буржуазно-демократических принципах были созданы новые органы, такие как народная милиция Временного правительства, затем сибирская милиция, чтобы обеспечить правопорядок и безопасность граждан в условиях перехода от одной политической власти к другой. Стремительные изменения политической, социальной и экономической ситуации находили отражения в принимаемых нормативных правовых актах. Временное правительство, сформированное либерально-демократическими силами, проводило политику децентрализации власти, что отвечало сложившимся конкретно-историческим условиям на момент весны 1917 г. Начавшееся полномасштабное вооруженное противостояние сторонников и противников советской власти резко изменило внутривластную ситуацию. Восстание чехословацкого корпуса весной 1918 г. привело фактически к одномоментному свержению советской власти на всей протяженности Транссибирской магистрали. Образовавшиеся на востоке России государственные образования последовательно трансформировались во всероссийскую власть, верховенство которой было признано и остальными центрами антибольшевистской борьбы. Именно на этой территории сформировались органы государственной власти, способные быть полноценной альтернативой системе, выстроенной большевиками. Анализируется комплекс изменений, произошедших в законодательстве, касающихся организации правопорядка от закрепления принципа децентрализации до попытки выстроить новую вертикаль власти. Получает решение вопрос, связанный с все нарастающим кадровым голодом в процессе укомплектования милиции кадрами. Делается вывод об общей эффективности сложившейся системы правопорядка.

Ключевые слова: Временное правительство, Великая российская революция, гражданская война, Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство, Сибирь, «белые», милиция, правопорядок, реформа, законодательство.

LEGAL STATUS OF THE MILITIA OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT AND THE WHITE GOVERNMENTS OF SIBERIA

Alexander G. Gordeev,

Cand. Sci. (History), Senior Lecturer of the Department of History of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation

lex.ag@mail.ru

Abstract. *The paper examines the period of the Great Russian Revolution of 1917 and the subsequent Civil War, their impact on government bodies, including the Ministry of Internal Affairs. The author points to the political upheavals accompanying the revolutionary transformations of Russian society, including changes in the law enforcement system. As a result, during the construction of an updated state apparatus based on bourgeois-democratic principles, new bodies were created, such as the People's Militia of the Provisional Government, then the Siberian militia, to ensure law and order and the safety of citizens in the conditions of transition from one political power to another. Rapid changes in the political, social and economic situation were reflected in the adopted normative legal acts. The Provisional Government, formed by the liberal democratic forces, pursued the policy of decentralization of power, which corresponded to the prevailing historical conditions in spring, 1917. The outbreak of a full-scale armed confrontation between supporters and opponents of the Soviet government dramatically changed the internal political situation. The revolt of the Czechoslovak Corps in the spring of 1918 led, in fact, to the simultaneous overthrow of Soviet power along the entire Trans-Siberian Railway. The state formations formed in the East of Russia were consistently transformed into the All-Russian government, the supremacy of which was recognized by the other centers of the anti-Bolshevik struggle. It was on this territory that state authorities capable of being a full-fledged alternative to the system built by the Bolsheviks were formed. The paper analyzes the changes that took place in legislation concerning the organization of law and order, from the consolidation of the principle of decentralization to an attempt to build a new vertical of power. The author examines and resolves the issue related to the ever-increasing personnel shortage in the process of staffing the militia. The draws the conclusion concerning the overall effectiveness of the established system of law and order.*

Keywords: *Provisional Government, Great Russian Revolution, Civil War, Provisional Siberian Government, Provisional All-Russian Government, Siberia, «the white», militia, law and order, reform, legislation.*

События Великой российской революции и последовавшей гражданской войны изменили всю систему управления страной. Масштабные преобразования охватили и Министерство внутренних дел. Появление народной милиции Временного правительства обуславливалось разрушением системы правопорядка и жизненно важной для страны задачей в создании новой правоохранительной системы. Как указывает А. В. Петров в своей статье «К вопросу о правовом обеспечении организации и деятельности милиции Временного правительства и милиции «белых» правительств Урала и Сибири», правовой основой для формирования милиции послужили два документа, принятые в апреле 1917 г.: «Об учреждении милиции» и «Временное положение о милиции»¹. Постановление Временного

¹ Петров А. В. К вопросу о правовом обеспечении организации и деятельности милиции Временного правительства и милиции «белых» правительств Урала и Сибири // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (115). С. 35.

правительства в 1917 г. приравняло милицию к региональным исполнительным органам и обеспечило ее управление земскими и городскими управлениями без установленного срока службы, а система годичной отчетности перед органами и комиссаром Временного правительства гарантировала прозрачность и ответственность в ее работе². В условиях разрастающегося революционного хаоса очень спорным представляется решение о принятии на службу в милицию ранее судимых лиц, пусть даже и через 5 лет после отбытия наказания. Кадровый голод вынуждал идти на понижение требований и к руководителям милиции, и их заместителям: устанавливалось требование иметь хотя бы среднее образование. В должностные обязанности милицеских начальников входило представлять годовые отчеты комиссару Временного правительства своего региона, а глава МВД имел полномочия управлять милицией, издавать инструкции и указы, а также проводить ревизии, обеспечивая таким образом централизованное управление милицией на всей территории страны в период перемен и неопределенности³.

При работе народной милиции Временного правительства, в разных регионах, включая губернии и крупные города, создавались правительственные комиссариаты по милиции. Они имели право временно отстранять руководителей милиции от исполнения обязанностей. Постановление Временного правительства «Об учреждении милиции» не предоставляло полного регулирования организации и работы милиции, особенно на местном уровне. Это объясняется различиями в структуре и системе управления местными властями в разных регионах, что влияло на организацию и работу милиции⁴. Своими действиями Правительство выполнило широкомасштабную децентрализацию системы управления⁵.

Весной 1918 г. началось восстание против власти Советов со стороны антибольшевистских сил, что потом привело к широкомасштабной Гражданской войне. В мае — июне 1918 г. вспыхнуло восстание «Чехословацкого корпуса», которое взаимодействовало с лидерами антибольшевистского подполья. Это восстание быстро переросло в широкомасштабное движение и позволило антибольшевистским силам захватить контроль над всей Транссибирской магистралью, простирающейся от Пензы до Владивостока. Почти одновременно с этим экспедиционные корпуса иностранных государств начали оккупацию различных районов и даже целых регионов России. Эти события смело можно считать началом масштабной Гражданской войны в России, именно они стали отправной точкой для появления разнообразных антибольшевистских и антисоветских квазигосударственных образований на ее территории⁶.

Регионом, который на протяжении долгого времени оставался неподконтрольным власти большевиков, стала Сибирь: обширная территория, пролегающая от Урала до берегов Тихого океана. С конца 1918 г. по начало 1920 г. эти земли оказались под управлением нескольких антибольшевистских правительств⁷. Самые успешные государственные образования в это время были КОМУЧ и Временное Сибирское правительство, образовавшие на Уфимском Государственном совещании Временное Всероссийское правительство (Директорию)⁸.

² Там же. С. 36.

³ Там же.

⁴ Органы полиции и войска МВД. Краткий исторический очерк / ред. коллегия: В. И. Воронцов, Л. П. Головнев, Н. И. Демидов, В. А. Евдокимов, В. Ф. Некрасов, П. Г. Пономарев, А. А. Фурс. М., 1996. С. 35–36.

⁵ Курицын В. М. Октябрьская революция и создание Советского государства. М.: Моск. Акад. МВД России, 2000. С. 6.

⁶ Иванов А. А. Организация и деятельность милиции белых правительств на территории России в период гражданской войны (1918–1921 гг.) // Развитие науки и образования Коллективная монография. Вып. 1 / гл. ред. Э. Н. Рябина. Чебоксары, 2018. С. 100.

⁷ Рынков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 5.

⁸ Иванов А. А. Указ. соч. С. 101.

Многие антибольшевистские «белые» правительства создавали свои милиционные структуры, используя основные принципы из постановления «Об учреждении милиции» от 17.04.1917, но вносили изменения, чтобы соответствовать своим требованиям⁹. Власти были обеспокоены тем, что система милиции, находившаяся под управлением органов самоуправления, не соответствовала современным требованиям, особенно в условиях гражданской войны. Эффективный контроль над милицией стал необходимостью. Поэтому в сентябре 1918 г. Административный совет Временного Сибирского правительства передал милицию под управление Департамента милиции при Министерстве Внутренних Дел. Местной милиции были сокращены функции, включая сбор налогов и выдачу справок, которые были переданы особым земским сборщикам. Что касается иерархии, она стала более ясной после октября 1918 г., когда управляющий МВД опубликовал циркулярное письмо, устанавливающее порядок подчинения: участковые руководители милиции подчинялись уездным руководителям, и все они были подчинены губернским комиссарам¹⁰.

Временное положение «О сибирской милиции» расширяло круг лиц, которым было запрещено поступать на милицейскую службу еще одной категорией: ответственные работники при Советах¹¹. Из системы управления милицией в Сибири исчезал губернский уровень, не было сформировано никакого специального органа для непосредственного управления, однако это не повлияло на качество выполнения ей своих задач¹². Милиция в значимой степени полагалась на кадры, которые имели опыт службы в дореволюционной милиции и жандармерии. Но из-за критичного недостатка персонала в процессе комплектации местных милицейских органов приходилось прибегать к принятию на службу ранее судимых¹³.

Основным средством обучения новых служащих милиции было проведение инструктажей путем разработки и применения на практике «Инструкции для чинов милиции»¹⁴. Сотрудники МВД и милиции поддерживали правопорядок. Многие высшие чиновники в милиции, которая действовала во времена правительства Колчака, были хорошо образованными юристами, и для набора сотрудников милиции использовались правила из документа под названием «Временное положение о сибирской милиции». Помимо этого, положение позволяло даже иностранцам служить в милиции¹⁵. Также милиция пополнялась лицами, негодными для военной службы, и в феврале 1919 г. были созданы особые отряды¹⁶.

Обилие форм местного самоуправления привело к недостаточной структурированности организационных аспектов, что было характерно для правительств «белых»¹⁷. После свержения монархии в феврале 1917 г. была организована попытка создать орган правопорядка на буржуазно-демократических началах. На первом

⁹ Там же. С. 103.

¹⁰ Скоринова Н. А. Из истории сибирской милиции // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. Вып. 1 (115). С. 327.

¹¹ Малыгин А. Я., Степанов М. М. Правоохранительные органы белых правительств. М. : ЮИ МВД России, 1998. С. 63.

¹² Петров А. В. Указ. соч. С. 39.

¹³ Иванов А. А. Указ. соч. С. 107.

¹⁴ Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 352 с. ; Петров А. В. Нормативное правовое регулирование деятельности правоохранительных органов «антибольшевистских» правительств Урало-Сибирского региона // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2005. № 8 (48). С. 14–18.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 240. Л. 1–4 ; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 241. Л. 1–4.

¹⁶ Орнацкая Т. А. К вопросу о юридической подготовке кадров правоохранительных структур «белых» правительств в восточной Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. // История: факты и символы. 2017. № 1 (10). С. 123.

¹⁷ Иванов А. А. Указ. соч. С. 103.

этапе формирования такой системы ключевым принципом стала демократизация, проявившаяся, например, в децентрализации аппарата МВД и подчинении милиции органам местного самоуправления. После непродолжительного на территории Сибири периода советской власти начиная с весны 1918 г. продолжаются попытки выстроить новую систему правопорядка. Эти периоды в нашей истории имеют общее и особенное в отношении создания стабильно функционирующего органа охраны порядка. Объединяло эти периоды стремление к формированию «бесклассовой» милиции, основанной на принципах демократизма, использование ряда дореволюционных правовых актов. Отличал подход в реализации норм права и видение места милиции в новой России. Таким образом, организация милиции в правительствах «антибольшевистской» ориентации основывалась как на предреволюционных нормах, так и законодательстве Временного правительства¹⁸.

Формирование такого важного общественно-политического института, как милиция, после Февральской революции 1917 г. претерпело несколько важных трансформаций от децентрализованной системы, основанной на выборности начальников милиции и их подчиненности местному самоуправлению, до попытки выстроить вертикаль власти на территории Сибири. На всей протяженности своего существования революционная и небольшевистская милиция сталкивалась с проблемой нехватки квалифицированных кадров, что приводило к различным способам решить эту проблему. Были расширены списки преступлений, после совершения которых можно было претендовать на должность в правоохранительных органах, разрешалось принимать на службу иностранцев. Стройная система законотворчества, та ее часть, что касалась милиции, выстроенная в Сибири, разбивалась о некомпетентность ее исполнителей. Милиция Временного правительства, Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства так и не смогла стать по-настоящему эффективной правоохранительной структурой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2001. — 352 с.
2. Иванов А. А. Организация и деятельность милиции белых правительств на территории России в период гражданской войны (1918–1921 гг.) // Развитие науки и образования : коллективная монография. Вып. 1 / гл. ред. Э. Н. Рябина. Чебоксары, 2018. — С. 100–111.
3. Курицын В. М. Октябрьская революция и создание Советского государства. — М. : Моск. Акад. МВД России, 2000. — 24 с.
4. Малыгин А. Я., Степанов М. М. Правоохранительные органы белых правительств. — М. : ЮИ МВД России, 1998. — 169 с.
5. Органы полиции и войска МВД. Краткий исторический очерк / ред. кол.: В. И. Воронцов, Л. П. Головнев, Н. И. Демидов, В. А. Евдокимов, В. Ф. Некрасов, П. Г. Пономарев, А. А. Фурс. — М., 1996. — 464 с.
6. Орнацкая Т. А. К вопросу о юридической подготовке кадров правоохранительных структур «белых» правительств в восточной Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. // История: факты и символы. — 2017. — № 1 (10). — С. 118–128.
7. Петров А. В. К вопросу о правовом обеспечении организации и деятельности милиции Временного правительства и милиции «белых» правительств Урала и Сибири // Вестник Пермского университета. — 2012. — Вып. 1 (115). — С. 35–41.
8. Петров А. В. Нормативное правовое регулирование деятельности правоохранительных органов «антибольшевистских» правительств Урало-Сибирского региона // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». — 2005. — № 8 (48). — С. 14–18.

¹⁸ Петров А. В. К вопросу о правовом обеспечении организации и деятельности милиции Временного правительства и милиции «белых» правительств Урала и Сибири. С. 40.

9. Рынков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). — Новосибирск, 2006. — 212 с.
10. Скорикова Н. А. Из истории сибирской милиции // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2014. — Вып. 1 (115). — С. 327–331.

REFERENCES

1. Zvyagin SP. Kolchak and his Law enforcement policy of. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ.; 2001. (In Russ.).
2. Petrov AV. Normative legal regulation of the activities of law enforcement agencies of the «anti-Bolshevik» governments of the Ural-Siberian region. *South Ural State University Bulletin. Series: Law*. 2005;8(48):14-18. (In Russ.).
3. Ivanov AA. Organization and activity of the militia of the white governments on the territory of Russia during the Civil War (1918–1921). In: Ryabinin EN (ed.). Development of science and education. Issue 1. Cheboksary: Sreda Publishing House; 2018. (In Russ.).
4. Kuritsyn VM. The October Revolution and the creation of the Soviet State. Moscow: Moscow Acad. Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 2000. (In Russ.).
5. Malygin AY, Stepanov MM. Law Enforcement Agencies of White Governments. Moscow: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 1998. (In Russ.).
6. Vorontsov VI, Golovnev LP, Demidov NI, Evdokimov BA, et al. (eds.). The Police Agencies and the Troops of the Ministry of Internal Affairs. A Brief Historical Essay. Moscow; 1996. (In Russ.).
7. Ornatskaya TA. On the issue of legal training of personnel of law enforcement agencies of «white» governments in Eastern Siberia and the Far East in 1918–1920. *History: Facts and Symbols*. 2017;1(10):118-128. (In Russ.).
8. Petrov AV. On the issue of legal support for the organization and activities of the militia of the provisional government and the militia of the «white» governments of the Urals and Siberia. *Perm University Herald*. 2012;1(115):35-41. (In Russ.).
9. Markets VM. Financial policy of the anti-Bolshevik governments of the East of Russia (the second half of 1918 — the beginning of 1920). Novosibirsk; 2006. (In Russ.).
10. Skorikova NA. From the history of the Siberian militia. *The Bulletin of Irkutsk State Technical University*. 2014;1(115):327-331. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2023.28.4.034-040

МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКИМ ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В 1945–1965 гг.

Яценко Мария Владимировна,
ассистент кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
masha.yatzencko@yandex.ru

© Яценко М. В., 2023

Аннотация. Статья посвящена анализу механизма государственного управления системой здравоохранения в Советском Союзе на региональном уровне. Для наглядности выбраны двадцать лет послевоенного периода — с 1945 по 1965 гг. Объектом исследования стала система здравоохранения Курской области. В работе проанализирована правовая база функционирования здравоохранения в СССР, которая сложилась в эти годы. По итогам ее изучения сделан вывод о том, что имевшиеся в это время нормативные правовые акты в сфере здравоохранения не позволяли в полной мере сформировать управление системой здравоохранения правовыми методами. До 1969 г. в СССР даже не было принято ни одного закона, регулировавшего систему здравоохранения. Неразвитость правовой базы привела к тому, что, наряду с государственными структурами в лице Министерств здравоохранения СССР и РСФСР и их органами на местах, существенную роль в управлении системой здравоохранения играли органы КПСС (ВКП(б)). Опираясь на архивные материалы государственных архивов Курской области, автор анализирует механизм функционирования управления здравоохранением в рассматриваемый период на региональном уровне. По итогам исследования он приходит к выводу о том, что в основе механизма управления здравоохранением лежали не только нормативные правовые акты государства, но и решения партийных органов. Поэтому опыт управления здравоохранением в советский период не может быть использован в современной России, ставшей на путь построения правового государства.

Ключевые слова: история государства и права, государство, право, политика, закон, законодательство, медицина, здравоохранение, механизм управления здравоохранением, СССР.

THE MECHANISM OF SOVIET HEALTHCARE ADMINISTRATION AT THE REGIONAL LEVEL IN 1945–1965.

Maria V. Yatsenko,

Assistant Professor of the Department of History of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
masha.yatsenko@yandex.ru

Abstract. *The paper analyzes the mechanism of state administration of the healthcare system in the Soviet Union at the regional level. For illustration purposes only, the author focuses on twenty years of the post-war period — from 1945 to 1965. The object of the study was the healthcare system of the Kursk region. The paper analyzes the legal framework of healthcare in the USSR, which developed during these years. Based on the results of the study, the author concludes that the regulatory legal acts in the field of healthcare that were available at that time did not allow the management of the healthcare system to be fully formed using legal methods. Until 1969, more than one law regulating the healthcare system was not even adopted in the USSR. The underdevelopment of the legal framework led to the fact that, along with state structures represented by the Ministries of Health of the USSR and the RSFSR and their local bodies, the CPSU (VKP(b) bodies played a significant role in the health system. Based on archival materials from the state archives of the Kursk region, the author analyzes the mechanism of functioning of health management in the period under review at the regional level. According to the results of the study, the author comes to the conclusion that the mechanism of health care administration was based not only on normative legal acts of the state, but also on decisions of party bodies. Therefore, the experience of healthcare management in the Soviet period cannot be used in modern Russia, which has embarked on the path of building a rule of law state.*

Keywords: *history of the state and law, state, law, politics, law, legislation, medicine, health care, health management mechanism, USSR.*

После Октябрьской революции, как организация здравоохранения в целом, так и правовое регулирование отношений в области здравоохранения, претерпели в нашей стране коренные преобразования. Был взят курс на развитие государственной медицины, при этом частная медицина была признана чуждым явлением в социалистическом обществе. 11 июня 1918 г. был создан народный комиссариат здравоохранения, который стал в центре организации всей системы здравоохранения в РСФСР¹.

В последующие годы постепенно сформировалась нормативно-правовая база функционирования здравоохранения. В основе ее создания лежали решения съездов коммунистической партии, пленумов ее Центрального Комитета, постановления органов Советской власти и Советского правительства. Уже в Программе РКП(б) (1919 г.) было определено принципиальное направление развития советского здравоохранения, которое в том числе предусматривало «создание санитарного законодательства»².

Важную роль в формировании организационно-правовых основ советской системы здравоохранения сыграло принятие 5 декабря 1936 г. второй Конституции СССР. В частности, в ее разделе «Основные права и обязанности граждан» было закреплено право на бесплатную медицинскую помощь.

¹ Шевчук С. С. История развития законодательства в сфере здравоохранения // Вестник Северо-Кавказского технического университета. 2005. № 3. С. 117.

² Там же. С. 117–118.

К середине 1940-х гг. в целом сложилась нормативно-правовая база здравоохранения, во многом сформировавшаяся еще в 20–30-е гг., когда был принят ряд конкретных документов, которые легли в основу функционирования советского здравоохранения. Среди них: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 01.12.1924 «О профессиональной работе и правах медицинских работников», постановления: ЦК ВКП(б) «О медицинских кадрах» (1931 г.), ЦИК СССР «О подготовке врачей» (1934 г.), СНК СССР «О подготовке средних медицинских зубоврачебных и фармацевтических кадров» (1936 г.), «О порядке проведения медицинских операций» (1937 г.) и ряд других³.

В 1936 г. был создан народный комиссариат здравоохранения СССР, который стал осуществлять руководство народными комиссариатами союзных республик, в том числе и РСФСР⁴.

Согласно Закону СССР от 15.03.1946 Наркомат здравоохранения СССР был преобразован в Министерство здравоохранения СССР. Однако Положение о Министерстве здравоохранения СССР было утверждено постановлением Совета Министров СССР только через 22 года — 17 июля 1968 г. К сожалению, следует признать, что вплоть до конца 1960-х гг. в СССР не было принято специального закона о здравоохранении. Только 19 декабря 1969 г. Верховный Совет СССР принял закон об «Основах законодательства Союза СССР и союзных республик о здравоохранении», которые послужили законодательной базой.

В советский период и особенно, по нашему мнению, в послевоенное двадцатилетие, исторически сложилась ситуация крайней неразвитости правового обеспечения деятельности системы здравоохранения⁵. В течение нескольких десятилетий XX в. в области охраны здоровья реальная система здравоохранения работала не по законодательным актам, а по инструкциям и приказам Министерства здравоохранения СССР⁶.

Нормативная база, созданная Министерством здравоохранения СССР, охватывала всю сферу деятельности здравоохранения, довольно жестко регулировала его планирование и финансирование, организацию оказания медицинской помощи населению, подготовку кадров в отрасли, развитие медицинской науки и представляла стройную государственную систему общественного здравоохранения с жесткой вертикалью управления⁷.

Если же посмотреть на проблему руководства здравоохранением в советский период шире, то следует признать рассмотренный выше механизм руководства лишь частью более широкого механизма управления не только здравоохранением, но и в целом социальной сферой и другими областями функционирования общества и государства. Этот механизм включал, с одной стороны, жесткую вертикаль государственной власти от Правительства (союзного и республиканского) к министерствам здравоохранения (союзному и республиканским) и к их органам в краях и областях. С другой стороны, в стране существовала руководящая роль коммунистической партии от Политбюро (Президиума) ЦК и аппарата ЦК до обкомов, горкомов и райкомов партии с их аппаратами и отделами.

Как работал этот широкий механизм управления здравоохранением в послевоенное двадцатилетие, лучше наглядно рассмотреть на примере одной из областей РСФСР. Нами для этого выбрана Курская область, как одна из типичных областей Центрально-Черноземного района России.

³ Шевчук С. С. Указ. соч. С. 118.

⁴ Муслев Б. В. Историко-правовой анализ становления и развития регулирования отечественного здравоохранения // Вестник Российского нового университета. 2013. № 3. С. 76.

⁵ Общественное здоровье и здравоохранение: национальное руководство / под ред. В. И. Стародубова, О. П. Щепина [и др.]. М., 2014. С. 111.

⁶ Михайлова Н. В., Печникова О. Г. Становление лечебно-профилактических учреждений в России (краткий историко-правовой обзор) // Бизнес в законе. 2007. № 1. С. 164.

⁷ Общественное здоровье и здравоохранение: национальное руководство. С. 111.

Применительно к Курской области, как административно-территориальной единице в составе РСФСР, по государственной линии руководящим органом в сфере здравоохранения был областной отдел здравоохранения областного исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся, который, с одной стороны, подчинялся Министерству здравоохранения РСФСР, с другой — Курскому облисполкому.

Одновременно за положение в области во всех сферах, в том числе в здравоохранении, отвечал Курский обком КПСС, который контролировал и деятельность облздравотдела. Рабочим органом обкома, который курировал здравоохранение, был отдел административных органов.

Партийные органы контролировали самые различные сферы деятельности функционирования здравоохранения: развитие материальной базы, включая строительство медицинских учреждений и оснащения их оборудованием, подбор, расстановка и воспитание кадров в учреждениях здравоохранения, включая руководящих, здесь очень большое внимание в том числе уделялось рассмотрению разнообразных жалоб и заявлений трудящихся, поощрению и развитию различных общественных инициатив, связанных с укреплением здоровья населения. Обком КПСС осуществлял и непосредственный контроль деятельности облздравотдела по различным вопросам, а также осуществлял связь с центральными государственными и партийными органами по вопросам здравоохранения. Иногда вопросы здравоохранения рассматривались на бюро обкома КПСС, который принимал постановления по этим вопросам и в дальнейшем контролировал их исполнение. Эти постановления рассматривались нижестоящими партийными органами и первичными партийными организациями медицинских учреждений.

Государственно-партийный контроль за учреждениями здравоохранения был весьма продуманным. В этом контроле наглядно видно некоторое распределение функций. Облздравотдел по государственной линии занимался практическими вопросами, связанными с организацией и функционированием здравоохранения, начиная от финансирования, материально-технического снабжения, подготовки и расстановки медицинских кадров, повышения уровня их квалификации, определения структуры уровней здравоохранения, с учетом местных условий Курской области, взаимодействия медицинских учреждений разного профиля.

Партийные же органы, прежде всего обком КПСС и отдел административных органов, курировавший в исследуемый период здравоохранение в области, занимались, в принципе, тем же самым, только как бы со стороны, следя за работой облздравотдела, не давая ему расслабиться, держа его работников в тонусе, фиксируя их недостатки деятельности, ошибки, следя за их моральным и идейным обликом, борясь с проявлениями коррупции. Это касалось и руководителей органов здравоохранения в городах и районах, руководителей медицинских учреждений. Все они входили в номенклатуру обкома КПСС, утверждались им на своих должностях, и обком нес ответственность за их подбор, расстановку и результаты работы. Все они были членами компартии, и партийные органы могли наложить на них различные партийные взыскания. Крайней мерой было исключение из КПСС (ВКП(б)), что означало прекращение служебной карьеры в любой форме.

О том, как работал механизм государственно-партийного управления здравоохранением, можно подтвердить конкретными примерами.

В апреле 1948 г. бюро Курского обкома ВКП(б) заслушало вопрос о выполнении решения 5-й областной партконференции «Об улучшении работы органов здравоохранения». В материалах обкома за 1949 г. отмечалось, что это постановление бюро обкома ВКП(б) было выполнено не полностью и в работе органов здравоохранения Курской области имелись крупные недостатки. В частности, указывалось, что облздравотдел не выполнил приказ Министерства здравоохранения СССР о замене врачами медработников, работавших в должности заведующих райздравотделами. До сих пор в 9 районах области заведующими райздравотделами работали медработники со средним образованием. Кроме этого, облздравотдел, по мнению обкома,

продолжал допускать ошибки при подборе кадров. Вследствие слабой работы в деле воспитания кадров среди медработников имели место аморальные поступки⁸.

В 1949 г. в основу работы лечебных учреждений было положено выполнение приказов Министерств здравоохранения РСФСР и СССР по объединению больниц и поликлиник, по повышению качества обслуживания населения и приближения специализированной помощи сельскому населению. За 1947–1949 гг. было объединено 95 % больниц и 88,8 % поликлиник.

Особое внимание уделялось расширению специализированной сети на селе, открытию противотуберкулезных и противовенерологических кабинетов. Вновь было открыто 9 противотуберкулезных и 3 противовенерологических кабинетов⁹.

Обком ВКП(б) указывал, что основные мероприятия органов здравоохранения на ближайшие 2–3 года должны быть связаны с выполнением данных приказов¹⁰.

Учитывая тяжелую ситуацию с материально-технической базой здравоохранения области, которая сложилась в послевоенный период, в 1949 г. облздравотдел просил в связи с этим внести на обсуждение бюро обкома ВКП(б) следующие вопросы:

- о строительстве лечебных учреждений в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 31.10.1949;
- об освобождении используемых не по назначению занятых зданий органов здравоохранения;
- об организации строительства лечебных учреждений на селе методом народной стройки;
- о мероприятиях по ликвидации эпидемических заболеваний, резкому снижению заболеваемости туберкулезом и борьбе с преступными абортами¹¹.

Всё это наглядно свидетельствовало, во-первых, о том, решение каких проблем облздравотдел считал приоритетными; во-вторых, облздравотдел был не уверен в своих силах при их решении и пытался заручиться поддержкой более властного органа.

В мае 1950 г. на заседании бюро Курского обкома ВКП(б) был рассмотрен вопрос «О работе Курской областной клинической больницы». Поводом для этого стали публикации в областной газете «Курская правда» «За дальнейшее улучшение работы органов здравоохранения», «О долге советского врача» и в газете «Медицинский работник» «Негодные методы руководства», а также жалобы и заявления, поступившие в обком ВКП(б), где указывалось на плохое медицинское обслуживание больных.

Проведенной обкомом проверкой было установлено, что сигналы в жалобах, заявлениях и статьях в печати оказались верными¹². Было принято развернутое постановление бюро обкома по этому вопросу. После выхода данного постановления в области усилилось внимание к вопросам здравоохранения со стороны советских и партийных органов.

20 мая 1950 г. на 8-й сессии облисполкома был рассмотрен вопрос «О состоянии и мерах улучшения здравоохранения в области».

В ряде районов и городов на сессиях и исполкомах райгорсоветов депутатов трудящихся также были рассмотрены и обсуждены вопросы о состоянии и мерах по улучшению здравоохранения.

Некоторые райкомы и горкомы партии также обсудили вопросы здравоохранения. Так, Курский горком и райкомы города Курска провели следующие мероприятия:

- 17 мая 1950 г. вопрос «О состоянии и мерах по улучшению медицинского обслуживания населения города» рассматривался на бюро горкома ВКП(б);

⁸ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее — ГАОПИКО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1388. Л. 27–28.

⁹ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1388. Л. 26.

¹⁰ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1388. Л. 29.

¹¹ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1388. Л. 29.

¹² ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1215. Л. 85.

- было проведено собрание городских врачей и средних медицинских работников с докладом председателя городского комитета здравоохранения «Об итогах работы лечебных учреждений города за первое полугодие 1950 г.»;
- горздравотделом были разработаны мероприятия по улучшению работы лечебных учреждений. Исполком горсовета рассмотрел план реорганизации и расширения сети лечебных учреждений города¹³.

О роли областного комитета здравоохранения в управлении отраслью можно судить по докладу его заведующего «О работе областного отдела здравоохранения за 1951–1952 гг.».

В докладе указывалось, что основным направлением в работе облздравотдела в указанный период являлось дальнейшее всемерное улучшение медико-санитарного обслуживания трудящихся Курской области, выполнение решений 8-й сессии областного Совета депутатов трудящихся, приказов Министра здравоохранения СССР и Министра здравоохранения РСФСР. С этой целью большое внимание уделялось укреплению аппарата облздравотдела и горрайздравотделов. Из 68 заведующих горрайздравотделами 63 имели высшее медицинское образование и только 5 — среднее медицинское. В целях повышения квалификации заведующих горрайздравотделами в 1951 г. было проведено 2 семинара. Это позволило навести большой порядок в работе аппарата, установить лучший контроль за выполнением директивных указаний и собственных приказов, более четко организовать работу по рассмотрению жалоб и заявлений трудящихся. Такие формы работы с кадрами, как выезды на места, проводимые совещания, съезды медработников, активы, вызовы с докладами на заседания Медицинского совета, на аппаратные совещания, аттестация отдельных групп работников, прием полугодовых и годовых отчетов, дали возможность более глубоко, с точки зрения облздравотдела, ознакомиться не только с руководящим составом врачей, но и с врачами, работавшими во всех звеньях лечебных учреждений¹⁴.

По результатам проведения XX съезда КПСС и 10-й областной партийной конференции, в материалах обкома КПСС за 1957 г. отмечалось, что областной отдел здравоохранения стал работать более энергично, проявлять больше инициативы в проведении ряда профилактических мероприятий, однако указывалось и на недостатки в работе. В ней не было повседневной целеустремленности, с точки зрения обкома, в работе по решению основных задач. Заведующий отделом и его аппарат основное внимание уделяли решению текущих вопросов, упуская из вида большие, перспективные вопросы. Работники облздравотдела были слабо связаны с лечебными учреждениями, мало бывали на местах¹⁵.

В 1960 г. постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения РСФСР» как комплексная программа развития здравоохранения Курской области представило основные направления, по которым здравоохранение региона должно было совершенствоваться¹⁶.

В ноябре 1963 г. бюро Курского (сельского) обкома КПСС заслушал доклад заведующего облздравотделом Е. Ф. Колесникова о состоянии выполнения постановления бюро обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения», принятого в мае 1960 г.¹⁷

29 июля 1964 г. проходила объединенная сессия Курских (промышленного и сельского) областных Советов депутатов трудящихся по вопросу «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания населения области». Объединенная сессия областных Советов потребовала от исполкомов областных, городских и

¹³ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1215. Л. 76–83.

¹⁴ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1914. Л. 55–62.

¹⁵ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2414. Л. 73, 75.

¹⁶ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3428. Л. 171–180.

¹⁷ Язвин М. А. Очерки по истории здравоохранения Курской области : в 3 ч. Ч. III. Вып. 2 (1946–1965 гг.). Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1969. С. 174–175.

районных Советов депутатов трудящихся активизировать борьбу за повышение уровня медицинского обслуживания и охраны здоровья населения области¹⁸.

Развитие здравоохранения в Курской области в исследуемый период находилось под довольно жестким контролем. Этот контроль осуществлялся по двум линиям. По государственной, со стороны областного отдела здравоохранения исполнительного комитета Советов депутатов трудящихся Курской области и горрайздравотделов на местах и по партийной — со стороны Курского областного отдела КПСС (ВКП(б)) и его рабочего органа отдела административных органов. Партийный контроль также осуществляли городские и районные комитеты КПСС и первичные партийные организации в медицинских учреждениях, так как КПСС (ВКП(б)) была построена по производственно-территориальному принципу.

Особенность ситуации с механизмом управления здравоохранения в исследуемый период заключалась в том, что правовая база функционирования здравоохранения оказалась недостаточно разработанной, особенно на уровне законодательства. В то же время ключевую роль в управлении здравоохранением в регионах, по сути, играли органы компартии, которая была встроена в государственный механизм управления, в то же время имея статус общественной организации. Правовой статус партийных органов регулировался только партийными документами, а не государственными. Незрелость правового регулирования системы здравоохранения во многом компенсировалась всевластием партийных органов. В силу этого советский опыт руководства здравоохранением вряд ли возможно использовать в полной мере в современной России, которая взяла курс на построение правового государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Михайлова Н. В., Печникова О. Г. Становление лечебно-профилактических учреждений в России (краткий историко-правовой обзор) // Бизнес в законе. — 2007. — № 1. — С. 162–165.
2. Муслов Б. В. Историко-правовой анализ становления и развития регулирования отечественного здравоохранения // Вестник Российского нового университета. — 2013. — № 3. — С. 72–80.
3. Общественное здоровье и здравоохранение: национальное руководство / под ред. В. И. Стародубова, О. П. Щепина [и др.]. — М., 2014. — 624 с.
4. Шевчук С. С. История развития законодательства в сфере здравоохранения // Вестник Северо-Кавказского технического университета. — 2005. — № 3. — С. 114–120.
5. Язвин М. А. Очерки по истории здравоохранения Курской области : в 3 ч. Ч. III. Вып. 2 (1946–1965 гг.). — Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1969. — 326 с.

REFERENCES

1. Mikhailova NV, Pechnikova OG. The formation of medical and preventive institutions in Russia (a brief historical and legal review). *Business in Law*. 2007;1:162-165. (In Russ.).
2. Muslov BV. Historical and Legal Analysis of the Formation and Development of Regulation Of Domestic Healthcare. *Bulletin of the Russian New University*. 2013;3:72-80. (In Russ.).
3. Starodubov VI, Shchepin OP, et al. (eds.). Public health and healthcare: national guidelines. Moscow: 2014. (In Russ.).
4. Shevchuk SS. The History of the development of legislation in the field of healthcare. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2005;3:114-120. (In Russ.).
5. Yazvin MA. Essays on the history of healthcare in the Kursk region: in 3 parts. Issue 2 (1946–1965). Voronezh: TSentral'no-CHernozemnoe Book Publishing House, 1969. (In Russ.).

¹⁸ Язвин М. А. Очерки по истории здравоохранения Курской области : в 3 ч. Ч. III. Вып. 2 (1946–1965 гг.). С. 175–179.

ДОГОВОР О РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА: ПРАВОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Королев Павел Евгеньевич,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
korolevmultipass@yandex.ru

© Королев П. Е., 2023

Аннотация. В статье исследуется вопрос аутентификации договора о реализации туристского продукта в рамках сложившихся гражданских правоотношений. Оказывающий влияние на логику и являющийся одной из высокодоходных отраслей экономики туризм — неотъемлемая часть хозяйственной деятельности Российской Федерации. Актуальность работы определяется тем, что дискуссия о правовом регулировании оказания туристских услуг в науке достаточно молода. Устранение экономических неурядиц девятидесятых вводит понимание значения туризма в стране на иной уровень, требующий соответствующего нормативного регулирования. Чувствуется необходимость как в государственных механизмах стабилизации исследуемой области общественных отношений, так и в должном вмешательстве диспозитивных начал гражданского права. Отраслевой закон за тридцатилетие упорядочения сферы туризма претерпел немало изменений на фоне растущих туристских потоков. По-прежнему несовершенен понятийный аппарат, отсутствует единый подход к вопросу туристского правоотношения, имеет погрешности гражданско-правовая защита потребителей, участвующих в обязательствах по возмездному оказанию туристских услуг. Нормативное регулирование процесса реализации туристского продукта имеет дело с особой конструкцией соглашений, позволяющих туристу и контрагенту выбирать лучший вариант договорного оформления отношений. Согласно же законодательству, изучаемый договор — соглашение, по которому профессиональный субъект туристской деятельности обязуется оказать целевой комплекс туристских услуг заказчику, обязующемуся его оплатить.

Ключевые слова: туризм, туристская деятельность, туристское обслуживание, туристская услуга, туристские отношения, гражданские правоотношения, тур, туроператор, турагент, турист, договор возмездного оказания услуг, договор о реализации туристского продукта, права потребителя.

A CONTRACT FOR SALE OF TOURIST PRODUCT: LEGAL IDENTIFICATION

Pavel E. Korolev,
Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
korolevmultipass@yandex.ru

Abstract. The paper examines the issue of authentication of a contract for the sale of a tourist product within the framework of established civil law relations. Tourism,

which has an impact on logistics and is one of the highly profitable sectors of economy, is an integral part of the economic activity of the Russian Federation. The relevance of the work is determined by the fact that the discussion of the legal regulation of the provision of tourist services in science is quite young. The elimination of the economic troubles of the nineties brings the understanding of the importance of tourism in the country to a different level, requiring appropriate regulatory regulation. There is a need both for state mechanisms to stabilize the studied area of public relations, and for proper intervention of the dispositive principles of civil law. Over the thirty years of streamlining the tourism sector, the sectoral law has undergone many changes against the background of growing tourist flows. The conceptual framework is still imperfect, there is no unified approach to the issue of tourist legal relations, and there are errors in the civil protection of consumers involved in the obligations to provide paid tourist services. The regulatory regulation of the process of selling a tourist product deals with a special design of agreements that allow the tourist and the counterparty to choose the best option for contractual registration of relations. According to the legislation, the contract under study is an agreement under which a professional subject of tourist activity undertakes to provide a targeted range of tourist services to a customer who undertakes to pay for it.

Keywords: tourism, tourist activity, tourist service, tourist service, tourist relations, civil relations, tour, tour operator, travel agent, tourist, contract for the provision of paid services, contract for the sale of a tourist product, consumer rights.

Согласно Федеральному закону от 24.11.1996 № 132-ФЗ, сегодня туристская деятельность возводится в ранг приоритетных сфер экономики. Именно государство на текущий момент играет ведущую роль по организации благоприятных условий для динамики туризма и определению его важнейших направлений, а также формирует защиту отечественных туристов, туроператоров, турагентов и их объединений (ст. 3)¹. Отдельный же интерес представляет последний аспект, затрагивающий проблему положения субъектов туристских правоотношений. С момента опубликования вышеупомянутого нормативного акта законодатель не раз вносил изменения, стремясь устранить коллизии, возникающие между ГК РФ и Законом по вопросам идентификации договора о реализации туристского продукта. Итак, соглашение какого характера заключают участники гражданско-правовых отношений сферы туризма в действительности?

Предпосылка противоречий кроется в дискуссионности самого понятия туристского продукта. С одной стороны, базовый источник именуется последним комплексом услуг, оказываемых за общую цену (абз. 13 ст. 1 Закона). С другой, нормативных отсылок к терминологии туристского обслуживания обнаружить в Законе невозможно. Значит, туристский продукт — особый товар или же услуга?

Первейший вопрос, требующий отдельного исследования, заключается в характеристике явления туристской услуги. Общее определение последней легко примечается в налоговом законодательстве, которое говорит о деятельности, чьи результаты не имеют материального выражения, потребляясь во время самой активности (п. 5 ст. 38 НК РФ). Цивилистика же, воспринимая критерий наличия или отсутствия овеществленного результата, обращает внимание на обязанность исполнителя по договору возмездного оказания услуг совершить определенные действия, не делая оговорки о результатах (п. 1 ст. 779 ГК РФ). Различаясь с терминологией работы, услуга отмечается разовым оказанием и потреблением, целостностью и неосязаемостью, а также сугубо личным характером².

¹ Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (ред. от 13.06.2023) // СЗ РФ. 2 декабря 1996. № 49. Ст. 5491 ; СЗ РФ. 19 июня 2023. № 25. Ст. 4441.

² Отchesкий И. Е. Защита прав потребителей в обязательствах по возмездному оказанию туристских услуг : монография. М. : Юстицинформ, 2017. С. 28.

Что же представляет из себя туристская услуга? Первейшая статья Закона приводит лишь две разновидности данного термина (перевозка и размещение), а доктрина обращает внимание на сосуществование взаимозависимых понятий. К услугам, лишь связанным с туристской деятельностью, предлагается причислить экскурсионные, образовательные, лечебные услуги, которые дополняют основу туристского продукта³. Отвечая цели каждого туриста, критериям объективной необходимости в период совершения путешествия, они способны переходить в разряд туристских, формируя достаточный комплекс с единством конструкции. Непосредственный «переход» и будет подвержен регулированию нормативными положениями гражданского права, представляя собой заключение или договора в результате новой оферты туриста, или иного соглашения сторон об изменении, а также дополнении публичного договора о реализации туристского продукта.

Интересно, что на протяжении нескольких лет в Российской Федерации действовал государственный стандарт, содержащий положения о туристской услуге. Действовавший до 2018 г., он указывал на результаты деятельности по удовлетворению потребностей туриста в осуществлении тура или его отдельных составляющих (п. 3.12 постановления Госстандарта России от 16.11.2000 № 295-ст. «О принятии и введении в действие государственного стандарта»). Так, возможность отнесения к терминологии тура иных услуг, ранжированных согласно цели путешествия, подтверждает комплексный продукт в туристских правоотношениях. Но «отдельные составляющие тура» подвергают сомнению всю совокупность исследуемого явления. Сложившиеся между туроператором, турагентом и туристом хозяйственные отношения будут подлежать закреплению самодостаточными юридическими конструкциями. Ими могут выступать перевозка и хранение, прокат или оказание иных услуг⁴.

Всякая туристская услуга отличается профессиональным межотраслевым характером ее предоставления. Это любые услуги, оказываемые туроператором и турагентом в рамках организации форм туризма. Терминология договора о реализации туристского продукта, в свою очередь, стремится к миру материальному, не отражающему до конца уникальность объекта гражданского правоотношения по оказанию туристских услуг⁵. Самостоятельный же предмет обязательства — это не реализация, свойственная институту купли-продажи, а непосредственное оказание услуг, упоминаемое законодателем (ст. 128 ГК РФ).

Положения части третьей кодекса могут быть затронуты в рамках второго вопроса, требующего внимания. Раздел международного частного права, касаясь договоров с участием потребителя, оперирует термином соглашений в сфере туристского обслуживания (п. 3 ст. 1212 ГК РФ). Данная формулировка также содержится в упоминаемых положениях кодифицированного законодательного акта (п. 2 ст. 779 ГК РФ). Быть может, модернизируя правовое регулирование в области реализации туристского продукта, следует охарактеризовать договор о туристском обслуживании? Представляется, что эта терминология связывается с собирательными действиями (оказание услуг, продажа товаров или выполнение работ), направленными на удовлетворение потребностей граждан.

Само явление туристского обслуживания, вбирающее сущность понятия туристской услуги, представляется нам комплексным объединением различных услуг, многие из которых регулируются не нормами об их возмездном оказании, а самостоятельными законодательными положениями (к примеру, перевозка — гл. 40 ГК РФ)⁶. Тогда, руководствуясь содержанием ст. 783 ГК РФ, становится возможным включение

³ Вольвач Я. В. Туристские услуги как объект гражданских правоотношений : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2012. С. 25.

⁴ Завьялова С. В. Проблемы гражданско-правового регулирования туристской деятельности в Российской Федерации : монография. М. : Проспект, 2016. С. 41.

⁵ Вольвач Я. В. Указ. соч. С. 32.

⁶ Стригунова Д. П. Соотношение понятий «услуга» и «обслуживание» в сфере туризма // Туризм: право и экономика. 2005. № 5. С. 6.

в договор о туристском обслуживании отдельных видов работ, усматривая его связь с подрядом. Из всего вышеперечисленного следует, что предписания гл. 39 ГК РФ законодательством связываются исключительно с туроператорской и турагентской деятельностью по реализации продукта⁷.

С другой стороны, имеются высказывания о самостоятельности договора оказания туристских услуг, предусматривающего единственное обязательство по предоставлению туристу большого спектра услуг, например по размещению и питанию⁸. Рассматривая законодательно закрепленный договор о реализации туристского продукта в качестве же общего понятия, объединяющего несколько самостоятельных соглашений сферы туризма, мы делаем вывод, что договор оказания туристских услуг может быть «вписан» в конструкцию, предложенную Законом⁹. Однако в конкретном случае так называемый договор о реализации туристского продукта теряет всякое правовое содержание.

Третий вопрос, требующий исследования, относит нас к редакции Закона 1996 г., закрепляющей модель договора розничной купли-продажи продукта в сфере туризма (абз. 5 ст. 6). Но оказалось ли обоснованно использование таковой конструкции регулирования правоотношений? Приверженцы мнения отмечали преимущества в возможности гибкого ведения бухгалтерского учета, наиболее эффективной защите прав потребителя, предоставлении туристу теоретической гарантии на услугу, оказываемую контрагентами туроператора¹⁰. Однако может ли быть «продукт» правом? Ведь последнее туристу не передается продавцом, а впервые возникает в его лице. Тогда складывающаяся конструкция туристского правоотношения вновь удовлетворяет всем требованиям гл. 39 ГК РФ. Клиент остается кредитором, туристская компания — должником; оказывающий услуги выступает третьим лицом в обязательстве, а процесс «потребления» туристской путевки никак не может отождествляться с услугой¹¹. Туристская услуга, в свою очередь, заметно отличается от терминов вещи или товара, разнясь с договорной конструкцией купли-продажи.

Интересно, что проверки Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека на протяжении многих лет выявляли заключение туристскими организациями соглашений, противоречащих нормам законодательства. К примеру, на практике имело место соглашение об участии в зарубежных обучающих программах, не связанных с путешествием туриста¹².

Коллизия оказалась отражена и в судебной практике. Вновь и вновь можно встретиться с исковыми требованиями, основанными на заключении договоров о туристском обслуживании, под которым кроется подбор объекта размещения, а также оказание дополнительных услуг по аренде трансфера¹³. Арбитражные же суды отмечают факты оформления соглашения об оказании консультационных услуг по

⁷ Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2020. Т. 4 : Отдельные виды обязательств. С. 97.

⁸ Соколова Н. А. Туризм в Российской Федерации: правовое регулирование : учеб. пособие. М. : Волтерс Клувер, 2010. С. 115.

⁹ Казаченок О. П. Соотношение договора оказания туристических услуг и договора реализации туристского продукта // Новый университет. Экономика и право. 2014. № 5–6. С. 37.

¹⁰ Завьялова С. В. Гражданско-правовое регулирование туристской деятельности: основные положения, схемы, статистика, судебная практика : учеб. пособие. Петропавловск-Камчатский : КамГУ имени Витуса Беринга, 2014. С. 103.

¹¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : в 3 кн. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2011. Кн. 3 : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. С. 227.

¹² Отческий И. Е. Указ. соч. С. 39.

¹³ Апелляционное определение Московского городского суда от 28.09.2023 № 33-40809/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

подбору тура с третьим лицом¹⁴. Не происходит ли смешения понятий при отождествлении соглашения о купле-продаже тура с договором возмездного оказания услуг по туристскому обслуживанию?

Примечательно, что еще в 2001 г. Верховный Суд РФ, рассматривая дело в надзорном производстве, указывал на должное правовое регулирование гражданских отношений, возникающих в области покупки тура, нормативными правилами договора возмездного оказания услуг¹⁵. Противоречие же правоприменительной практики стало прямым следствием ненормативного характера комплекса услуг, узаконения профессионального термина туристского продукта, который не имеет тождества с предметом соглашения по оказанию туристских услуг.

Суммируя вышесказанное, следует говорить о комплексности договора о реализации туристского продукта как «зонтичной» конструкции для соглашений любой правовой природы в области туризма¹⁶. Таковое уникальное понимание позволяет потребителю и контрагенту выбирать оптимальный для себя вариант договорного оформления отношений, не требуя нововведений в правовом поле. Ведь нормативные предписания создаются именно для среднестатистического экономического субъекта, и отхождения юриспруденции от служения обществу допустить невозможно¹⁷. Туристские отношения, выступая частью хозяйственных процессов, служат базисом в структуре нормативного регулирования. Представляется же, что социальное явление будет порождать правовое, используя его для собственного оформления¹⁸. Таким образом, юридический аспект в общественных институтах — вторичная надстройка.

Согласно же законодательным положениям текущего дня, исследуемый договор есть соглашение, по которому профессиональное лицо, занимающееся туристской деятельностью, обязуется оказать целевые туристские услуги другой стороне — заказчику, обязанному их оплатить. Договор взаимный, возмездный, консенсуальный и публичный, поскольку туристская организация вступает в гражданско-правовые отношения с любым из обращающихся к ней субъектов. Соглашение в форме электронного документа считается заключенным с момента оплаты туристского продукта, обретая реальную юридическую природу, а также становясь основой формирования электронной путевки (ч. 3 ст. 10.3 Закона)¹⁹.

Какова истинная причина придания туристскому продукту правового облика? Думается, это попытка оправдания регулирования оказания туристских услуг договорной моделью купли-продажи и стремление согласовать отечественные нормы с международной практикой контракта на путешествие²⁰. Внесение изменений в положения Закона и ГК РФ поспособствует исключению путаницы в сфере правовой идентификации договора о реализации туристского продукта.

¹⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.10.2022 № 09АП-46892/2022-ГК по делу № А40-24594/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Кусков А. С., Сирик Н. В. Гражданско-правовые аспекты туристской деятельности : монография. М. : Русайнс, 2018. С. 65.

¹⁶ Чеботарева И. А. Договор о реализации туристского продукта как инструмент обеспечения прав потребителей // Туризм: право и экономика. 2021. № 3. С. 6.

¹⁷ Румянцева В. Г. К вопросу о творческой силе юриспруденции // Российское право онлайн. 2021. № 4. С. 73.

¹⁸ Исаев И. А. Живые институты Мориса Ориу: открытие социоправа // Lex russica. 2022. Т. 75. № 5. С. 12.

¹⁹ Суханов Е. А. Указ. соч. С. 99.

²⁰ Завьялова С. В. Проблемы гражданско-правового регулирования туристской деятельности в Российской Федерации. С. 38.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : в 3 кн. — 2-е изд., стер. — М. : Статут, 2011. — Кн. 3 : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — 1055 с.
2. Вольвач Я. В. Туристские услуги как объект гражданских правоотношений : монография. — М. : Норма : Инфра-М, 2012. — 128 с.
3. Завьялова С. В. Гражданско-правовое регулирование туристской деятельности: основные положения, схемы, статистика, судебная практика : учеб. пособие. — Петропавловск-Камчатский : КамГУ имени Витуса Беринга, 2014. — 556 с.
4. Завьялова С. В. Проблемы гражданско-правового регулирования туристской деятельности в Российской Федерации : монография. — М. : Проспект, 2016. — 112 с.
5. Исаев И. А. Живые институты Мориса Ориу: открытие социоправа // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 5. — С. 9–29.
6. Казаченок О. П. Соотношение договора оказания туристических услуг и договора реализации туристского продукта // *Новый университет. Экономика и право*. — 2014. — № 5–6. — С. 36–38.
7. Кусков А. С., Сирик Н. В. Гражданско-правовые аспекты туристской деятельности : монография. — М. : Русайнс, 2018. — 208 с.
8. Отческий И. Е. Защита прав потребителей в обязательствах по возмездному оказанию туристских услуг : монография. — М. : Юстицинформ, 2017. — 264 с.
9. Румянцева В. Г. К вопросу о творческой силе юриспруденции // *Российское право онлайн*. — 2021. — № 4. — С. 73–76.
10. Соколова Н. А. Туризм в Российской Федерации: правовое регулирование : учеб. пособие. — М. : Волтерс Клувер, 2010. — 224 с.
11. Стригунова Д. П. Соотношение понятий «услуга» и «обслуживание» в сфере туризма // *Туризм: право и экономика*. — 2005. — № 5. — С. 5–8.
12. Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2020. — Т. 4 : Отдельные виды обязательств. — 544 с.
13. Чеботарева И. А. Договор о реализации туристского продукта как инструмент обеспечения прав потребителей // *Туризм: право и экономика*. — 2021. — № 3. — С. 2–6.

REFERENCES

1. Braginskiy MI, Vitryansky VV. Contract Law: in 3 books. 2nd ed. Book 3: Contracts for the performance of works and the provision of services. Moscow: Statut Publ.; 2011. (In Russ.).
2. Volvach YaV. Tourist services as an object of civil relations. Moscow: Norma: INFRA-M Publ.; 2012. (In Russ.).
3. Zavyalova SV. Civil law regulation of tourist activity: basic provisions, schemes, statistics, judicial practice. Petropavlovsk-Kamchatsky: Vitus Bering KamSU Publ.; 2014. (In Russ.).
4. Zavyalova SV. Problems of civil law regulation of tourist activity in the Russian Federation. Moscow: Prospect Publ.; 2016. (In Russ.).
5. Isaev IA. Maurice Hauriou's Living Institutes: The Discovery of Sociolaw. *Lex russica*. 2022;75(5):9-29. (In Russ.).
6. Kazachenok OP. The ratio of the contract for the provision of tourist services and the contract for the sale of a tourist product. *New University. Economics and Law*. 2014;5-6:36-38. (In Russ.).
7. Kuskov AS, Sirik NV. Civil and legal aspects of tourist activity. Moscow: Rusains Publ.; 2018. (In Russ.).
8. Otcheskiy IE. Consumer protection in obligations for the provision of paid tourist services. Moscow: Justitsinform Publ.; 2017. (In Russ.).
9. Rumyantseva VG. The Issue of the Creative Power of Jurisprudence. *Russian Law Online*. 2021;4:73-76. (In Russ.).

10. Sokolova NA. Tourism in the Russian Federation: Legal Regulation. Moscow: Walters Kluwer Publ.; 2010. (In Russ.).
11. Strigunova DP. Correlation of the concepts of «service» and «service» in the field of tourism. *Tourism: Law and Economics*. 2005;5:5-8. (In Russ.).
12. Sukhanov EA. Civil Law. In 4 volumes. 2nd ed. Vol. 4: Certain types of obligations. Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).
13. Chebotareva IA. The Travel Product Sale Agreement as a Consumer Right Protection Instrument. *Tourism: Law and Economics*. 2021;3:2-6. (In Russ.).

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мухаринов Аюка Артурович,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
aamukharinov@gmail.com

© Мухаринов А. А., 2023

Аннотация. В статье приводятся и анализируются проблемы, связанные с развитием патентного права. Развитие системы патентов в России позволит оказать положительное влияние на экономический рост и обеспечит определенную автономность в экономической сфере. Актуальность данной проблемы связана с бурным технологическим развитием других государств. Автором приводятся три основные причины слабого развития патентной сферы в Российской Федерации: интеллектуальная миграция, несовершенство правового регулирования патентного законодательства и проблемы, связанные с правовой защитой патента, в частности с судебной защитой патентных прав. Автором анализируется опыт зарубежных стран в решении проблемы оттока человеческого капитала и оценивается возможность применения различных подходов в решении данной проблемы в Российской Федерации. Автор приходит к выводу о том, что данные подходы не могут быть в полной мере использованы в России на данный момент, в связи с чем необходимо кардинальное изменение экономической ситуации в государстве. Несовершенство правового регулирования связано с относительно недавним введением закона, регулирующего патентное право, а также с малым количеством выработанной практики по данному законодательству, поэтому масштабные изменения в законодательстве автором не предлагаются, однако корректировки в некоторых областях патентного законодательства необходимы. Также обозначена проблема судебной защиты патентных прав, связанная с большой нагрузкой судов вследствие большого количества дел, в связи с чем одним из возможных решений проблемы предлагается изменение механизма досудебного порядка урегулирования споров.

Ключевые слова: патент, патентное право, интеллектуальные права, человеческий капитал, экономика, правовая защита, досудебный порядок урегулирования споров, технологии, IT-сфера.

PATENT LAW IN MODERN RUSSIA

Ayuka A. Mukharinov,
Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
aamukharinov@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the problems associated with the development of patent law. The the patent system development in Russia will make it possible to have a positive impact on economic growth and ensure a certain degree of autonomy in the economic sphere. The relevance of this problem is related to the rapid technological

development of other countries. The author gives three main reasons for the weak development of the patent protection in the Russian Federation: intellectual migration, imperfect legal regulation in patent legislation and problems related to the legal protection of patents, in particular, the judicial protection of patent rights. The author analyzes the experience of foreign countries in solving the problem of human capital outflow and evaluates the possibility of applying various approaches to solving this problem in the Russian Federation. The author concludes that these approaches cannot be used in Russia to full extent at the moment. Therefore, a fundamental change in the economic situation in the state is necessary. The imperfection of legal regulation can be explained by relatively recent introduction of the law regulating patent law, as well as a small number of developed practices on this legislation. Thus, the author does not propose large-scale changes in legislation, but insists that adjustments in some areas of patent legislation are necessary. The problem of judicial protection of patent rights is also identified, which is associated with a heavy workload of courts due to a large number of cases, in connection with the author proposes to alter the mechanism of the pre-trial dispute settlement procedure.

Keywords: patent, patent law, intellectual property rights, human capital, economics, legal protection, pre-trial dispute settlement, technology, IT area.

Мировое сообщество охватил качественный скачок в развитии технологий и индустриального общества в целом. Патентное право является одним из условий дальнейшего развития общества и экономики, однако в России сфера создания и использования патентов недостаточно развита.

Отток человеческого капитала (интеллектуальная миграция; иногда в литературе — «утечка мозгов») — социальный процесс, при котором из страны уезжают специалисты, высококвалифицированные работники и ученые, труды, знания и способности которых могли быть направлены на развитие общества¹, поэтому данный процесс негативно влияет на развитие государства, у которого произошла «утечка мозгов». Вместе с тем процесс может быть вызван как определенными негативными факторами, например низкое качество жизни, высокая безработица, общее снижение развития науки и технологий, отсутствие должных условий развития человеческого потенциала (характерно для России), так и даже при активном развитии государства, например достижение государством определенного уровня развития, позволяющего миграцию специалистов (характерно для развивающихся стран, например Китая или Индии). Во всех случаях миграция происходит в страны, где, по мнению специалистов-мигрантов, качественнее происходит развитие человеческого потенциала, выше уровень жизни, стабильнее экономическое развитие и т.д.

Если рассматривать иностранный опыт на примере Китая и Индии, двух развивающихся стран с огромным количеством населения, где исторически развитие происходило во второй половине XX в. и первой половине XXI в., можно заметить, что отток человеческого капитала происходил на фоне ускоренного развития государства, и при этом наблюдаются различные подходы к уменьшению негативных факторов процесса миграции и увеличению пользы от данной миграции. Рассмотрим следующие два подхода.

Китайский подход. Это создание благоприятной среды для возвращения мигрантов на родину с их последующей поддержкой. В целом подобный подход характеризуется следующими условиями: адаптация возвратившихся специалистов, создание инфраструктуры, различные преференции, высокие заработные платы и другие мероприятия, совокупность которых позволяет конкурировать с условиями

¹ Чинных Н. П. Профилактика снижения уровня оттока человеческого капитала в России // Исследования человеческого капитала как стратегического ресурса социально-экономического развития: теория, методы, практика : сборник материалов Всероссийской молодежной научной конференции. Екатеринбург, 24–25 апреля 2014 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 236.

стран, из которых возвращаются мигранты². Однако подобный подход не лишен недостатков, среди которых наблюдается приоритет специалистов-мигрантов перед внутренними специалистами, а также использование разработанных технологий преимущественно в качестве экспорта. Данный подход к России применить крайне сложно, так как создание благоприятной среды для возвращения человеческого капитала требует огромного количества условий, выполнить которые в кратчайшие сроки невозможно, с учетом внешнеполитической ситуации.

Индийский подход. В отличие от КНР, где использовался подход по физическому возвращению человеческого капитала через предоставление различных преференций на территории Китая, в Индии через преференции человеческий капитал конвертируется в экономический. Грубо говоря, отток человеческого капитала воспринимается как некий актив, который сохраняет связь со страной происхождения через финансы (стимулирование инвестиций, льготы по денежным переводам и иные аспекты), что положительно влияет на приток денежного капитала в экономику государства, однако имеет слабое влияние на участие данных специалистов в развитии социально-экономического сектора. Для России подобная практика ближе, однако результаты политики Индии в данной сфере крайне слабо затрагивают решение проблем патентного права.

И в Китае, и в Индии первоначальным методом борьбы с интеллектуальной миграцией была политика запретов, которая, как показал опыт, является крайне малоэффективной и разрешает проблему лишь в краткосрочной перспективе.

В Российской Федерации ситуация отличается от вышеупомянутых государств: интеллектуальная миграция набирает обороты на фоне общего ухудшения научной и социально-экономической сферы, которая на данный момент отягощается и внешнеполитической ситуацией. Так, например, по данным Росстата, число граждан с денежными доходами меньше прожиточного минимума (бедных) на 2022 г. составляет 9,8 % от всего населения России, или 14,3 млн человек³. При этом стоит учесть то, прожиточный минимум опирается лишь на базовые, первоочередные потребности человека⁴, которые необходимы лишь для продления жизни как таковой, что приводит к отсутствию у людей достаточного капитала для развития своего потенциала.

Стоит упомянуть также и научно-технологическую инфраструктуру. При относительной стабильности числа научных организаций с тенденцией к постепенному увеличению с 2000 по 2022 г. в Российской Федерации наблюдается постепенное снижение числа исследователей в различных областях. Если на 2010 г. зарегистрировано максимально низкое число научных организаций — 3 492 и при этом зарегистрировано 368 915 научных исследователей, то на 2022 г. наблюдается повышение числа научных организаций до 4 195 и уменьшение общего числа исследователей до 340 666⁵. Очевидно, что само по себе повышение числа исследовательских центров

² Соколов Д. В. Интеллектуальная миграция в Китае, Индии и России: некоторые международные сопоставления // Управление наукой и наукометрия. 2016. № 3. С. 52–53.

³ Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам Российской Федерации, в процентах от общей численности населения // официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab2-1.xlsx> (дата обращения: 25.11.2023).

⁴ Уринсон Я. М. Динамика человеческого капитала и темпы роста // Бизнес. Общество. Власть. 2019. № 1 (31). С. 68.

⁵ Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки (по типам организаций; по секторам деятельности) (с 2000 г.) // официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nauka_1.xls (дата обращения: 25.11.2023) ; Численность исследователей (по областям науки; по возрастным группам; по ученым степеням; по субъектам Российской Федерации) (с 2010 г.) // официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nauka_3.xls (дата обращения: 25.11.2023).

не может позитивно повлиять на уменьшение тенденции к оттоку человеческого капитала, и в этом случае стоит обратить внимание на частные организации. Огромное количество государственных и муниципальных научных центров, с одной стороны, помогает организовывать полезную научную деятельность в необходимых отраслях науки и эффективно управлять ею, однако, с другой стороны, монополизация научной деятельности неизбежно приводит к ухудшению качества инноваций и снижению мотивации к исследованиям. Подобную проблему возможно решить с помощью увеличения числа частных научно-исследовательских компаний, причем, исходя из статистики, уже отмечается тенденция к демонаполизации данной сферы, поэтому необходимо поощрять стремление к демонаполизации.

Необходимо создать среду, благоприятную для развития бизнеса, а не использовать единичные преференции и льготы. В качестве возможного решения проблемы можно назвать развитие IT-сферы. Данное решение позволяет создать рабочие места при относительно низких затратах для бизнеса, увеличить влияние IT-услуг на развитие экономики, а также благоприятным образом повлиять на социально-экономическую сферу. Более того, развитие IT-услуг неизбежно приводит к потребности как в производстве электроники, так и в развитии технологий, используемых в данной сфере.

Российское патентное законодательство было кодифицировано в 2008 г. и, естественно, за короткий промежуток времени не могло бы каким-либо образом качественно улучшить ситуацию с интеллектуальной собственностью как сектором экономики. Однако при этом оно имеет ряд проблем, связанных как с получением и охраной патента, так и с патентным правом вообще. Согласно данным Роспатента, число изобретений за последние 4 года снизилось и достигло отметки в 26 924 ед. (34 984 ед. на 2020 г.)⁶. Для анализа состояния и эффективности патентного законодательства необходимо в целом рассмотреть законодательство об интеллектуальной собственности.

Патентное законодательство России опирается на международный (Парижская конвенция по охране промышленной собственности, соглашение ТРИПС) и зарубежный опыт, вместе с тем имеет ряд противоречий с международными стандартами в области интеллектуальной собственности, например в терминологии, толковании норм и т.д. Само понятие интеллектуальной собственности трактуется в России и за рубежом по-разному: так, в признанной зарубежной практике интеллектуальной собственностью признаются права на РИД и средства индивидуализации, в отличие от России, где интеллектуальная собственность рассматривается как совокупность таких результатов и средств⁷. Также стоит отметить закрытый перечень результатов интеллектуальной собственности и средств индивидуализации, что противоречит основным положениям международной Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, непоследовательность списка результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, отсутствие творческого характера как условия охраноспособности у ноу-хау и т.д.

В патентном законодательстве существуют исключения из приоритета изобретения, полезной модели и промышленного образца, называемые льготами, указанные в ст. 1350–1352 ГК РФ. Так, раскрытие информации о патентуемых объектах заявителем не препятствует признанию патентоспособности соответствующих объектов. Однако подобное положение сильно влияет на принцип новизны. Европейская патентная конвенция (ЕПК) устанавливает только два строгих случая, когда действуют исключения: очевидное злоупотребление в отношении заявителя и участие в официальной выставке, которая подпадает под условия Конвенции о

⁶ Годовой отчет 2022 // Ежегодное официальное издание Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент). URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2022-ru.pdf> (дата обращения: 25.11.2023).

⁷ Мирских И. Ю., Логинова Т. Е. О противоречиях норм международного права и права Российской Федерации в сфере охраны интеллектуальной собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 3. С. 129–130.

международных выставках, подписанной в Париже 22 ноября 1928 г.⁸ Немецкое патентное право добавляет еще одно условие: раскрытие информации определенному кругу лиц, и при этом данное исключение в Германии работает 4 месяца, а не 6 месяцев, установленных в ЕПК и в российском законодательстве⁹. Испания же добавляет еще одно условие: раскрытие изобретения вследствие испытаний, проведенных заявителем¹⁰. Учитывая отсутствие уточнения понятия «раскрытие информации», данное исключение в российском законодательстве крайне сильно влияет на принцип новизны патентуемых объектов¹¹.

Большинство патентуемых объектов в России являются служебными (более 80 % на 2013 г.), при этом субъектами правоотношений по служебным патентуемым объектам являются работник и работодатель, которые не считаются равноправными, хотя и участвуют в гражданских правоотношениях, где стороны изначально равноправны между собой. Подобная сложность в отношениях должна быть максимально четко урегулирована, как, например, в Германии, где принят отдельный закон о служебных изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах. Однако в России до сих пор не принят даже подзаконный акт о минимальном вознаграждении за служебный патентуемый объект, в связи с чем применяется действующий Закон СССР «Об изобретениях», который на практике не используется в связи с диспозитивностью заключаемых договоров между работником и работодателем, где применяются меньшие ставки. Отсюда возникает и путаница в законодательстве, потому что применяются и международные акты, и договоры, и российское законодательство, и действующее советское законодательство при кодифицированном российском акте.

Характеризуя современное российское патентное законодательство, можно сделать вывод о формально подобном законодательстве России законодательствам зарубежных стран при большом количестве противоречий, носящих как мелкий характер, так и имеющих принципиальные отличия. Одной из причин существующих подобных проблем видится процесс вступления в ВТО, в рамках которого все интеллектуальное законодательство было переработано под условия ВТО, где сохранилась российская доктрина патентного права с зарубежным опытом. Одним из решений является системный подход к полной переработке патентного законодательства с упором на международные акты и зарубежный опыт. При этом для действительного развития сферы патентов стоит обратить особое внимание именно на практический опыт, выработанный разработчиками изобретений и предпринимателями, использующими данные изобретения в своих производствах, а не на теоретические коллизии и проблемы, часть из которых были описаны выше, ведь та же критика действия законов, а равно и его отсутствие будет более ценным для практического применения, чем выведенные из теории положения¹².

Решение проблем, связанных с патентным законодательством, тем не менее само по себе не решит проблему защиты патентных прав. Основной формой защиты прав является суд, однако с ним и связана основная проблема. С одной стороны, наблюдается огромная нагрузка на судебную систему, связанная с большим количеством дел: по данным с официального сайта Верховного Суда РФ, в 2022 г. российские суды рассмотрели более 40 млн дел, из них 25,7 млн — гражданские дела, 1,7 млн — экономические споры, что означает огромную роль судов в разрешении правовых

⁸ Конвенция о выдаче европейских патентов (Европейская патентная конвенция) от 05.10.1973, пересмотренная 17 декабря 1991 г. актом пересмотра статьи 63 ЕПК и актом пересмотра от 29.11.2000 // СПС «Кодекс» (дата обращения: 25.11.2023).

⁹ Патентный закон ФРГ от 1981 г. (с изм. от 23.03.1993) // Зарубежное патентное законодательство. 2-е изд., доп. М., 1998. Т. 2. С. 294.

¹⁰ Испания. Закон о патентах 11/1986 г. от 20.03.1986 // Законы зарубежных стран по изобретениям и полезным моделям. М., 2005. Т. 2. С. 246.

¹¹ Ермаков Р. В. О некоторых актуальных проблемах российского патентного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2. С. 132.

¹² Румянцева В. Г. К вопросу о творческой силе юриспруденции // Российское право онлайн. 2021. № 4. С. 74.

споров¹³. С другой же стороны, большая нагрузка влияет на время рассмотрения дела: по данным электронной газеты «Ведомости», среднее время рассмотрения дела судьей Арбитражного суда г. Москвы составляет 1 час 7 минут, куда входят все процессуальные действия и разбирательство по существу, и вместе с тем нарушение срока рассмотрения дела (2 месяца для гражданских дел, 6 месяцев для арбитражных споров) негативно влияет на оценку работы судьи¹⁴. Всё это негативно влияет на правильное разрешение дел и, соответственно, работу судов как института защиты прав граждан и организаций.

Несмотря на установленные ГПК РФ и АПК РФ сроки рассмотрения дела, по состоянию на 2021 г. в судах общей юрисдикции в пределах процессуальных сроков рассмотрено лишь 59,5 % гражданских дел, хотя при этом арбитражными судами с превышением установленных АПК РФ сроков по первой инстанции было рассмотрено 1,6 % дел¹⁵. Также определенную сложность вызывает определение суда по предметной подсудности. В зависимости от сторон и категории спора разбирательство может происходить как в суде общей юрисдикции, так и в арбитражном суде, вследствие чего рассмотрение и разрешение сходных дел может кардинально различаться.

В то же время в Суд по интеллектуальным правам в 2022 г. поступило лишь 1 252 исковых заявления. Такое относительно малое количество дел вызвано следующим: анализ полномочий Суда по интеллектуальным правам позволяет сделать вывод о том, что суд рассматривает в основном дела публичного характера об оспаривании актов и решений публичных образований и лишь проверяет законность уже вступивших в силу решений арбитражных судов. При спорах между частными лицами Суд способен лишь косвенно защитить права пострадавшей стороны через признание права на РИД, признание патента недействительным, досрочное прекращение правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования и установление патентообладателя.

Патенты со временем утрачивают свою новизну и актуальность в условиях конкуренции, а стремительное развитие технологий все сильнее уменьшает полезное время патента, то есть патент быстрее теряет актуальность. Об этом, например, свидетельствует французский опыт: если в редакции Кодекса Франции об интеллектуальной собственности до 28 июля 2001 г. срок защиты составлял 25 лет со дня подачи заявки с возможностью дополнительного продления на 25 лет (по факту максимум — 50 лет), то с 28 июля 2001 г. срок защиты составляет 5 лет с возможностью поэтапного продления на 5 лет до максимального срока 25 лет¹⁶. В подобных условиях время для патентообладателей становится более ценным, поэтому защита патентов в судебном порядке является не самым быстрым способом.

На практике встречаются следующие ситуации: слишком подробно описанные патентуемые объекты сужают круг объектов, защищаемых патентом, чем и пользуются недобросовестные лица. Любое малое изменение характеристик объекта за

¹³ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2022_na_sayt_SD.pdf (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁴ Хвалей В. В арбитражных судах слишком много дел // Электронная газета «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/09/03/838644-arbitrazhnikh-sudah> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁵ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2021 году // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_AS_v_2021.pdf (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁶ Code de la propriété intellectuelle // République française; Secrétariat général du gouvernement. «Légifrance Le service public de la diffusion du droit» [The public service for dissemination of the law]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006279332/1992-07-03/ (дата обращения: 25.11.2023).

пределами заявки без изменений принципов его работы формально создает новый объект, который также патентуется и используется, не нарушая при этом закона (за исключением принципа добросовестности). В таком случае фактические патентообладатели вынуждены обращаться в суд за защитой своих прав, однако вместе с тем они терпят издержки в связи с рассмотрением дела, тратят время, которое в случае применения обеспечительных мер временно прекращает фактическое действие патента, а также не всегда дело может закончиться успехом. И хотя подобные ситуации — новое явление для России¹⁷, это также влияет на выбор защиты своих прав без использования патентов, например через коммерческую тайну, законодательство о которой имеет пробелы, позволяющие легально получить доступ без соответствующего наказания недобросовестных лиц. Всё это свидетельствует о системной проблеме развития патентного законодательства.

Проблему с высокой загруженностью судов возможно решить, в частности, подробным регулированием механизма обязательного досудебного порядка разрешения споров и расширением категорий дел с обязательным досудебным административным порядком разрешения споров. Как показала практика в налоговой сфере, введение обязательного административного порядка разрешения некоторых налоговых споров через жалобы и апелляционные жалобы в совокупности с развитием налоговых органов снизило количество дел в рамках налогового права. Обязательный досудебный порядок для споров на данном этапе не работает должным образом, так как в гражданском законодательстве отсутствует минимальный или максимальный период между претензией и исковым заявлением, что ведет к возможности одновременного направления претензии и искового заявления вне зависимости от отзыва на претензию, что ведет к увеличению нагрузки на суд. Расширение полномочий Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) в части урегулирования разногласий также поможет снизить нагрузку на суды. Подобные изменения, с одной стороны, не ограничат конституционное право граждан и организаций на обращение в суд, с другой стороны, количество дел, рассматриваемых в судах, уменьшится.

Проблематика развития патентного права носит системный характер и не ограничивается проблемами, указанными в данной статье. Так, например, как указывает И. А. Исаев, «во всех технических системах именно человеческий мозг определяет в конечном счете их главные цели»¹⁸, причем «человеческим мозгом» в данном случае может быть не только создатель изобретений, но и их оператор, которого необходимо обучить работать с данными технологиями, что, в свою очередь, приводит к необходимости дополнительной квалификации, если данные патенты распространяются на другие производства. Помимо этого, изменение действующего патентного законодательства не сможет само по себе привести к увеличению количества полезных изобретений ввиду отсутствия предприятий, способных генерировать идеи для патентования, однако должное решение вышеуказанных проблем позволит создать благоприятную среду для развития производства, что благоприятно скажется и на экономике государства, что, в свою очередь, приведет к развитию как системы патентов в частности, так и сферы технологий в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ермаков Р. В. О некоторых актуальных проблемах российского патентного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. — 2013. — № 2. — С. 130–134.
2. Исаев И. А. «Машина власти» или легализация техники // Lex russica (Русский закон). — 2019. — № 1 (146). — С. 119–143.

¹⁷ Шуртаков К. В. «Патентные тролли»: анализ зарубежной и российской практики // Экономика науки. 2016. № 4. С. 293.

¹⁸ Исаев И. А. «Машина власти» или легализация техники // Lex russica (Русский закон). 2019. № 1 (146). С. 127.

3. Испания. Закон о патентах 11/1986 г. от 20 марта 1986 г. // Законы зарубежных стран по изобретениям и полезным моделям. — М., 2005. — Т. 2. — 586 с.
4. Мирских И. Ю., Логинова Т. Е. О противоречиях норм международного права и права Российской Федерации в сфере охраны интеллектуальной собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2010. — № 3. — С. 128–132.
5. Румянцева В. Г. К вопросу о творческой силе юриспруденции // Российское право онлайн. — 2021. — № 4. — С. 73–76.
6. Соколов Д. В. Интеллектуальная миграция в Китае, Индии и России: некоторые международные сопоставления // Управление наукой и наукометрия. — 2016. — № 3. — С. 45–63.
7. Уринсон Я. М. Динамика человеческого капитала и темпы роста // Бизнес. Общество. Власть. — 2019. — № 1 (31). — С. 67–76.
8. Чинных Н. П. Профилактика снижения уровня оттока человеческого капитала в России // Исследования человеческого капитала как стратегического ресурса социально-экономического развития: теория, методы, практика : сборник материалов Всероссийской молодежной научной конференции. — Екатеринбург, 24–25 апреля 2014 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — С. 235–239.
9. Шуртаков К. В. «Патентные тролли»: анализ зарубежной и российской практики // Экономика науки. — 2016. — № 4. — С. 293–303.

REFERENCES

1. Ermakov RV. Some Current Problems of Russian Patent Legislation. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2013;2:130-134. (In Russ.).
2. Isaev IA. «Ruling Machine» or Legalization of Technology. *Lex russica*. 2019;1(146):119-143. (In Russ.).
3. Spain. The law on patents 11/1986 of March 20, 1986. In: Laws of Foreign Countries on Inventions and Utility Models. Vol. 2. Moscow: 2005. (In Russ.).
4. Mirskikh IYu, Loginova TE. On the contradictions between the norms of international law and the law of the Russian Federation in the field of intellectual property protection. *The Perm University Herald. Legal Sciences*. 2010;3:128-132. (In Russ.).
5. Rumyantseva VG. The Issue of the Creative Power of Jurisprudence. *Russian Law Online*. 2021;4:73-76. (In Russ.).
6. Sokolov DV. Intellectual migration in China, India and Russia: Some International Comparisons. *Science Governance and Scientometrics*. 2016;3:45-63. (In Russ.).
7. Urinson YaM. Dynamics of human capital and growth rates. In: Urinson YaM. *Business. Society. Power*. 2019;1(31):67-76. (In Russ.).
8. Chinykh NP. Prevention of reducing the level of outflow of human capital in Russia. In: Chinykh NP. *Research of human capital as a strategic resource of socio-economic development: theory, methods, practice: Proceedings of the All-Russian Youth Scientific Conference*. Yekaterinburg, April 24–25, 2014. Yekaterinburg: Unita Ural Publishing House Unita; 2014. (In Russ.).
9. Shurtakov KV. «Patent Trolls»: Analysis of Foreign and Russian Practice. *Economics of Science*. 2016;4:293-303. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2023.28.4.056-061

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ

Мякинченко Сергей Сергеевич,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
sergemy2k19@mail.ru

© Мякинченко С. С., 2023

Аннотация. Статья посвящена административной ответственности за нарушения законодательства о банкротстве. В работе рассматриваются основные типы нарушителей, которые подлежат административной ответственности. Особое внимание уделяется классификации нарушений законодательства о банкротстве, а также определению мер административной ответственности, применимых к лицам, допустившим такие нарушения. В статье проводится подробное рассмотрение санкций, предусмотренных законодательством, и их эффективности в предотвращении нарушений в сфере банкротства. Особое внимание уделяется такому виду административного наказания, как дисквалификация. Проводится сравнение отечественной санкции с ее аналогами в Германии и США, в результате которого делается вывод о необходимости изменения подхода к санкции, применяемой в РФ. В статье анализируется действующее законодательство, постановление Конституционного суда и судебная практика, выявляя недостатки и противоречия в законодательстве, касающемся административных правонарушений в сфере банкротства. Автором вносятся собственные предложения по внесению изменений в ст. 2.9, 14.12–14.14 КоАП РФ, которые могли бы сделать отечественное законодательство более эффективным в сфере регулирования отношений, связанных с совершением нарушений законодательства о банкротстве.

Ключевые слова: административное право, законодательство, правонарушение, административная ответственность, санкция, дисквалификация, банкротство, малозначительность, арбитражный управляющий, должник.

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR BANKRUPTCY LAW VIOLATIONS

Sergei S. Myakinchenko,
Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
sergemy2k19@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to imposing administrative liability for violations of bankruptcy legislation. The paper considers the main types of violators who are subject to administrative responsibility. Special attention is paid to the classification of violations of bankruptcy legislation, as well as to the definition of administrative

liability measures applicable to persons who have committed such violations. The paper provides a detailed review of the sanctions provided for by law and their effectiveness in preventing violations in the field of bankruptcy. Special attention is paid to such a type of administrative punishment as disqualification. The author compares domestic sanctions with its counterparts in Germany and the United States. The paper concludes that there is a need to change the approach to sanctions applied in the Russian Federation. The paper analyzes the current legislation, the decision of the Constitutional Court and judicial practice, identifying shortcomings and contradictions in legislation concerning administrative offenses in the field of bankruptcy. The author makes his own proposals to amend Articles 2.9, 14.12–14.14 of the Administrative Code of the Russian Federation that can make domestic legislation more effective in regulating relations related to violations of bankruptcy legislation.

Keywords: administrative law, legislation, offense, administrative liability, sanction, disqualification, bankruptcy, insignificance, arbitration manager, debtor.

Институт банкротства, обеспечивая баланс интересов различных участников рынка и способствуя стабильности развития экономики, является особенно важным элементом современной экономической системы любого экономически развитого государства. В Российской Федерации с каждым годом просматривается неустанный рост количества банкротных процедур, а также запросов в их урегулировании. В 2022 г. арбитражными судами было рассмотрено 243 435 банкротных дел, что существенно больше, чем за 2021 (189 277) и за 2020 (102 203) гг.¹ Правовая позиция изложена и в постановлении Конституционного Суда РФ: «процедуры банкротства носят публично-правовой характер»².

Бесспорно, важную роль в юридической системе банкротства играет административное право, так как оно предоставляет специальные инструменты, которые способствуют обеспечению надлежащего порядка в этой области, включая предотвращение совершения правонарушений, а также возможность привлечения нарушителей к административной ответственности.

Однако административно-правовая ответственность за неправомерные действия, совершаемые в процессе банкротства, или нарушение действующего законодательства о несостоятельности на данный момент рассматривается как явление относительно редкое, но весьма проблемное для общества. В настоящий момент административное законодательство, регулирующее отношения по поводу несостоятельности (банкротства), не получило должного уровня проработанности и всё еще находится на этапе детализации, конкретизации, рассмотрения альтернативных способов регулирования некоторых аспектов.

Весьма многогранный спектр отношений в области банкротства с его сложностью и разнообразием уместается в ограниченном числе статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а именно в ст. 14.12 «Фиктивное или преднамеренное банкротство», 14.13 «Неправомерные действия при банкротстве» и 14.14 «Воспрепятствование должностными лицами кредитной или иной финансовой организации осуществлению функций временной администрации».

Административная ответственность за нарушения законодательства о банкротстве в основном распространяется на физических лиц. В некоторых случаях законодательством предусмотрено привлечение и специальных субъектов: руководителей юридических лиц, учредителей (участников) юридических лиц, временных администраторов кредитных организаций, индивидуальных предпринимателей, а

¹ Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 25.11.2023).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева» // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 335.

также арбитражных управляющих. За совершение нарушений административного законодательства о банкротстве могут быть назначены административные наказания в виде административного штрафа или дисквалификации.

В ходе проведенного анализа упомянутых статей КоАП были выявлены недостатки и несовершенства в законодательстве, касающемся административных правонарушений в сфере банкротства. Так, объективной стороной такого правонарушения, как фиктивное банкротство, согласно ч. 1 ст. 14.12 КоАП РФ, является «заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином о своей несостоятельности»³. На основании анализа норм Закона о банкротстве, по сути, только заявление о несостоятельности (банкротстве), подписанное руководителем юридического лица или лицом, уполномоченным в соответствии с учредительными документами должника подавать заявление о признании должника банкротом, может быть признано заведомо ложным публичным заявлением о банкротстве.

Другие формы «заведомо ложных публичных объявлений о несостоятельности» (такие, как их распространение через средства массовой информации (СМИ)) на данный момент не предусматривают сходных негативных правовых последствий⁴. Это может создать определенные юридические проблемы и возможность избежать наказания в случаях, когда мошеннические объявления о банкротстве используются вне указанных категорий.

В настоящее время отсутствует четкое определение заведомо ложного публичного объявления о банкротстве и соответствующие критерии для его определения. Уточнение законодательства и установление ясных норм для таких ситуаций может быть крайне полезным для борьбы с мошенничеством в области банкротства, обеспечения законности в этой сфере, «достижения истинного замысла закона — установления порядка»⁵.

Еще одним проблемным аспектом в рассматриваемой сфере является конфликт между материальными нормами в рамках административного законодательства. Так, статьи 14.13 и 14.14 КоАП РФ взаимодействуют как общая и специальная нормы, регулируя административную ответственность за недобросовестные действия в контексте банкротства.

В научной среде был представлен взгляд, согласно которому часть 4 ст. 14.13 и статья 14.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях фактически вводят двойную административную ответственность. Важно подчеркнуть, что такое положение рассматривалось не как нарушение требований ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ, а скорее как позиция законодателя, который создал нормы, регулирующие сходные административные правонарушения, сочетающие в себе общие и частные аспекты⁶.

После дополнения ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ стоило бы признать статью 14.14 КоАП РФ утратившей силу, поскольку ее присутствие в качестве общей нормы становится необоснованным, учитывая, что ее объективная сторона практически полностью совпадает с объективной стороной ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ. Из этого факта вытекают две проблемы. Во-первых, на практике ст. 14.14 КоАП РФ практически не применяется ввиду наличия ч. 4 ст. 14.13⁷. Во-вторых, по причине конкуренции двух норм

³ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2002. № 3. Ст. 4190 ; СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6206.

⁴ Лебедева Е. А. Административная ответственность за нарушения законодательства о банкротстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 88.

⁵ Исаев И. А. Непроявленный язык закона // Lex russica. 2006. № 1. С. 15.

⁶ Газетдинов Е. В. Новое в законодательстве об административных правонарушениях в области предпринимательской деятельности // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 1. С. 92–95.

⁷ Амелин Р. В. [и др.]. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть первая: комментарий к главам 1–14 КоАП РФ / под общ. ред. Л. В. Чистяковой. ГроссМедиа : РОСБУХ, 2019. С. 431.

возникает ситуация, когда возможен спор о применении административной ответственности на неверных основаниях, что может привести к избеганию наказания.

Самой тяжелой санкцией для управляющих остается дисквалификация, предусмотренная частями 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП, которая фактически является лишением права на профессию и возможности работать и зарабатывать, не говоря уже о прямых финансовых потерях. Так, в Германии существует аналогичная мера уголовно-правового характера. Она может быть применена, если есть значительная вероятность, что преступник будет продолжать злоупотреблять своей профессией в будущем, а обязательным условием для применения данной меры является общая оценка преступника и его действий на момент вынесения приговора, которая убеждает судью в возможности совершения им будущих существенных правонарушений. Говоря о практике США, для применения подобной меры также требуются веские основания: мошенничество, обман, грубое неуправление имуществом должника. Очевидно, что применение такой меры ответственности должно быть соразмерным характеру совершенных нарушений⁸.

В российской практике встречается множество случаев, когда невозможно говорить о соразмерности: управляющие могут быть лишены работы в результате нарушения срока публикации на ЕФРСБ или неуказания ОКВЭД должника в отчете. Так, Арбитражным судом города Москвы управляющему была назначена дисквалификация на 6 месяцев за нарушение сроков публикации на ЕФРСБ сообщений о подаче заявлений об оспаривании сделок и о вынесенных судебных актах в отношении этих заявлений с учетом того, что ранее по другим делам об административной ответственности ему выносилось предупреждение и назначались три штрафа (дело № А40-247921/2019)⁹. В деле № А82-13450/2020¹⁰ суд дисквалифицировал конкурсного управляющего на 6 месяцев из-за разногласий относительно начала исчисления срока на публикацию сообщения о судебном акте в ЕФРСБ. Арбитражный управляющий по решению Арбитражного суда г. Москвы был лишен права на профессию на срок 6 месяцев за нарушение срока опубликования информации о заявлении кредитора о признании недействительной сделки должника на 3 дня, срока опубликования сведений о признании недействительной сделки должника на 2 месяца и срока опубликования сведений об обращении в суд с заявлением о взыскании убытков на 10 дней (дело № А40-26292/2021)¹¹. Проблема заключается в том, что упомянутые ранее части ст. 14.13 формальны и при этом применимы к любому нарушению законодательства о банкротстве, независимо от его последствий. Например, арбитражные управляющие могут быть привлечены к ответственности за отсутствие подписи на каждой странице реестра кредиторов. Так, Восьмой арбитражный апелляционный суд, рассмотрев апелляционную жалобу управляющего, признал за ним нарушение ст. 14.13 (дело № А46-2267/2018)¹². Первоочередной

⁸ Handbook for Chapter 13 Standing Trustees, Effective October 1, 2012 (U. S. Department of Justice) // Официальный сайт Министерства юстиции США. URL: <https://www.justice.gov/ust/private-trustee-handbooks-reference-materials/chapter-13-handbooks-reference-materials> (дата обращения: 25.11.2023).

⁹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 22.10.2019 по делу № А40-247921/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/i8UEX78zJkgo/> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁰ Решение Арбитражного суда Ярославской области от 14.10.2020 по делу № А82-13450/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/npd-doc?npmid=98&npid=53695523> (дата обращения: 25.11.2023).

¹¹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 18.03.2021 по делу № А40-26292/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IEQkY9zM019/> (дата обращения: 25.11.2023).

¹² Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 26.07.2018 по делу № А46-2267/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/F9EkJDSJEKvD/> (дата обращения: 25.11.2023).

задачей для арбитражного управляющего становится не работа с конкурсной массой, а правильное оформление отчетности.

Проводя сравнительный анализ дисквалификации и отстранения (ст. 145 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»), можно сделать вывод: нарушение ст. 14.13 ч. 3 влечет за собой наиболее строгие последствия при наименее строгих основаниях, что, по мнению автора, выглядит крайне нелогично. В случае нарушений, даже незначительных, могут быть вынесены предупреждения и возбуждены дела. Важно отметить, что уже первое нарушение, как показывает решение суда, может привести к привлечению к административной ответственности, например, если управляющий не сообщил в ЕФРСБ о наличии признаков фиктивного банкротства у должника (дело № А31-534/2021)¹³.

Кроме того, важно рассмотреть вопрос об административной ответственности управляющих в общем. Если управляющим были причинены убытки или их риск, то этот вопрос может быть рассмотрен в рамках дела о банкротстве. Если ни убытков, ни их риска не возникло и права участников дела не были нарушены, то в таких случаях нет необходимости вмешательства государства и привлечения управляющих к ответственности.

В настоящее время, если суд признает, что такое наказание, как дисквалификация, является несоразмерным для совершенного нарушения, он может решить, что это нарушение является малозначительным. Однако в соответствии со ст. 2.9 КоАП РФ при малозначительности административного правонарушения судья или орган, уполномоченные решать дело, могут решить освободить нарушителя от административной ответственности и ограничиться устным замечанием. А так как санкция, согласно ст. 14.13, является безальтернативной, то перед судом становится выбор: освободить управляющего от ответственности или лишить его права на профессию, независимо от конкретных обстоятельств дела. Из-за отсутствия определения или критериев малозначительности деяния в Кодексе существует ряд затруднений при оценке того или иного административного правонарушения как малозначительного.

С учетом рассмотренных аспектов, связанных с административной ответственностью арбитражных управляющих, предлагается следующее:

- исключить критерии повторности административного правонарушения и создать отдельный состав для квалификации арбитражного управляющего. Этот состав будет применяться в случае умышленных правонарушений, которые привели или могли привести к убыткам для участников дела о банкротстве;
- внести изменения в ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП и ввести альтернативную санкцию для повторных нарушений. Применение дисквалификации в отличие от штрафа сделать возможным только при наличии умысла управляющего и убытков или риска наступления убытков для лиц, участвующих в деле о банкротстве;
- закрепить в ст. 2.9 КоАП РФ понятие малозначительности. Такое дополнение могло бы сделать процесс определения малозначительных административных правонарушений более ясным и предсказуемым.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть особую важность института административной ответственности в сфере банкротства. Несмотря на некоторые изменения, внесенные различными правовыми реформами и нормативными правовыми актами, в законодательстве наблюдаются довольно серьезные проблемы и недоработки, требующие внимания и корректировок. Поскольку «появление ошибок в правоприменительной практике зачастую может быть связано именно с низким качеством нормативно-правовой базы»¹⁴, регулирование административной ответственности

¹³ Решение Арбитражного суда Вологодской области от 24.03.2021 по делу № А31-534/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/312eoWiUV4Uy/> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁴ Румянцев В. Г., Мурсалимов Г. Р. Юридическая техника как средство преодоления правоприменительных ошибок // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 3 (35). С. 16.

в сфере банкротства должно быть более точным и прозрачным, чтобы обеспечить справедливость и эффективность правосудия в этой важной сфере экономики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амелин Р. В. [и др.]. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть первая: комментарий к главам 1–14 КоАП РФ / под общ. ред. Л. В. Чистяковой. — ГроссМедиа : Росбукх, 2019. — 1337 с.
2. Газетдинов Е. В. Новое в законодательстве об административных правонарушениях в области предпринимательской деятельности // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2008. — № 1. — С. 92–95.
3. Исаев И. А. Непроявленный язык закона // Lex russica. — 2006. — № 1. — С. 7–25.
4. Лебедева Е. А. Административная ответственность за нарушения законодательства о банкротстве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 199 с.
5. Румянцева В. Г., Мурсалимов Г. Р. Юридическая техника как средство преодоления правоприменительных ошибок // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2007. — № 3 (35). — С. 14–16.

REFERENCES

1. Amelin RV, et al. Chistyakov LV (ed.). An article-by-article commentary on the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Part One: commentary on chapters 1–14 of the Administrative Code of the Russian Federation. GrossMedia: Rosbukh Publ.; 2019. (In Russ.).
2. Gazetdinov EV. New legislation on administrative offenses in the field of entrepreneurial activity. *Proceedings of Herzen Russian State Pedagogical University*. 2008;1:92-95. (In Russ.).
3. Isaev IA. The Unmanifested Language of the Law. *Lex russica*. 2006;1:7-25. (In Russ.).
4. Lebedeva EA. Administrative responsibility for violations of bankruptcy legislation. Cand. Sci. Diss. (Law). Moscow; 2008. (In Russ.).
5. Rumyantseva VG and Mursalimov GR. Legal Technique as a Means of Overcoming Law Enforcement errors. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2007;3(35):14-16. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2023.28.4.062-067

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА: ПРОБЛЕМЫ ПОМОЩИ РАЗВИВАЮЩИМСЯ СТРАНАМ

Шпаковский Юрий Григорьевич,
профессор кафедры экологического и природоресурсного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор научного
юридического журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук, профессор
125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
igshpakovskij@msal.ru

© Шпаковский Ю. Г., 2023

Аннотация. Изменение климата на планете является еще одним фактором появления природных катастроф, в результате которых наносится ущерб населению, объектам экономики и транспорта, разрушается инфраструктура городов и населенных пунктов. Особенно от этого страдают развивающиеся страны. В настоящее время международное сообщество достигло определенного консенсуса в отношении потерь и ущерба из-за изменения климата. Автором показано, что практическая дилемма в выявлении ответственности за ущерб в связи с потерями, вызванными изменением климата, заключается в том факте, что ряд международных договоров об изменении климата, таких как Рамочная конвенция ООН об изменении климата, не разъясняют правовую основу для компенсации. Имеются определенные трудности с определением субъекта ответственности, отсутствием обязательного механизма возмещения ущерба. В статье показано, что направлением решения данной проблемы является выделение обязательного механизма ответственности, прежде всего развитых стран перед развивающимися, а также пересмотр механизма формирования климатических фондов.

Ключевые слова: развивающиеся и развитые государства, глобальное изменение климата, материальные потери и ущерб, компенсационные механизмы.

OVERCOMING GLOBAL CLIMATE CHANGE: ASSISTING DEVELOPING COUNTRIES

Yuriy G. Shpakovskiy,
Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural
Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Editor-in-Chief,
Academic Law Journal «Currier of the Kutafin University (MGUA)»
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
igshpakovskij@msal.ru

Abstract. *Global climate change is another factor in occurrence of natural disasters, as a result of which damage is caused to the population, economic and transport facilities; the infrastructure of cities and settlements is destroyed. Developing countries are particularly affected by climate change. Currently, the international community has reached a certain consensus on losses and damage that take place due to climate change. The author shows that the practical dilemma in identifying liability for damage because of losses caused by climate change lies in the fact that a number of international treaties on climate change, e.g., the UN Framework Convention on Climate Change, do not clarify the legal basis for compensation. There are certain difficulties in determining the subject of liability, and the lack of a mandatory mechanism for compensation for damage. The article shows that the direction of solving this problem is the allocation of a mandatory mechanism of responsibility, primarily of developed countries to developing countries, as well as to review the mechanism for the formation of climate funds.*

Keywords: *developing and developed countries, global climate change, material losses and damage, compensation mechanisms.*

Проблема глобального изменения климата занимает сегодня одно из ключевых мест в международной политической повестке дня, даже несмотря на проблемы Украины, израильско-палестинского конфликта. Новая Климатическая доктрина России констатировала: «Изменение климата является одним из наиболее серьезных вызовов XXI в., который выходит за рамки научных дискуссий и представляет собой комплексную междисциплинарную проблему, охватывающую экологические, экономические и социальные аспекты устойчивого развития Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации»).

В 1992 г. на саммите в Рио-де-Жанейро 154 государства, признавая происходящее изменение климата в результате деятельности человека, решили объединить усилия для ограничения глобального потепления. Это ознаменовало появление Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) и ее руководящего органа — Конференции сторон. Кроме того, принятые в 1992 г. документы ООН определили специальные принципы и цель международного сотрудничества по проблеме антропогенного изменения климата.

Сегодня в качестве одной из наиболее важных проблем климатической повестки является неоспоримая ответственность развитых стран за изменение климата. Развитые страны в процессе индустриализации выделяют большое количество парниковых газов, таких как углекислый газ, что приводит к ряду негативных последствий, таких как повышение глобальных температур, таяние ледников и повышение уровня моря. Потери и ущерб, вызванные изменением климата, стали одной из серьезных проблем, угрожающих выживанию людей. Это не только оказывает огромное воздействие на природные ресурсы и биоразнообразие, но и представляет серьезную угрозу национальной и международной безопасности, что зафиксировано в Парижском соглашении от 12.12.2015.

Изменение климата серьезно затрагивает развивающиеся государства, поскольку, как наименее экономически развитые, они несут большую часть потерь и ущерба, вызванных климатическими изменениями, а некоторые страны даже сталкиваются с возрастающим риском природных катастроф (например, наводнений). Развивающиеся страны с ограниченными экономическими ресурсами явно не соответствуют принципам климатической справедливости.

В настоящее время возникает важный вопрос. Могут ли развивающиеся государства при ущербе, вызванным изменением климата, требовать от развитых стран выплаты компенсации? Существует ли основа международного права для этого?

Ущерб, причиненный изменением климата, является важным вопросом на международных переговорах по климату. Еще в 2007 г. на 13-й сессии конференции

сторон РКИК ООН была принята Балийская дорожная карта, в которой присутствует раздел «потери и ущерб, связанные с последствиями изменения климата». Однако в настоящее время ни одна международная конвенция или документы конференций не дали четкого определения понятию «ущерб от потерь, вызванных изменением климата»¹.

Существуют разные мнения ученых по вопросу ущерба от глобального изменения климата. Во-первых, природа ответственности за потери и ущерб государствам, вызванным изменением климата, заключается в особой компенсационной ответственности. Во-вторых, ответственность за ущерб, причиненный изменением климата, может рассматриваться и в качестве самостоятельной формы ответственности. Однако на сегодняшний день в рамках РКИК ООН трудно доказать, что та или иная страна нарушает обязательства по Конвенции.

Ответственность за ущерб, причиненный изменением климата, должна решаться другими способами. Субъект выбросов парниковых газов несет ответственность по международному праву в форме компенсации, предназначенной для обеспечения особого ущерба общественным интересам, в дополнение к трансграничной ответственности, называемой «ответственностью за ущерб, причиненный изменением климата». Можно сказать, что ущерб от изменения климата, по сути, относится к «трансграничному ущербу». При этом между вредоносными действиями и их последствиями должна существовать физическая связь (исключая экономическую, торговую, финансовую деятельность, вызванную нефизическим ущербом), ущерб должен быть вызван деятельностью человека (исключая ущерб от стихийного бедствия). Ущерб должен быть достаточным для наступления юридической ответственности за последствия, выходить за пределы национальных границ государства — причинителя вреда.

Ущерб, причиненный изменением климата, следует определить как «особый трансграничный ущерб» и применять ответственность государства за компенсацию. Однако в развивающихся странах не существует единого стандарта для определения характера ущерба, причиненного изменением климата. Также существует большой спор по поводу ответственности за компенсацию ущерба, причиненного изменением климата.

Что касается национальной ответственности за компенсацию, то развитые страны, как правило, уходят от ответственности и на практике возникают большие трудности. Развитые страны признают историческую ответственность за чрезмерные выбросы парниковых газов в период индустриального развития, но не рассматривают такую ответственность как ответственность за компенсацию.

Между тем идея Парижского соглашения изложена в рамках решения 1/CP (во исполнение мандата Дурбанской платформы для более активных действий, учрежденной решением 1/CP). В разделе 21 о возмещении убытков (п. 48–52) четко указано, что положение о возмещении убытков (ст. 9 Парижского соглашения) не влечет за собой никакой ответственности или компенсации и не является основанием для какой-либо ответственности или компенсации. Следовательно, трудно установить государство (компанию), ответственное за ущерб, связанный с изменением климата, и очень сложно требовать компенсации на практике. Хотя, компенсационная ответственность в большей степени применима к признаку ответственности за потери и ущерб, причиненные изменением климата в развивающихся странах. Всё это указывает на то, что установление компенсационной ответственности нуждается в нормативной основе, а развивающиеся государства нуждаются в правовой и материальной поддержке для возмещения ущерба, причиненного изменением климата.

Возникает закономерный вопрос: как сформировать международный правовой механизм компенсации ущерба развивающимся странам за ущерб, наносимый глобальными климатическими изменениями? Так, РКИК ООН является важным международным договором, подписанным почти 200 странами мира для координации

¹ См.: Третий оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме. СПб. : Научные технологии, 2022. 124 с.

международных действий по борьбе с изменением климата. В РКИК ООН нет конкретного положения о потерях и ущербе, вызванных изменением климата, но оно устанавливает основной принцип «общего, но дифференцированного принципа». Данный принцип отражает тот факт, что промышленно развитые и развивающиеся страны в части ответственности за выбросы парниковых газов, охрану окружающей среды и устойчивого развития имеют неравноправный статус. Это является для развивающихся стран в вопросах обеспечения экологической безопасности своего рода компенсацией, а также гарантом исторической ответственности со стороны развитых стран.

Реализация принципа «общего, но дифференцированного принципа» в основном отражается в двух аспектах. Во-первых, развитые страны должны взять на себя большую ответственность, включая сокращение выбросов и финансовую и техническую поддержку развивающихся стран. Во-вторых, развивающиеся страны должны принимать различные меры для предупреждения и снижения ущерба от изменения климата, в соответствии со своими климатическими, природными, национальными условиями и условиями экономического развития. Ответственность за компенсацию может возникнуть в результате нарушения климатических обязательств со стороны развитых стран, но развивающимся государствам необходимо еще доказать, что развитые страны не выполняют свои обязательства по сокращению выбросов.

Киотский протокол так же устанавливает только обязательства по количественному сокращению выбросов парниковых газов в развитых странах. Киотский протокол, вступивший в силу в 2005 г., определяет виды, сроки и квоты для сокращения выбросов парниковых газов в основных развитых странах. Соглашение следует принципу «общей, но дифференцированной ответственности», сформулированному РКИК ООН, и требует, чтобы развитые страны, исторически являющиеся основными источниками выбросов парниковых газов, принимали конкретные меры по ограничению выбросов парниковых газов, в то время как развивающиеся страны не принимают юридически обязательных ограничений на выбросы парниковых газов.

Балийский план действий (в рамках Балийской дорожной карты) устанавливает механизм переговоров по двум направлениям. С одной стороны, развитые страны, подписавшие Киотский протокол, должны взять на себя обязательства по значительному количественному сокращению выбросов после 2012 г. С другой стороны, развивающиеся страны и развитые страны, которые не подписали Киотский протокол, должны принять дальнейшие меры по борьбе с изменением климата в соответствии с Рамочной конвенцией об изменении климата. В ноябре 2013 г. Варшавская конференция по климату в очередной раз признала, что они должны внести свой вклад в поддержку развивающихся стран в их реагировании на изменение климата. Было достигнуто предварительное соглашение о механизме компенсации ущерба и учрежден Варшавский механизм возмещения ущерба.

Принцип «платит загрязнитель», впервые предложенный Организацией экономического сотрудничества и развития в 1972 г., развивался уже более 40 лет и был одобрен большинством суверенных государств и международным законодательством, таким как Киотский протокол и Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию.

Статья 13 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию признает и подчеркивает принцип оплаты загрязнителей. Хотя Декларация предусматривает «компенсацию за ущерб окружающей среде», сам принцип предусматривает компенсацию для пользователей, и положения фактически указывают на то, что государство должно нести ответственность за ущерб окружающей среде. Ответственность за компенсацию ущерба, причиненного изменением климата, подкрепляется правовой и моральной основой, и она также является важной частью международных переговоров. Развитые страны должны оказывать финансовую и техническую поддержку развивающимся странам в соответствии с конвенцией и исторической ответственностью. Однако на практике реализация обязательства по выплате компенсации по-прежнему сталкивается с практической дилеммой.

Такие международные документы, как РКИК ООН, Киотский протокол и Парижское соглашение, сыграли позитивную роль в решении проблемы управления изменением климата. Но ни в одном из международных договоров не содержится четкого заявления об ответственности за потери и ущерб, вызванные изменением климата.

Рамочная конвенция об изменении климата в соответствии с принципом «общей, но дифференцированной ответственности», установленными развитыми странами и развивающимися странами процедурами обязательств, требует от развитых стран по мере увеличения выбросов парниковых газов принимать конкретные меры по ограничению этих выбросов и предоставлять средства развивающимся странам для оплаты расходов по выполнению своих обязательств, в соответствии с конвенцией.

Развивающиеся страны, с другой стороны, берут на себя только обязательство предоставлять национальные перечни источников и поглотителей парниковых газов, формулировать и осуществлять планы, содержащие меры в отношении источников и поглотителей парниковых газов, и не берут на себя юридически обязательных обязательств по контролю.

Хотя РКИК ООН и создала механизм для предоставления развивающимся странам средств и технологий для выполнения обязательств по конвенции, но конечной целью механизма является сокращение выбросов парниковых газов, уменьшение вреда от деятельности человека климатической системе.

В то же время Киотский протокол вводит ограничения на выбросы парниковых газов в виде нормативных актов, но договор не предусматривает четкой ответственности за ущерб, причиненный изменением климата. Таким образом, развивающиеся государства не несут ответственность за нарушения условий сокращения обязательных выбросов парниковых газов в соответствии с Киотским протоколом. Кроме того, в развитых странах изменение климата носит кумулятивный характер и ущерб от изменения климата должен быть исторической ответственностью. Развитые государства не отрицают значительные выбросы в прошлом, также признают историческую ответственность, но это предусматривает ответственности за ущерба другим странам. Киотский протокол является международным документом, регулирующим выбросы парниковых газов, но не предусматривает требования и ответственность развитых стран за возмещение ущерба.

Парижское соглашение является вторым юридически обязательным климатическим соглашением после Киотского протокола, касающимся глобальных действий по борьбе с изменением климата, которое подчеркивает важность ущерба от последствий изменения климата и определяет, что стороны должны на основе сотрудничества (в том числе при необходимости через Варшавский международный механизм) компенсировать потери и ущерб, а также мероприятия, связанные с действиями и поддержкой мер по преодолению климатических изменений. Однако во всем полном тексте Парижского соглашения отсутствует положение об ответственности за ущерб, причиненный изменением климата, что не может быть основанием для обращения развивающихся государств за компенсацией. Действующая правовая база недостаточно разработана для компенсации ущерба от изменения климата для развивающихся государств.

Правоммерно возникает вопрос, как расширить источники финансирования борьбы с изменением климата. Так, один из реальных источников финансирования Зеленый климатический фонд² сталкивается с нехваткой средств. Полагаясь исключительно на традиционные источники финансирования, такие как пожертвования развитых стран и частных организаций, нельзя удовлетворить текущие потребности в борьбе с изменением климата и невозможно удовлетворить финансовые потребности развивающихся стран в получении компенсации за потери и ущерб, причиненные изменением климата. Поэтому необходимо рассмотреть вопрос о добавлении новых источников финансирования в дополнение к Зеленому климатическому фонду.

² Зеленый климатический фонд создан в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата в качестве операционной структуры финансового механизма в практике адаптации и смягчения последствий климатических изменений.

Международный налог на выбросы углерода является одним из возможных подходов к формированию средств на компенсацию ущерба для развивающихся государств от глобального изменения климата. ЕС, который ввел «углеродные тарифы», утверждает, что механизм пограничного регулирования выбросов углерода является еще одной вехой в стимулировании сокращения выбросов углерода и международное сообщество может извлечь уроки из положительной роли тарифов ЕС на выбросы углерода и создать специальные международные институты по всему миру для взимания налогов на выбросы углерода в соответствии с единой налоговой ставкой. Климатические выгоды, приносимые таким налогом, будут значительными, так как с помощью экономических средств, которыми будут облагать налогом на использование ископаемого топлива, воплощается принцип «загрязнитель платит». Предполагается, что загрязнитель не будет наносить ущерб окружающей среде, так как стоимость загрязнения окружающей среды заставит сократить использование ископаемого топлива и будет запущен процесс замедления изменения климата. Доход от международного налога на выбросы углерода огромен, и важно использовать глобальный доход для учета изменений, что, вероятно, станет новым источником средств фонда и будет способствовать дальнейшему удовлетворению финансовых потребностей развивающихся государств в связи с потерями и ущербом, причиненными изменением климата.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Третий оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме. — СПб. : Научные технологии, 2022. — 124 с.

REFERENCES

1. The Third Assessment Report on Climate Change and Its Consequences on the Territory of The Russian Federation. General Abstract. St. Petersburg: High-tech technologies, 2022. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2023.28.4.068-074

МОБИЛИЗАЦИЯ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ВО ФРАНЦУЗСКУЮ АРМИЮ В 1939 г.

Решетников Степан Владимирович,
ассистент кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
reshehistorien@gmail.com

© Решетников С. В., 2023

Аннотация. Статья является попыткой исследовать проблему мобилизации русских эмигрантов во французскую армию в годы начала Второй мировой войны. В 1939 г. во Франции с началом войны было мобилизовано несколько тысяч русских эмигрантов, большинство из которых не имели французского гражданства и находились во Франции в качестве лиц без гражданства (апатридов). Это стало возможным благодаря принятию во Франции нескольких правовых актов, связанных с законом о призыве в армию. По ним молодые люди, не имеющие гражданства, но проживающие во Франции, должны были призваться в армию страны вместе со своей возрастной группой. Так, декрет от 12.04.1939 уравнивал некоторые категории иностранцев, проживавших во Франции, к самим французам в вопросе воинской повинности и касался иностранцев, которые обосновались во Франции давно, и тех, кто приехал недавно. Вступление в силу этого положения вызвало большую критику со стороны русских эмигрантов. Несмотря на это, Франция всё же подтвердила свое намерение призывать на свою военную службу лиц, не имеющих гражданства. Таким образом, во время начала Второй мировой войны во французской армии оказалось немало в будущем известных русских эмигрантов, некоторые из которых стали участниками французского движения Сопротивления. Быстрое поражение Франции негативно повлияло на будущие оборонческие силы русского зарубежья, которые могли бы оказаться во французском Сопротивлении, если бы не оказались в немецком плену.

Ключевые слова: государство, право, закон, законодательство, армия, мобилизация, русская эмиграция, гражданство, лица без гражданства, Вторая мировая война.

RUSSIAN EMIGRANTS MOBILIZATION IN THE FRENCH ARMY IN 1939

Stepan V. Reshetnikov,
Assistant Professor of the Department of History of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
reshehistorien@gmail.com

Abstract. The paper attempts to explore the problem of mobilization of Russian emigrants in the French army during the outbreak of World War II. In 1939, several thousand Russian emigrants were mobilized in France at the beginning of the war, most

of whom did not have French citizenship and were in France as stateless persons. Mobilization was made possible by means of adoption in France of several legal acts related to the law on conscription. According to them, young people who did not have citizenship but live in France had to enlist in the country's army within their age group. Thus, the Decree of April 12, 1939, equalized some categories of foreigners who lived in France to the French themselves in the matter of conscription, and concerned foreigners who settled in France a long time ago and those who arrived recently. The entry into force of this provision caused great criticism from Russian emigrants. Despite this, France nevertheless confirmed its intention to conscript stateless persons for its military service. Thus, during the outbreak of World War II, the French Army turned out to have many famous Russian emigrants in the future, some of whom became participants in the French resistance movement. The rapid defeat of France had a negative impact on the future defensive forces of the Russian diaspora, which could have ended up in the French Resistance if they had not been captured by the Germans.

Keywords: state, law, law, legislation, army, mobilization, Russian emigration, citizenship, stateless persons, World War II.

Проблема мобилизации русских эмигрантов во французскую армию во время начала Второй мировой войны является малоизученной темой в отечественной историографии. Причиной этому является как ограниченный круг источников, так и текущая недоступность для большинства российских исследователей французских архивов. Актуальность темы подтверждает тот факт, что численность мобилизованных во французскую армию эмигрантов в 1939–1940 гг. варьируется в историографии от 3 тыс. до 6 тыс. человек. Применимо к началу Второй мировой войны такая численность является немалым числом для уже возрастной русской колонии¹.

1 сентября 1939 г. нацистская Германия напала на Польшу. После того как Германия отвергла ультиматум Великобритании и Франции об остановке агрессии, страны оказались в состоянии войны. Объявление войны Германии со стороны Франции явилось результатом консенсуса во французской власти, который сложился в стране к лету 1939 г., когда общественное мнение пришло к выводу о том, что лимит на уступки А. Гитлеру исчерпан. Первоначально политическое и военное руководство Франции считало, что Польша сможет продержаться столько времени, сколько будет достаточно для того, чтобы союзники успели завершить свои приготовления и получить возможность отразить возможное нападение на французскую территорию, а затем начать войну на истощение².

Начало мировой войны заставило эмигрантов сделать тяжелый выбор о своем участии или неучастии в войне, исходя из своего территориального нахождения. Проживавшие на момент начала войны в Польше и Франции, они уже по факту своего призыва в вооруженные силы этих стран превратились во врагов Германии.

2 сентября 1939 г. во Франции началась мобилизация. К 18 сентября французские вооруженные силы насчитывали почти 5 млн человек — четверть всего мужского населения страны и половина мужчин в возрасте от 20 до 45 лет³. Согласно декрету от 12.04.1939 «Об участии иностранцев в обороне Франции» государство требовало от иностранцев, проживающих в стране, участвовать в обороне страны путем уравнивания некоторой категории иностранцев, проживавших во Франции, к самим

¹ К концу 1930-х гг. численность русской эмиграции во Франции составляла примерно 70 тыс. человек. См.: Хрисанфов В. И., Турыгина Н. В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, История. Вып. 3. 2014. С. 25.

² Вершинин А. А., Наумова Н. Н. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб.: Алетейя, 2022. С. 352.

³ Там же. С. 370.

французам в вопросе воинской повинности. По декрету иностранцы без гражданства (или апатриды) и другие иностранцы, пользующиеся правом убежища, родившиеся после 1 января 1904 г., подлежали мобилизации во французскую армию⁴. Это стало возможным благодаря принятым ранее во Франции несколькими правовым актам. Так, еще 28 марта 1928 г. вышло приложение к Закону о призыве в армию, в ст. 3 которого сообщалась: «Молодые люди, не имеющие гражданства, проживающие во Франции, призываются вместе со своей возрастной группой и зачисляются в иностранные полки (добровольческий полк французского Иностранного легиона — прим. С. В.) для завершения срока службы»⁵. В исключении к этому указывалось, что те иностранцы, которые не меньше 8 лет воспитывались во французской школе или находились во французской семье, могли быть включены в обычный французский полк⁶.

Юрист и редактор крупнейшей эмигрантской газеты во Франции «Последние новости», участник французского движения Сопротивления А. Ф. Ступницкий в 1946 г., разбирая эту проблему призыва во французскую армию иностранных граждан, в том числе и русских эмигрантов, отмечал, что указанный в ст. 3 термин «не имеющие гражданства» привлекал под собой во французскую армию большую категорию иностранцев, в том числе и русских эмигрантов, проживавших во Франции⁷. Он отмечал, что изначально формулировка ст. 3 о призыве в армию молодых людей, не имеющих гражданства, но проживавших во Франции, имела отношение к совершенно иным правовым ситуациям, чем те, к которым он применялся позднее⁸. Так, речь шла о применении данной правовой нормы против лиц без гражданства в первоначальном смысле этого термина, а именно: к кочевникам, лицам, не желающим выполнять свои военные обязанности, и к иностранцам, оказавшимся во Франции в результате аннексии какой-либо территории⁹.

Вступление в силу этого положения произошло только в 1935 г., что вызвало большую критику во Франции со стороны русских эмигрантов, которые отмечали опасность применения этой меры с международной точки зрения. Эмигранты отмечали, что они были лишены права жить на своей Родине в результате Гражданской войны в России и оказались против своего желания за рубежом¹⁰. Они боялись, что могут быть искусственно противопоставлены друг против друга во время войны в случае применения такого положения во время мобилизации в других странах¹¹. Известно, что русские эмигранты безуспешно протестовали против обязательной воинской повинности по линии Русского общевойскового союза (РОВС) и официального представителя русских беженцев во Франции В. А. Маклакова¹².

Только 10 июня 1937 г. в Официальном журнале Министерства обороны Франции, с целью успокоения иностранных граждан, появился пресс-релиз, в котором разъяснялась позиция, что правительство не хочет, чтобы военная служба была навязана фактом пребывания иностранца в стране, поэтому государство не будет подвергать воинской повинности тех молодых людей, которые заявят о своем намерении покинуть Францию¹³. Несмотря на это, Франция всё же подтверждала свое намерение призывать на свою военную службу лиц, не имеющих гражданства.

⁴ Stoupnitzky A. L'obligation de certains étrangers à des prestations militaires // *Travaux du Comité français de droit international privé*, 6e année, 1938–1939. 1946. P. 56.

⁵ Loi du 31 mars 1928 relative au recrutement de l'armée // *Journal officiel de la République française. Lois et décrets* (version papier numérisée) № 0080 du 03.04.1928. P. 20.

⁶ Ibis. P. 21.

⁷ Stoupnitzky A. Decree. op. P. 58.

⁸ Ibis.

⁹ Ibis.

¹⁰ Ibis. P. 59.

¹¹ Ibis.

¹² Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 10 : Крах 1939–1946 гг. Курск, 2017. С. 93.

¹³ Stoupnitzky A. Decree. op. P. 61.

Касаемо декрета от 12.04.1939 А. Ф. Ступницкий отмечал, что он только усложнял военный статус иностранцев во французской армии. Он назвал несколько проблем декрета: нерешенный вопрос касемо обязательств тех, на кого распространялось его действие; отсутствие уточнения в тексте касемо равноправия иностранцев и французов в случае службы в армии. Также, по его мнению, декрет объединял в одну массу как иностранцев, которые давно обосновались во Франции и имели связи со страной, и тех, кто приехал совсем недавно — в том числе и граждан из стран, которые могли бы стать противниками в случае вооруженного конфликта¹⁴. Исключение касалось тех, кто менее двух месяцев находился в стране или имел туристическую карту.

Представители русского зарубежья заняли разные позиции касемо участия эмигрантов в войне. Руководство РОВСа — выразители идеи свержения большевизма путем помощи его врагу в лице председателя объединения генерала А. П. Архангельского сформулировало заявление: «Чины РОВСа должны исполнить свое обязательство перед страной, в которой они находятся, и зарекомендовать себя с лучшей стороны, как подобает русскому воину»¹⁵. Оно означало, что члены РОВС, исходя из политической ситуации в стране своего проживания, могли самостоятельно выбрать свою сторону конфликта. Лидер же идеи «третьей силы» — идеи выступавшей за победу Красной армии над внешним врагом, но с целью того, чтобы после его разгрома обратить советских граждан против большевиков, бывший главнокомандующий Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) А. И. Деникин с началом войны фактически встал на сторону «оборонцев» и сформулировал свою позицию на это заявление в послевоенном письме генералу Архангельскому от 16.05.1946: «Началась война. Вы отдали Ваш приказ 1 сентября 1939 г. Что касается принявших иностранное подданство — это дела их совести. Но призвать служить одинаково ревностно всем — и друзьям, и врагам России — это обратить русских воинов-эмигрантов в ландскнехтов»¹⁶. Конфликт Деникина и Архангельского касемо мобилизации русских эмигрантов в армии воюющих стран в начале Второй мировой войны — после фактически начал выкристаллизовывать две непримиримые друг другу идеи «пораженчества» и «оборончества», что привело к окончательному расколу русской эмиграции в период начала Великой Отечественной войны.

В эмигрантской газете «Русские новости» от 12.07.1946 была дана оценка мобилизации русских эмигрантов во французскую армию: «Как забыть <...> этот мрачный июнь 1940 г., наших друзей, — русскую молодежь, призванную в ряды армии и недоверчивый взгляд сотоварищей французов — посмотрим, чего вы стоите? Сейчас можно сказать с гордостью, заявить определенно: русская молодежь во Франции приняла этот молчаливый вызов и ответила на него честно — по-русски»¹⁷. Большинство эмигрантов, попавших в армию, были мобилизованы по воинской повинности. Среди них были эмигранты, принявшие до войны французское гражданство, Б. В. Вильде и А. Н. Левицкий — родоначальники первой группы Русского Сопrotивления и всего французского движения Сопrotивления. В армию также попали многие известные эмигранты, часть из которых вступили в нее добровольцами, так как не проходили по возрасту под призыв: поэт Г. В. Адамович, писатель В. С. Варшавский, журналист В. Б. Сосинский и др. «Вот почти символ — в первые же дни войны глава “парижской школы” Г. В. Адамович, скрывая порок сердца, в 45 лет записывается добровольцем во французскую армию. Адамович был не один. ...Многие завсегда-таи антисоциального, “морально разложившегося”, презираемого добродетельной общественностью Монпарнасса доказали, что, кроме стихов декадентских поэтов, они затвердили и стихи Некрасова: “поэтом можешь ты не быть, но гражданином

¹⁴ Ibid. P. 66.

¹⁵ Свириденко Ю. П. Ершов В. Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. М., 2000. С. 166.

¹⁶ Бортневский В. Г. Судьба России важнее судеб эмиграции // Родина. 1991. № 6–7. С. 104.

¹⁷ Архив Дома русского зарубежья имени А.И. Солженицына. Ф. 25. Д. 104. Л. 10.

быть обязан»¹⁸, — писал после войны В. С. Варшавский. Ветеран Свободной Франции, князь Н. В. Вырубов считал, что мотивацией добровольцев из числа русских эмигрантов являлось «чувство долга по отношению к Франции, общность судьбы с теми, среди которых они жили»¹⁹. По сведениям председателя РОВС генерала А. П. Архангельского, во время начала войны эмиграции удалось отстоять только то, что из русских эмигрантов не создавались бы чисто русские формирования. По логике Архангельского это позволило сохранить русскую силу для возобновления будущей борьбы за Национальную Россию²⁰.

В ходе начала войны, несмотря на агрессию нацистской Германии против Польши, Франция и Великобритания решили не предпринимать наступательной операции и оборонять свою территорию. На протяжении восьми месяцев ни французы, ни немцы не предпринимали попыток наступления, что вошло в историографию как «странная» или «чудная» война. Французская армия бездействовала в течение «странной» войны, что разрушающе действовало на моральное состояние солдат. На этом фоне в конце осени — начале зимы 1939 г. начали проявляться очевидные признаки разложения в войсках. Настроения попавших во французскую армию эмигрантов под влиянием всех этих проблем тоже менялись. Так, призванный в феврале 1940 г. во французскую армию историк А. А. Керсновский писал: «Грустно и несправедливо умирать на чужой земле и за чужую землю, когда я хотел быть полезным своей Родине»²¹.

Настроения эмигрантов в тылу совпадали с французскими, жена будущего лидера французского Сопротивления И. А. Кривошеина, Н. А. Кривошеина вспоминала: «Шла “чудная война”. В Париже все как всегда. Фронт? Да есть ли фронт? Да, конечно, была некая линия, которую никто не переступал, — ни та ни другая армия. Ползли слухи. Все русские эмигранты были мобилизованы в армию, в том числе и Кирилл Кривошеин, младший брат моего мужа. Об этом А. Ф. Ступницкий напечатал несколько статей в “Последних Новостях”, ссылаясь на международный статут эмигрантов, запрещающий мобилизовать иностранцев и людей, не получивших французского гражданства, — а Франция в то время редко и трудно давала гражданство русским эмигрантам (кроме детей, родившихся уже во Франции)»²².

Утром 10 мая 1940 г. с начала наступления вермахта на территорию Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Франции закончился восьмимесячный период «странной войны».

12 мая танковый корпус Г. Гудериана вышел к реке Маас у Седана и уже на следующий день, не дожидаясь подхода своих основных артиллерийских средств, перешел к форсированию реки, и вскоре был создан прочный плацдарм. После этого немецкие танки могли в течение двух дней преодолеть расстояние до Парижа или продолжить движение на север, в сторону Кале и Дюнкерка, чтобы окружить находившуюся в Бельгии группировку союзных войск²³. Не имея резервов на этом участке фронта, французское командование понимало катастрофичность положения. События на фронте спровоцировали во Франции правительственный кризис. Французское правительство во главе с новым премьер-министром Петэном запросило у Германии условия перемирия. Условия перемирия были жесточайшие для Франции: вооруженные силы страны должны были подлежать разоружению и демобилизации, разрешалось иметь только внутреннюю армию, численность 100 тыс. человек, все вооружение и флот передавались Германии. Франция должна была также содержать оккупационные немецкие войска.

¹⁸ Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М., Берлин : Директ-Медиа, 2016. С. 301.

¹⁹ Герой Французского Освобождения, русский дворянин Николай Васильевич Вырубов : источники и исследования. М. : ЯСК, 2021. С. 160.

²⁰ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. С. 93.

²¹ Керсновский А. А. История русской армии: иллюстрированное и комментированное издание. М. : Эксмо, 2023. С. 3.

²² Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. М., 1999. С. 134.

²³ Вершинин А. А., Наумова Н. Н. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб. : Алетейя, 2022. С. 461.

После поражения Франции А. П. Архангельский разделял на две категории русских эмигрантов, оказавшихся во французской армии: на принявших по тем или иным причинам французское подданство и поэтому обязанных наравне с французскими гражданами защищать страну и на тех, кто не принял подданства и остался лицом без гражданства, проживающим во Франции²⁴. Среди лиц первой и второй категории русских эмигрантов он определял: чинов Русской императорской армии и белых армий, которые были призванными во французскую армию солдатами без учета их чинов на момент окончания их участия в Гражданской войне в России; и молодых людей, не принимавших по возрасту участия в Первой мировой и Гражданской войне²⁵.

Поражение Франции нанесло серьезный удар по тем нескольким тысячам русских эмигрантов, которые оказались пленными в составе армии Франции. После войны князь Н. В. Вырубов, который откликнулся на призыв Ш. де Голля и вступил в ряды «Свободной Франции», пройдя в составе ее кампании в Ливии, Италии и Франции, утверждал, что «выявил 250 могил русских, погибших на поле чести, находившихся на службе Франции», в числе которых наверняка были и те, кто погиб в 1940 г. в период с конца «странной войны» до перемирия²⁶.

В заключение важно отметить, что мобилизация русских эмигрантов во французскую армию и вместе с этим быстрое поражение Франции негативно повлияло на будущие оборонческие силы русского зарубежья во Франции. Многие эмигранты находились в немецком плену до самого окончания войны, среди них — такие яркие представители русского зарубежья, как Г. В. Адамович и В. С. Варшавский, которые могли бы оказаться во французском Сопротивлении, если были бы на свободе. Примером этого является Б. В. Вильде, А. Н. Левицкий и В. Б. Сосинский, которые смогли вырваться из немецкого плена и стать лидерами русских групп Сопротивления. Тема мобилизации русских эмигрантов во французскую армию в годы начала Второй мировой войны требует дополнительного изучения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бортневский В. Г. Судьба России важнее судеб эмиграции // Родина. — 1991. — № 6–7. — С. 104–105.
2. Варшавский В. С. Незамеченное поколение. — М., Берлин : Директ-Медиа, 2016. — 176 с.
3. Вершинин А. А., Наумова Н. Н. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. — СПб. : Алетейя, 2022. — 636 с.
4. Герой Французского Освобождения, русский дворянин Николай Васильевич Вырубов : источники и исследования. — М. : ЯСК, 2021. — 632 с.
5. Керсновский А. А. История русской армии: иллюстрированное и комментированное издание. — М. : Эксмо, 2023. — 702 с.
6. Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. — М., 1999. — 290 с.
7. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 10 : Крах 1939–1946 гг. Курск, 2017.
8. Свириденко Ю. П., Ершов В. Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. — М., 2000. — 198 с.
9. Хрисанфов В. И., Турыгина Н. В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, История. Вып. 3. 2014. — С. 17–27.
10. Stoupnitzky A. L'obligation de certains étrangers à des prestations militaires // Travaux du Comité français de droit international privé, 6e année, 1938–1939. — 1946. — P. 56–66.

²⁴ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. С. 90.

²⁵ Там же. С. 90.

²⁶ Герой Французского Освобождения, русский дворянин Николай Васильевич Вырубов : источники и исследования. М. : ЯСК, 2021. С. 155.

REFERENCES

1. Varshavsky VS. The unnoticed generation. Moscow, Berlin: Direct Media Publ.; 2016. (In Russ.).
2. Vershinin AA, Naumova NN. From triumph to disaster: the military and political defeat of France in 1940 and its origins. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2022. (In Russ.).
3. Hero of the French Liberation, Russian nobleman Nikolai Vasilyevich Vyubov: sources and research. Moscow: YASK Publ.; 2021. (In Russ.).
4. Kersnovsky AA. The History of the Russian Army: an illustrated and commented edition. Moscow: Eksmo, 2023. (In Russ.).
5. Krivosheina NA. Four thirds of our life. Moscow; 1999. (In Russ.).
6. Bortnevsky VG. The fate of Russia is more important than the fate of emigration. *Rodina*. 1991;6-7:104-105. (In Russ.).
7. Russian military emigration of the 20–40s. Volume 10: The Crash of 1939–1946. Kursk; 2017. (In Russ.).
8. Sviridenko YuP, Ershov VF. The White Terror? Political extremism of the Russian emigration in 1920–1945. Moscow; 2000. (In Russ.).
9. Khrisanfov VI, Turygina NV. On the historiography of the issue of the number of Russian emigration in France in the 1920s and 1930s. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 2: History*. 2014;3:17-27. (In Russ.).
10. Stoupnitzky A. L'obligation de certains étrangers à des prestations militaires. In: Travaux du Comité français de droit international privé, 6e année, 1938–1939. 1946:56-66. (In Fr.).

ДОБРОВОЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ ЛИЦА, ВОВЛЕЧЕННОГО В МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Мун Виктория Анатольевна,

старший преподаватель кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
vamun@msal.ru

© Мун В. А., 2023

Аннотация. В статье анализируются особенности международно-правового регулирования медико-биологических исследований с участием человека. Особое внимание уделяется Нюрнбергскому кодексу 1947 г., Женевским конвенциям 1949 г. и Дополнительному Протоколу 1977 г., Хельсинской декларации 1964 г. Данные международные документы отразили постепенное оформление принципов, обеспечивающих права испытуемых. Отмечается, что бесчеловечные эксперименты над людьми, грубейшее нарушение абсолютного права человека на защиту от пыток, жестокого, унижающего достоинство обращения и наказания стали предметом всеобщего рассмотрения после Второй мировой войны и стали основанием для появления в международных документах концепции «добровольного согласия лица, вовлеченного в медицинский эксперимент». Автор приходит к выводу о том, что правовое регулирование медико-биологических исследований с участием людей прошло длительный период становления и продолжает свое развитие. Последняя судебная практика свидетельствует о том, что проведение незаконных экспериментов над людьми по-прежнему остается общественно значимой проблемой. Более того, ввиду научно-технического прогресса, который в настоящее время достиг небывалых высот и возможностей, совершенствование механизмов по защите прав человека в области медико-биологических исследований приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: государство, здравоохранение, медицинское право, уголовное право, преступления против жизни и здоровья, юридическая ответственность, правовые ограничения, медицинский эксперимент, биомедицинское исследование, биоэтика.

INFORMED CONSENT OF A PERSON INVOLVED IN A MEDICAL EXPERIMENT (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

Victoria A. Mun,

Cand. Sci. (History), Senior Lecturer of the Department of History of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
vamun@msal.ru

Abstract. The paper examines the features of the international law regulation of biomedical research involving humans. Special attention is paid to the Nuremberg Code of 1947, the Geneva Conventions of 1949 and the Additional Protocol of 1977, the Helsinki Declaration of 1964. These international documents reflected the gradual formation of principles that ensure the rights of the participants. It is noted that inhuman experiments on people, the grossest violation of the absolute human right to protection from torture, cruel, degrading treatment and punishment became the subject of universal consideration after World War II and became the basis for the appearance in international documents of the concept of «voluntary consent of a person involved in a medical experiment.» The author concludes that the legal regulation of biomedical research involving humans has passed a long period of formation and continues its development. The latest judicial practice indicates that conducting illegal experiments on people remains a socially significant problem. Moreover, in view of scientific and technological progress, which has now reached unprecedented heights and opportunities, the improvement of mechanisms for the protection of human rights in the field of biomedical research is becoming particularly relevant.

Keywords: state, healthcare, medical law, criminal law, crimes against life and health, legal liability, legal restrictions, medical experiment, biomedical research, bioethics.

Еще в I в. до н. э. античные ученые проводили свои первые медицинские опыты на плененных рабах и животных, хотя и существовало непопулярное мнение древнеримского врача и ученого Цельса о том, что экспериментирование из чисто научных соображений нецелесообразно, поскольку страдания живого существа, подверженного медицинскому опыту, искажают нормальные жизненные явления. В книге Гиппократ «О древней медицине» можно встретить напутствие врачу: «кто захочет упражняться в хирургии, должен следовать за чужими войсками»¹. Там же содержится описание рабочей обстановки другого древнегреческого ученого — Демокрита: «он был одет в грубую тунику... а кругом него на траве лежали вскрытые животные и другие книги. Иногда он вставал, прогуливался, рассматривал внутренности животных и снова садился»².

Об отношении к экспериментам на человеке в XVI в. может свидетельствовать случай на турнире в 1559 г., когда король Франции Генрих II получил удар копьем в глаз. Для того чтобы исследовать рану и найти метод лечения, врачи подвергли аналогичному ранению четырех приговоренных преступников³.

В 1869 г. французский физиолог К. Бернар в своих знаменитых «Лекциях по экспериментальной патологии» поставил вопрос этических границ научных медицинских исследований на человеке с профессиональной точки зрения. К. Бернар горячо отстаивал необходимость «делать анатомию на живом», т.е. делать вивисекцию, чтобы «видеть функционирование органов во время самой жизни, а не только тогда, когда смерть привела их в состояние покоя»⁴. Высказывая интересную мысль о неудачных экспериментах, К. Бернар отмечал, что «нет плохих опытов, все опыты хороши при соответствующих условиях». Одновременно с этим ученый призывал «заботиться не столько об увеличении числа физиологических экспериментов, сколько о том, чтобы свести их к небольшому количеству решающих опытов»⁵. Необходимое и осторожное отношение к экспериментам, по К. Бернару, должно было привести к увеличению суммы истин по мере уменьшения суммы заблуждений. Признавая, что этика осудила бы самым решительным образом всякий опыт на человеке, данный

¹ Гиппократ. Избранные книги. М. : Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. С. 105.

² Там же. С. 30.

³ Иванюшкин А. Я. Введение в биоэтику : учеб. пособие. М. : Прогресс-Традиция, 1998. С. 108.

⁴ Бернар К. Лекции по экспериментальной патологии. М. ; Л. : Наркомздрав СССР. Биомедгиз, 1937. С. LI.

⁵ Там же. С. XLV.

ученый писал о недопустимости оперирования на человеке, как с позиции врачебной этики, так и с точки зрения социальной справедливости, поскольку «мы рисковали бы убить больных, которые вверяют себя нам вместо того, чтобы их вылечить»⁶. Таким образом, эксперименты на животных были оправданы К. Бернардом, в то время как эксперименты на человеке — нет.

Однако привлечение животных для испытания вакцин, сывороток, лечения различных заболеваний стало масштабным повсеместным явлением, вызвавшим в конце XIX–XX вв. волну возмущения со стороны защитников животных. В Великобритании, Германии, США, России сформировалось антививисекционное движение, выступавшее за законодательное запрещение проведения научных опытов на живых животных.

Инициативам общественных деятелей, правозащитников животных, благотворительных организаций, некоторых ученых противостояло научное сообщество врачей, которые отстаивали право занятия экспериментальной наукой. В противном случае необходимо было бы проводить опыты над людьми. Апробация клинических нововведений на животных, птицах, червях, лягушках, тритонах продолжалась. Однако наибольший интерес для ученых представляли эксперименты на высших животных и человеке. Явным тому свидетельством может служить книга пионера трансплантации органов, советского ученого В. П. Демихова (1916–1998 гг.) «Пересадка жизненно важных органов в эксперименте»⁷, в которой содержится итог многолетних трудов автора, посвященных пересадке сердца, легких, головы, почек и других органов в эксперименте на собаках. В работе В. П. Демихова подробно описываются различные оригинальные методы сращивания организмов, пластики органов и т.д.

Интересно отметить, что первое правовое регулирование клинических исследований было введено указом Министерства здравоохранения Пруссии в 1900 г.⁸ Согласно этому указу, руководителям больниц разрешалось проводить клинические эксперименты только при наличии письменного согласия пациентов и после одобрения начальника департамента здравоохранения. Это был важный шаг в защите прав и достоинства пациентов.

Также стоит отметить, что немецкие Правила использования новых методов лечения и проведения опытов над людьми 1931 г. также предусматривали принцип добровольного согласия испытуемого⁹. Это еще один пример законодательного регулирования, направленного на защиту прав человека в области медицинских экспериментов.

На международном уровне проблема бесчеловечности медицинских экспериментов и защита прав человека в биомедицинских исследованиях стали активно обсуждаться после Второй мировой войны. Это привело к разработке ряда международных документов, таких как Женевские конвенции и Хельсинская декларация, которые устанавливают нормы и принципы, направленные на защиту участников исследований и этическое проведение медицинских экспериментов.

История правового регулирования клинических исследований свидетельствует о постепенном развитии и усовершенствовании норм и принципов, направленных на защиту прав и благополучия людей, участвующих в медицинских экспериментах.

С приходом А. Гитлера к власти частью программы уничтожения, наряду с массовой стерилизацией и кастрацией немецкого населения, стало проведение «научных экспериментов» над живыми людьми.

1 сентября 1939 г. А. Гитлером был издан тайный приказ об уничтожении психически больных путем проведения «легкой смерти» неизлечимо больным, после обследования их здоровья. Тем самым эксперименты над людьми проводились по

⁶ Иванюшкин А. Я. Указ. соч. С. 109.

⁷ Демихов В. П. Пересадка жизненно важных органов в эксперименте: Опыты по пересадке сердца, легких, головы, почек и других органов. М.: Медгиз, 1960. 259 с.

⁸ Тарасьянц Е. В. Международная защита и поощрение прав человека в области биомедицинских исследований. М.: БИ, 2011. С. 13.

⁹ Там же. С. 18.

прямому указанию А. Гитлера и при непосредственном участии не только «бесплезных едоков, занимавших больничные учреждения», но и подсудимых, привлеченных к ответственности за политические убеждения, за высказанное недовольство нацистским режимом. В целях выработки научной техники массового уничтожения бывший министр здравоохранения Л. Конти, немецкие профессора-психиатры В. Гейде и П. Ницше при помощи врачей и медицинского персонала создали и опробовали инъекции с отравляющими веществами, результатом чего была гибель 275 тыс. человек¹⁰.

В ходе Нюрнбергского процесса (1946–1949 гг.) был разработан «Свод правил о проведении экспериментов над людьми» — Нюрнбергский кодекс, содержащий базовые принципы при проведении медицинских экспериментов на человеке, среди которых на первом месте — добровольное согласие объекта эксперимента¹¹. Нюрнбергский кодекс 1947 г. являлся первым международным документом, который содержал этико-правовые принципы проведения медико-биологических исследований. Принципы, закрепленные в кодексе, среди которых добровольное согласие человека, согласившегося на проведение эксперимента, в последующем легли в основу международных актов.

Токийский (1946–1948 гг.) и Хабаровский (25–30 декабря 1949 г.) судебные процессы проходили в отношении японских военных преступников по факту совершения ими бесчеловечных опытов над живыми людьми с целью подготовки бактериологической войны против СССР и других государств¹². В основу деятельности Токийского процесса были положены принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала. Поскольку разбирательство Хабаровского процесса проводилось в Военном трибунале Приморского военного округа, то применению подлежало национальное законодательство — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943¹³. В целом нужно отметить, что в России в рассматриваемый период законодательно был урегулирован вопрос об информировании пациентов только при проведении хирургических операций¹⁴, а также при создании лекарственных препаратов¹⁵.

Положения, касающиеся проведения опытов над людьми, содержались в тексте Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г.¹⁶ и Дополнительном Протоколе I от 1977 г.¹⁷

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 579. Оп. 1. Д. 244. Л. 19–21.

¹¹ Нюрнбергский код // Врач. 1993. № 7. С. 56.

¹² Рагинский М. Ю. Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов. М. : Юридическая литература, 1985. С. 4.

¹³ Указ Президиума ВС СССР от 19.04.1943 № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. II. 1999.

¹⁴ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 01.12.1924 «О профессиональной работе и правах медицинских работников» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1924. № 88. Ст. 892.

¹⁵ Постановление «О порядке испытания новых медицинских средств и методов, могущих представить опасность для здоровья и жизни больных» // Сборник постановлений. Наркомздрав РСФСР. Ученый Медицинский Совет. М., 1937. № 1–4. С. 37.

¹⁶ Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Женева, 12 августа 1949 г.) // URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540380/chapter/89300effb84a59912210b23abe10a68f/> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁷ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 08.06.1977 // URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/?ysclid=lofukhrok5936161682> (дата обращения: 25.11.2023).

Документы признавали проведение биологических, медицинских или научных опытов на живых людях как посягательство на их личность и жизнь, а также как бесчеловечное обращение с ними. Важно отметить, что Дополнительный Протокол I к Женевским конвенциям устанавливал еще более строгие требования в отношении экспериментов над людьми. Согласно ст. 11 этого протокола, запрещалось проведение медицинских или научных экспериментов даже с согласия испытуемого. Таким образом, эти международные документы ставят четкие ограничения на проведение опытов над людьми, чтобы защитить их права, достоинство и жизнь.

Хельсинская декларация 1964 г.¹⁸ является другим значимым документом, касающимся принципов проведения медицинских исследований с участием людей. В этом документе отмечается, что прогресс в медицине основывается на исследовании, которое в конечном счете должно включать участие людей. Однако при проведении таких экспериментов необходимо соблюдать определенные принципы. Все потенциальные участники исследования должны быть должным образом информированы о целях, методах, ожидаемой пользе, потенциальных рисках и возможном дискомфорте, связанных с исследованием. Они также должны быть осведомлены о своем праве отказаться от участия в исследовании и иметь возможность отозвать свое согласие на участие в любое время. Эти основные принципы, изложенные в Хельсинской декларации, направлены на обеспечение этических норм и защиту прав и благополучия участников исследований. Данная декларация служит важным руководством для проведения медицинских исследований с участием людей.

Правовое регулирование медико-биологических экспериментов с участием человека на международном уровне основывалось на недопустимости бесчеловечного или жестокого обращения с человеком. Хотя в первых международных документах в данной сфере процедура проведения экспериментов детально не регламентировалась, а общие принципы международных актов носили рекомендательный характер, однако было положено начало оформлению принципов проведения медико-биологических исследований с участием человека.

Несмотря на широкое обсуждение на международном уровне проблем реализации права пациентов на информированное согласие, нарушения в этой сфере продолжались. Так, в СМИ появилась информация об эксперименте в Таскиги (штат Алабама, США), проводимом под эгидой Службы общественного здравоохранения США на протяжении более 40 лет в период с 1932 по 1972 гг. Цель эксперимента заключалась в изучении естественного течения сифилиса. Испытуемых (399 чернокожих мужчин) намеренно не лечили несмотря на то, что к 1947 г. пенициллин стал стандартным методом лечения сифилиса. Эксперимент был остановлен только после утечки информации в СМИ. В результате от сифилиса и осложнений, связанных с ним, умерло 128 человек, 40 жен заразились от участников эксперимента, 19 детей родилось с врожденным сифилисом¹⁹. Последующее принятие Национального Закона о научных исследованиях, создание комиссии, регулирующей правила исследований с участием человека, а также извинения Б. Клинтона перед участниками исследования в Таскиги (пять из восьми выживших в исследовании присутствовали на церемонии в Белом доме) не смогли восстановить доверие афроамериканцев к институтам медицины и здравоохранения.

Как выяснилось позже, аналогичные медицинские опыты под эгидой Службы общественного здравоохранения США проводились американскими учеными на Гватемале в конце 1940-х гг. В ходе эксперимента несколько сотен гватемальцев были принудительно заражены венерическими заболеваниями без их согласия и ведома, всего от опыта пострадало 1,5 тыс. человек, 83 испытуемых скончалось. После обнародования информации об эксперименте в Таскиги в 1978 г. Национальной комиссией по защите людей — субъектов биомедицинских и поведенческих исследований были сформулированы требования информированного согласия

¹⁸ Хельсинская декларация // Врач. 1993. № 7. С. 56.

¹⁹ Чучалин А. Г., Гребенщикова Е. Г. Добровольное информированное согласие. М. : Вече, 2022. С. 6–7.

испытуемых, опубликованные в Бельмонтском докладе. Так, было выделено три основных принципа, положенных в основу биоэтики, — уважение личности, благодеяние и справедливость²⁰.

Многочисленные нарушения этических принципов послужили основанием для внесения Всемирной медицинской ассоциацией требования о необходимости предварительного утверждения протокола клинического испытания независимым комитетом по этике. Комитет, в свою очередь, должен руководствоваться принципами, изложенными в международных нормах и стандартах. Указанные положения были отражены в первой редакции Хельсинской декларации в 1975 г. Таким образом, теперь предусматривалось установление надзора в отношении исследователя со стороны независимого комитета. Также отмечалось, что «забота об интересах субъекта всегда должна превалировать над интересами науки и общества»²¹.

К сожалению, история медицинских экспериментов свидетельствует о нарушениях медицинской этики и проведении экспериментов без согласия испытуемых. Один из таких примеров относится к России, где в период с 1920 по 1950 гг. были проведены эксперименты на заключенных, приговоренных к смертной казни, с целью изучения действия различных ядов и инъекций.

В прошлом информация, предоставляемая пациентам, имела исключительно профессиональный медицинский характер. Однако с течением времени, начиная с 1970-х гг., вводятся принципы ориентированности на пациента, что означает включение в медицинскую информацию описания целей лечения, потенциальных рисков и существующих альтернативных методов лечения²².

В конце 1980-х гг. с появлением принципов доказательной медицины возникла необходимость уважения достоинства человека, обеспечения его автономии и свободы в принятии решений²³. Эти принципы подчеркивают важность уважительного отношения к пациентам и их праву на информированное согласие. Таким образом, история медицинской этики отражает изменения в подходе к информированию пациентов и уважению их прав и достоинства.

Трансформация подхода к концепции добровольного информированного согласия юридически оформилась в Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины 1996 г., принятой Комитетом министров Совета Европы. Так, в ней отмечалось: «вмешательство в сферу здоровья может осуществляться лишь после того, как соответствующее лицо дало на это свое добровольное и осознанное согласие. Это лицо заранее получает соответствующую информацию о цели и характере вмешательства, а также о его последствиях и рисках. Соответствующее лицо может в любой момент беспрепятственно отозвать свое согласие»²⁴. Можно выделить две тенденции:

- расширение объема и характера информации, обязательной для предоставления потенциальному участнику исследования;
- расширение сферы «информирования» пациента, включая не только случаи проведения медицинских экспериментов, но и любое медицинское вмешательство

²⁰ Чучалин А. Г., Гребенщикова Е. Г. Указ. соч. С. 7.

²¹ Каурова Т. В., Пестерева Е. В., Никитина А. Е. Этические документы и кодексы : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2. Документы, регламентирующие поведение и тактику врача в различных нравственно-этических ситуациях, возникающих в медицинской практике. СПб. : СПбГПМУ, 2022. С. 10.

²² Пищита А. Н., Алексеев В. А., Борисов К. Н. Информированность как критерий законности получения согласия пациента на медицинское вмешательство // Медицинская этика. 2021. Т. 9. № 1. С. 17.

²³ Чучалин А. Г., Гребенщикова Е. Г. Указ. соч. С. 3.

²⁴ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 (принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.) // Московский журнал международного права. 1999. № 35 июль — сентябрь.

(во многом вторая тенденция связана с рассмотрением судебных исков о возмещении вреда вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи).

Несмотря на то что сегодня требование получения согласия пациента на любое, даже минимальное, медицинское вмешательство детально регламентировано, имеются судебные прецеденты нарушения прав человека в данной сфере. Например, в 2009 и 2011 гг. Европейским Судом по правам человека был рассмотрен ряд сходных по фабуле дел по спорам о законности стерилизации. Во всех случаях был установлен факт проведения операции по стерилизации заявительницам в отсутствие полного информированного согласия в ситуации, в которой они не могли полностью сознавать характер и последствия процедуры, медицинские документы также не содержали записей о надлежащем уведомлении пациенток относительно проведенной процедуры. При разрешении споров Европейский Суд подчеркнул, что сама процедура стерилизации является «унижающим достоинство обращением»²⁵. Государство-участник (Словакия), в свою очередь, не обеспечил заявительниц надлежащей правовой защитой, что привело к необратимым последствиям для живого организма и серьезным нарушениям прав на неприкосновенность частной и семейной жизни.

Говоря о судебной практике зарубежных стран, стоит упомянуть, что и в России сегодня встречаются случаи проведения медицинских экспериментов без добровольного согласия пациента, в результате которых человек может погибнуть. Примером могут служить эксперименты, проводимые в 2002 г. в Институте мозга человека Российской академии наук и других нейрохирургических клиниках. Решением Солнечногорского городского суда Московской области от 18.05.2002 было установлено длительное, широкомасштабное нарушение действующего законодательства прав человека со стороны Института. Потребителей ввели в заблуждение относительно методики лечения наркомании, не разрешенной к применению. Несмотря на отклонение данной методики на Межведомственном Совете Российской академии наук и Минздрава России, должностные лица продолжали применять многочисленные незаконные нейрохирургические операции. После вмешательства прокуратуры г. Новокузнецка платные эксперименты на людях были прекращены²⁶.

Действующее законодательство России не содержит четкого определения понятия «медицинские опыты», не регламентирует порядок проведения экспериментов (научных исследований) с участием людей. Уголовная ответственность за проведение незаконных экспериментов над людьми также не предусмотрена, в связи с чем данные действия квалифицируются как преступления против жизни и здоровья.

Итак, правовое регулирование медико-биологических исследований с участием людей прошло длительный период становления и продолжает свое развитие. Постепенное оформление принципов, обеспечивающих права испытуемых, происходило на фоне бесчеловечных экспериментов над людьми, грубейшего нарушения абсолютного права человека на защиту от пыток, жестокого, унижающего достоинство обращения и наказания. Громкие судебные дела открыли доступ к изолированным экспериментам, применение которых на любом живом организме не подлежат оправданию. Такие методы, как принуждение, насилие, давление, обман, идут в противоречие с представлениями о врачебной этике, и сегодня это является общепризнанным фактом. Появление в настоящее время судебных прецедентов, касающихся нарушения прав человека при проведении медицинских экспериментов,

²⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 08.11.2011 Дело «V.C. против Словакии». Жалоба № 18968/07 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 4.

²⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, предусматривающих уголовную ответственность за проведение медицинских экспериментов (опытов) на людях без их добровольного согласия» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/365581-3?ysclid=loe48a0p68203006641> (дата обращения: 25.11.2023).

свидетельствует о необходимости обращения внимания на национальное законодательство. Более того, учитывая, что научно-технический прогресс в настоящее время достиг небывалых высот, совершенствование механизмов по защите прав человека в области медико-биологических исследований приобретает особую актуальность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бернар К.* Лекции по экспериментальной патологии. — М. ; Л. : Наркомздрав СССР. Биомедгиз, 1937. — 512 с.
2. *Гиппократ.* Избранные книги. — М. : Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. — 736 с.
3. *Демихов В. П.* Пересадка жизненно важных органов в эксперименте: Опыты по пересадке сердца, легких, головы, почек и других органов. — М. : Медгиз, 1960. — 259 с.
4. *Иванюшкин А. Я.* Введение в биоэтику : учеб. пособие. — М. : Прогресс-Традиция, 1998. — 384 с.
5. *Каурова Т. В., Пестерева Е. В., Никитина А. Е.* Этические документы и кодексы : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2. Документы, регламентирующие поведение и тактику врача в различных нравственно-этических ситуациях, возникающих в медицинской практике. — СПб. : СПбГПМУ, 2022. — 80 с.
6. *Пищита А. Н., Алексеев В. А., Борисов К. Н.* Информированность как критерий законности получения согласия пациента на медицинское вмешательство // Медицинская этика. — 2021. — Т. 9. — № 1. — С. 17–21.
7. *Рагинский М. Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов. — М. : Юридическая литература, 1985. — 360 с.
8. *Тарасьянц Е. В.* Международная защита и поощрение прав человека в области биомедицинских исследований. — М. : БИ, 2011. — 224 с.
9. *Чучалин А. Г., Гребенщикова Е. Г.* Добровольное информированное согласие. — М. : Вече, 2022. — 288 с.

REFERENCES

1. Bernard K. Lectures on experimental pathology. Moscow; Leningrad: People's Commissariat of Health of the USSR. Biomedgiz Publ.; 1937. (In Russ.).
2. Hippocrates. Selected books. Moscow: State Publishing House of Biol. and Medical Literature; 1936. (In Russ.).
3. Demikhov VP. Transplantation of vital organs in an experiment: Experiments on transplantation of the heart, lungs, head, kidneys and other organs. Moscow: Medgiz Publ.; 1960. (In Russ.).
4. Ivanyushkin AY. Introduction to bioethics. Moscow: Progress-Tradition Publ.; 1998. (In Russ.).
5. Kaurova TV, Pestereva EV, Nikitina AE. Ethical documents and codes: a textbook. 2. Documents regulating the behavior and tactics of a doctor in various moral and ethical situations arising in medical practice. St. Petersburg: St. Petersburg State Medical University Publ.; 2022. (In Russ.).
6. Pischita AN, Alekseev VA, Borisov KN. Awareness as a criterion for the legality of obtaining patient consent for medical intervention. Medical Ethics. 2021;9(1):17-21. (In Russ.).
7. Raginsky MY. Militarists in the dock: based on the materials of the Tokyo and Khabarovsk trials. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.; 1985. (In Russ.).
8. Tarasyants EV. International protection and promotion of human rights in the field of biomedical research. Moscow: BI Publ.; 2011. (In Russ.).
9. Chuchalin AG, Grebenshchikova EG. Voluntary informed consent. Moscow: Veche Publ.; 2022. (In Russ.).

НРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ РУССКОГО ПОДДАНСТВА

Шауро Ирина Геннадьевна,

доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

igshauro@msal.ru

© Шауро И. Г., 2023

Аннотация. В статье представлено авторское видение роли и места нравственных элементов в институте русского подданства. На примере исторических нормативных актов и конкретных случаев вступления в русское подданство доказывается, что подданство, хотя и выступало правовым институтом, но имело существенное морально-этическое содержание. В основу такого вывода положен прежде всего анализ текстов присяги, которая давалась при принятии русского подданства. В частности, она содержала основные обязанности, добровольно признаваемые новыми подданными. Отмечается, что ключевой обязанностью подданного выступало следование нравственной категории «верность». В свою очередь, русское государство, опираясь на православную доктрину, обеспечивало новым подданным защиту и покровительство. В заключение делается вывод о том, что современное российское государство заинтересовано в увеличении численности своего населения за счет людей, осознанно связывающих свою жизнь с нашей страной и готовых искренне работать для ее блага. Со своей стороны оно готово предоставить им защиту и покровительство. В связи с этим как пример удачной рецепции отечественного исторического опыта в правовую систему оценивается введение в федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» норм, которые предусматривают клятву при вступлении в российское гражданство. Такая клятва не носит религиозного характера, как это было исторически, что вполне обоснованно с учетом светского характера государства, декларированного в Конституции Российской Федерации. Однако в основу современной концепции гражданства так же, как и в прошлом, закладываются нравственные императивы.

Ключевые слова: верность, гражданство, клятва, крещение, морально-этическое содержание, натурализация, нравственный императив, подданство, православие, принятие подданства, присяга, русское подданство.

MORAL IMPERATIVES OF RUSSIAN ALLEGIANCE

Irina G. Shauro,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation

igshauro@msal.ru

Abstract. *The paper provides the author's understanding of the role and place of moral elements in the institute of Russian allegiance. Using the example of historical normative acts and specific cases of joining Russian citizenship, it is proved that allegiance, although it acted as a legal institution, had a significant moral and ethical content. This conclusion is based primarily on the analysis of the texts of the oath, which was given when accepting Russian allegiance. In particular, it contained the main duties voluntarily recognized by the new subjects. It is noted that the key duty of a subject was to follow the moral category of «loyalty». In turn, the Russian state, relying on Orthodox doctrine, provided protection and patronage to new subjects. In conclusion, it is stated that the modern Russian state is interested in increasing its population at the expense of people who consciously connect their lives with Russia and are ready to sincerely work for its benefit. For its part, Russia is ready to provide them with protection and patronage. In this regard, the introduction of norms into the federal law «On Citizenship of the Russian Federation», which provides for an oath upon entry into Russian citizenship, is evaluated as an example of a successful reception of domestic historical experience into the legal system. Such an oath is not of a religious nature, as it has been historically, which is quite justified, given the secular nature of the state, declared in the Constitution of the Russian Federation. However, the modern concept of citizenship is based on moral imperatives as well as on the imperatives from the past.*

Keywords: *loyalty, allegiance, oath, baptism, moral and ethical content, naturalization, moral imperative, citizenship, Orthodoxy, acceptance of citizenship, oath, Russian citizenship.*

Вопросы установления прочной политико-правовой связи между государством как политико-правовой общностью, с одной стороны, и конкретными индивидами, с другой стороны, является традиционным предметом исследования. При этом периодический ретроспективный анализ объективно рационален. Прежде всего, он позволяет выявить ошибки, недочеты и пробелы правового регулирования и не допустить их наличие в настоящем. Однако интересна также практика поиска исторических институтов, механизмов и юридических приемов, которые можно внедрить в существующий массив нормативных актов для его совершенствования. Так, только в 2017 г. по инициативе Президента РФ в действовавший тогда федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации»¹ была внесена любопытная поправка. Она предусматривала необходимость принесения присяги лицом, принимаемым в гражданство². Текст присяги лаконичен. Лицо, приобретающее гражданство, клянется соблюдать действующее законодательство, права и свободы, исполнять обязанности, быть верным России, уважать ее культуру, историю, традиции, защищать свободу и независимость. Уточняется, что лицо приобретает гражданство добровольно и осознанно. В новом федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации»³, вступившем в силу с 2023 г., данная норма сохранилась.

Необходимость принесения присяги для установления политико-правовой связи между человеком и государством — это традиция для русского права совсем не новая. Более того, именно с присягой связано появление в России такого способа приобретения русского подданства, как натурализация. Такую присягу называли

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 28.12.2022) (утратил силу) // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

² Федеральный закон от 29.07.2017 № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»» (ред. от 28.04.2023) // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4792.

³ Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

«присягой на вечное подданство»⁴ или «присягой на верность подданства России»⁵, а иногда и «клятвенным обещанием на подданство»⁶. Правда, так как натурализация появилась в целях оперативного распространения подданства на население новых территорий, то изначально присяга носила коллективный характер. Ее приносили представители населения, попадающего под юрисдикцию русского государства, как правило, князья, цари и иные правители⁷.

Анализ текстов присяги позволяет определить круг ключевых обязанностей новых подданных, которые они добровольно брали на себя: «верным, добрым, послушным... быть», «быть верным истинным и покорном слугою и подданным быть полезным государю», «быти под Великого Государя Царя и Великого князя... не отступну»⁸. Таким образом, на протяжении как минимум трех веков, центральной обязанностью подданного выступала не вполне правовая, а скорее нравственная категория — верность. Как справедливо указывает Е. Н. Марасинова, с XVII в. термин «подданный» меняет свое первоначальное значение и в основном используется в контексте отношений между правителем и «преданным, верным, покорным» населением Московской Руси⁹.

Конечно, верность имела вполне понятные и прикладные проявления:

- быть готовым отдать жизнь за Государя (биться до смерти и не щадя живота своего);
- признавать русское государство единственно возможным для себя местом жительства (никуда не отъезжать за границу, не вступать в иностранную службу);
- ставить интересы русского государства превыше своих собственных (сообщать об ущербе интереса, вреде и убытке немедленно).

Однако очевидно, что содержание этого понятия было гораздо более широким, чем «лиха не мыслить и не хотеть». Еще в трудах В. М. Гессена подчеркивается необходимость отличать «политическую мораль» и «юридический патриотизм», к которым относится «верность» как элемент подданства, с одной стороны, и публично-правовые характеристики подданства, с другой стороны¹⁰.

Важным морально-этическим аспектом подданства является его «вечный» характер. Подданство принималось за себя и за своих потомков. Вплоть до начала XX в., когда Российская империя прекратила свое существование, в отечественном праве практически не была предусмотрена возможность легального отказа от русского подданства и перехода в подданство (гражданство) другого государства. Конечно, подобные случаи происходили, но они носили экстраординарный характер.

⁴ Именной указ «О титуле Его Императорского Величества. С приложением форм клятвенного обещания» от 12.12.1796 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1796. Т. 24. С. 230–231. № 17635.

⁵ Форма присяги для иностранцев на верность подданства России от 08.03.1762 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1762. Т. 15. С. 939. № 11466.

⁶ Приложение к статье 847 Свода законов о состояниях // Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 9. С. 194.

⁷ Присяга Имеретинского Царя Александра на верность его подданства Российской державе от 14.09.1650 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1650. Т. 1. С. 243–244. № 44.

⁸ Дело о принятии швейцарского подданного Гипп в русское подданство // ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4284. Л. 6 ; Манифест «О призыве Шведов в службу и о позволении им в Российском Государстве, по учинении присяги, селиться, вступать в супружество, приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлею и промыслами» от апреля 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1721. Т. 6. С. 383. № 3778 ; Присяга Имеретинского Царя Александра на верность его подданства Российской державе от 14.09.1650 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1650. Т. 1. С. 243–244. № 44.

⁹ Марасинова Е. Н. К истории политического языка в России XVIII века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 7.

¹⁰ Гессен В. М. Подданство, его установление и прекращение. СПб. : Правда, 1909. С. 17.

На морально-этическую сторону присяги указывает и способ ее принесения. В российском государстве присяга не была актом формально-юридическим. Во-первых, она приносилась в торжественной форме. Во-вторых, присяга всегда имела ярко выраженный религиозный подтекст. Чаще она приносилась в присутствии православных духовных лиц и сопровождалась целованием Креста и Евангелия. При этом сама клятва в своей верности и добродетельности приносилась Богу, и у Бога же новоподданный просил помощи в реализации своей клятвы. Соответственно, нарушение присяги, т.е. клятвы, данной Богу, было прежде всего грехом и преступлением нравственным. Однако религиозный контекст был и в приведении к присяге лиц иных вероисповеданий, например, мусульмане клялись на Коране, а жители Сибири «по своей вере шертовали».

С точки зрения права нарушение верности считалась изменой. При этом под изменой понимался не только заговор, но и военные преступления (клятва предусматривала обязательство не сдавать города, не покинуть место боя, с неприятелями «вредительной откровенности не иметь» и т.д.), а также вполне «гражданские» нарушения, например несогласованные поездки за рубеж («никуда не отъезжать за границу»).

Интересно, что специалистами отмечается высокий уровень преданности своей новой Родине со стороны иностранцев, принявших русское подданство. Так, российские офицеры-мусульмане крайне редко переходили на сторону врага в ходе персидских и турецких войн. Лишь незначительная часть офицеров польского происхождения выступила против российских властей в ходе мятежа 1863–1864 гг. Бывшие иностранцы реже участвовали в заговорах и антиправительственных организациях.

Наличие религиозных атрибутов в текстах присяг XVII–XIX вв. вполне объяснимо. Во-первых, обычай приносить клятву перед Богом был известен со времен образования первых государств. Во-вторых, до появления присяги как акта натурализации крещение в православную веру выступало ключевым способом приобретения иностранцами русского подданства.

Быть подданным в понимании «московских людей» того периода означало быть православным. Принадлежность к русской церкви отождествлялась с принадлежностью к русскому государству¹¹. Соответственно, стать подданным можно было только после крещения. Именно после принятия православия иностранец становился равноправным членом общества¹².

Очевидно, что крещение в православную веру было не просто способом принятия русского подданства, а имело глубокий морально-этический подтекст. С позиции религиозного мировоззрения, крещение — это проявление Божией благодати. Соответственно, вступление лица в русское подданство посредством крещения происходило не только и не столько по его воле, сколько по воле Бога.

Впрочем, для иностранцев зачастую были необходимы и иные, более материальные и наглядные доводы. Поэтому государство применяло целую систему мер, направленных на стимулирование принятия крещения и приобретения подданства. И речь идет не только о подарках, которые часто вручались от имени правителя. Так, среди весомых аргументов в пользу принятия русского подданства была возможность выхода из холопского состояния¹³.

Обязательному крещению в православие подлежали найденные младенцы-подкидыши¹⁴. Таким образом, с принятием крещения младенцы-подкидыши становились

¹¹ Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. Историческое исследование. М.: Унив. тип., 1890. С. 330.

¹² Гессен В. М. Указ. соч. С. 203–204.

¹³ Уложение царя Алексея Михайловича от 29.01.1649 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1649. Т. 1. Гл. 20 «Суд о холопах». Ст. 70, 71. С. 128–129. № 1.

¹⁴ Карфагенский собор — Правило 83 // Канон. Свод законов православной церкви. URL: <http://www.agioskanon.ru/sobor/014.htm> (дата обращения: 25.11.2023).

русскими подданными. Они не выводились за рамки правового поля, а становились объектами заботы со стороны государства.

Крещение в православие могло влечь освобождение военнопленных и даже амнистию за преступления против государя. Бывшие пленные нередко продолжали военную службу уже в рядах русской армии¹⁵.

Фактически крещение в православную веру позволяло преступникам избежать наказания за преступление, совершенное на родине. Так, в 1590 г. английская королева Елизавета просила царя Федора Ивановича выдать ее подданных, которые приняли в московском государстве православие. При этом она подчеркивала, что на родине они преследуются за преступления и готовы на все, чтобы избежать наказания¹⁶. Просьбы английской королевы, естественно, были проигнорированы. Обращаясь к морально-этическому аспекту этого решения, следует отметить, что после осуждения Флорентийской унии и провозглашения концепции «Москва — третий Рим» русское государство заявляет о себе как оплоте христианства и истинном хранителе веры Православной. Москва становится мировым религиозным центром. Покровительствуя преступникам, государство демонстрирует следование христианским заповедям, ведь Бог прощал грешников, и человеку надлежит поступать так же. После процедуры крещения человеку отпускались все прежние грехи. Соответственно, могло ли государство или общество осуждать того, кого простил Бог? Государство демонстрирует защиту человека в том случае, если он встает на путь истинный. Указанные примеры позволяют утверждать, что подданство имеет черты взаимности, в рамках которой не только подданные имеют обязанности перед государством, но и у государства возникают некоторые обязанности перед человеком (прежде всего обязанность покровительства и защиты).

Основой русского подданства в течение столетий выступали не столько юридические нормы, сколько морально-этические принципы. Так, приобретение подданства долгое время осуществлялось путем крещения, а затем имело религиозные атрибуты, придающие церемонии дополнительную нравственную составляющую. При этом содержание подданства также имело значительные нравственные элементы: обязательство «вечно» быть «верным» со стороны подданного и обязательство представлять покровительство со стороны государства.

Современное российское государство, без сомнения, заинтересовано в увеличении численности своего населения за счет людей, осознанно связывающих свою жизнь с нашей страной и готовых искренне работать для ее блага. Со своей стороны, Российская Федерация готова предоставить новым гражданам защиту и покровительство, в том числе вопреки законодательству и позиции других государств. В качестве примера можно привести предоставление российского гражданства Э. Сноудену. То есть в основе современной концепции гражданства также лежат нравственные императивы, хотя и не имеющие религиозного характера (что вполне обоснованно с учетом светского характера российского государства, декларированного в Конституции РФ). Поэтому представляется, что введение клятвы при вступлении в российское гражданство, которая, как и любая клятва, имеет нравственный компонент, выступает примером удачной рецепции исторического опыта в правовую систему.

¹⁵ Дело о выезде польских пленнх // Российский государственный архив древних актов. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3.

¹⁶ Елизавета Федору от августа 1590 г. // Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875. С. 381, 383.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гессен В. М. Подданство, его установление и прекращение. — СПб. : Правда, 1909. — 448 с.
2. Елизавета Федору от августа 1590 г. // Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. — СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875. — С. 381–389.
3. Марасинова Е. Н. К истории политического языка в России XVIII в. // Отечественная история. — 2005. — № 5. — С. 3–16.
4. Цветаева Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. Историческое исследование. — М. : Университетская тип., 1890. — 792 с.

REFERENCES

1. Gessen VM. Citizenship, its establishment and termination. St. Petersburg: Pravda Publ.; 1909. (In Russ.).
2. Elizabeth Tudor from August 1590. In: Tolstoy YuV. The First Forty Years of Relations between Russia and England, 1553–1593. St. Petersburg: Printing and Chromolith of A. Tranchel Publ.; 1985. (In Russ.).
3. Marasinova EN. On the history of political language in Russia of the XVIII century. Russian History. 2005;5:3-16. (In Russ.).
4. Tsvetaeva DV. Protestantism and Protestants in Russia before the era of transformations. Historical research. Moscow: University Printing House; 1890. (In Russ.).

РЕФОРМА МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Зайцева Людмила Анатольевна,

доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
dissersovet@mail.ru

Бережная Дарья Сергеевна,

студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
daya.danyaberejnaya99@rambler.ru

© Зайцева Л. А., Бережная Д. С., 2023

Аннотация. В статье рассмотрены правовые основы организации местного управления, закрепленные Положением о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. Анализируя структуру земских учреждений, в работе определяется, что они создавались на уездном и губернском уровнях. Во всех губерниях и уездах создавались земские собрания и управы. Формировались собрания населением уезда и губернии, в которых на основе куриальной системы проводились выборы. Безусловно, к сильной стороне формирования корпуса гласных относилась дифференциация, которая применялась при организации выборов. Так, для землевладельцев и городских жителей был введен имущественный ценз. В свою очередь, для сельской курии вводился многоступенчатый порядок посредством института выборщиков. Тем самым стоит подчеркнуть комплексный характер реформ императора Александра II, и в работе делается вывод о связи реформы по отмене крепостного права 1861 г. и Земской реформы. Особо стоит подчеркнуть и связь Земской реформы с Судебной реформой, в соответствии с которой избрание мировых судей было отнесено к компетенции уездного земского собрания. В статье анализируются предметы ведомства и пределы власти земских учреждений, которые закреплены в третьей главе Положения. К компетенции формирующихся органов были отнесены вопросы, относящиеся к местным нуждам каждого уезда и губернии, что имеет особое значение для системного развития страны, для преодоления разрыва между центром и регионами. В статье рассматривается порядок функционирования земских учреждений, а именно: организация проведения собраний, их кворум, работа управ. Положением предусмотрена отчетность и ответственность земских учреждений. В целом подчеркивается прогрессивный характер Земской реформы 1864 г., которая явилась своеобразной политической школой на местах и способствовала становлению и развитию гражданского общества.

Ключевые слова: государство, политика, местное самоуправление, реформа, земская реформа, земская избирательная система, уездное земское собрание, уездная земская управа, губернское земское собрание, губернская земская управа.

LOCAL GOVERNMENT REFORM IN THE RUSSIAN EMPIRE (SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY)

Lyudmila A. Zaitseva,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
disersovet@mail.ru

Daria S. Berezhnaya,

Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
daya.danyaberejnaya99@rambler.ru

Abstract. The paper examines the legal foundations of the organization of local government, fixed by the Regulations on provincial and county Zemstvo institutions of 1864. Analyzing the structure of Zemstvo institutions, the work determines that they were created at the county and provincial levels. Zemstvo assemblies and councils were established in all provinces and counties. Assemblies were formed by the population of the county and province, in which elections were held on the basis of the curial system. A stronger side of the formation of the town council of members was the differentiation that was used in the organization of elections. Thus, a property qualification was introduced for landowners and urban residents. In turn, a multi-stage order was introduced for the rural curia through the institution of electors. Thus, it is worth emphasizing the complex nature of the reforms of Emperor Alexander II, and the work concludes that the reform of the abolition of serfdom in 1861 and the Zemstvo reform were connected. It is particularly worth emphasizing the connection of the Zemstvo reform with the Judicial Reform, according to which the election of magistrates was attributed to the competence of the county zemstvo assembly. The paper analyzes the subjects of the department and the limits of the power of the zemstvo institutions, which are fixed in the third chapter of the Regulation. The jurisdiction of the emerging bodies included issues related to the local needs of each county and province, which is of particular importance for the systemic development of the country and bridging the gap between the administrative center and the regions. The paper elucidates the functioning of the zemstvo institutions, namely: the organization of meetings, its quorum, the work of the departments. The Regulation provides for the reporting and responsibility of zemstvo institutions. In general, the progressive nature of the Zemstvo Reform of 1864 is emphasized, which was a kind of political school in the field and contributed to the formation and development of civil society.

Keywords: state, politics, local government, reform, zemstvo reform, zemstvo electoral system, district zemstvo assembly, district zemstvo government, provincial zemstvo assembly, provincial zemstvo government.

Институт местного управления прошел длительный исторический путь. У его истоков стояли наместники и волостели в период Древнерусского государства, на смену которым пришли земские и губные избы в рамках сословно-представительной монархии. Исторический опыт Новгорода и Пскова, в свою очередь, показывал целую систему вечевых собраний. Позднее широкое распространение получало приказно-воеводское устройство взаимоотношений центра с территориями. Период абсолютизма XVIII в. пытается внедрить новые элементы в систему местного управления, и отсюда серия административно-территориальных реформ Петра I и Екатерины II.

Во второй половине XIX в. Российская империя переживает процесс эволюционного развития, сопряженный с широким развитием буржуазных отношений. Именно в этот исторический период происходит осознание невозможности осуществления управления на местах при максимальном сосредоточении полномочий в центре. Государственная власть, осуществляя серию реформ, в том числе обращается к обществу с целью широкого вовлечения его в систему управления на местах.

Необходимость изменений актуализирована проведением знаменитой Крестьянской реформы 1861 г., в результате которой фактически появилось новое сословие — свободные сельские обыватели и полностью ликвидированы помещичьи функции в отношении крестьян. В этой связи особое звучание приобретали органы местного управления, которые в рамках своей компетенции должны были охватить и общественное управление свободных сельских обывателей.

1 января 1864 г. императором Александром II было принято «Положение о губернских и уездных земских учреждениях»¹ (далее — Положение). Положение закрепляло основные принципы пореформенного местного управления (гл. 1), их структуру и компетенцию (гл. 2 и 3) и порядок функционирования, включая ответственность и подотчетность (гл. 4 и 5). В соответствии с Положением земские учреждения формировались в уездах и губерниях, а именно: на каждом уровне подразумевалось функционирование собраний, которые принимали базовые решения, и управ, осуществляющих их реализацию. Ключевую роль в данных структурах имели «гласные», которые избирались населением. Понятие «гласный» появилось в рамках обычая и означало — имеющий голос.

Выборы гласных осуществлялись на избирательных съездах, организованных в рамках социальных групп «землевладельцы», «городское население», «сельские». Таким образом, именно сословный принцип являлся основой формирования корпуса гласных.

Имущественный ценз являлся критерием для формирования корпуса гласных от землевладельцев и городских жителей. В свою очередь, для образования корпуса земских гласных, избираемых от сельских обществ, Положение предусматривало иной порядок, а именно: внедрялся институт выборщиков, назначаемых волостными сходами. Этот порядок в полном объеме соответствовал ситуации, которая сложилась сразу после отмены крепостного права. Законодатель не рассматривал возможность внедрения имущественного ценза при наделении избирательными правами вчерашних крепостных (ст. 23, 28, 30). При формировании корпуса гласных был введен возрастной ценз, ценз российского подданства и ценз безупречности репутации. Не имели избирательных прав лица, находящиеся под следствием и судом, опороченные по суду или общественному приговору (ст. 17). Выборы гласных проходили один раз в три года. Деятельность в уездном земском собрании предусматривала работу исключительно на общественных началах (ст. 38, 39). Состав управы формировался собранием, на котором избирался председатель и ее члены. Собрание определяло и содержание членов управы (ст. 46, 49).

В части организации работы уездного земского собрания Положение оговаривало кворум (не менее третьей части всего числа гласных) и кандидатуру председателя (уездный предводитель дворянства) (ст. 42, 43). Структура органов на уровне уезда формировала и органы на уровне губернии. Тем самым сложилась логичная система управления на местах, структура которой предусматривала органы, принимающие решения, и органы, их реализующие. Так, в соответствии со ст. 65 земским собраниям принадлежала «распорядительная власть и общий надзор за ходом дел»; управам, в свою очередь, «как распоряжения исполнительные, так и вообще заведование земскими делами».

Положение категорически ограничивало компетенцию земств — «относящиеся к местным пользам каждой губернии и каждого уезда» (ст. 1, 2). Земства не имели права заниматься политическими вопросами. Имела место и специальная третья

¹ Реформы Александра II / сост. сб. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. М. : Юрид. лит., 1998. С. 212–230.

глава «Предметы ведомства и пределы власти земских учреждений» (ст. 61–75). Осуществляя управленческие функции, органы местного управления занимались широчайшими блоками вопросов:

- заведование имуществом, капиталами и денежными сборами;
- раскладка государственных денежных сборов, взимание и расходование местных сборов;
- организация торговли и промышленности (проведение ярмарок, торгов, базаров);
- проведение выставок с целью поощрения местных промыслов;
- устройство и содержание путей сообщения, в том числе функционирование пристаней на судоходных реках, дорожных сооружений; содержание проселочных и полевых дорог;
- противопожарная безопасность;
- различные формы страхования;
- организация системы народного продовольствия;
- функционирование структур, занимающихся благотворительностью, и т.д.

Наиболее передовой характер имела деятельность органов местного управления в области народного образования и народного здоровья. С целью реализации компетенции был принят Устав о земских повинностях, в соответствии с которым осуществлялось назначение, раскладка, взимание и расходование местных сборов (ст. 2).

В рамках своих полномочий земские учреждения действовали самостоятельно. Вместе с тем Положение закрепляло контроль государственной власти за действиями земств. При принятии решений органами местного управления необходим был анализ соответствия их общегосударственным целям и задачам. Допускалась возможность со стороны губернатора или министра внутренних дел приостановить исполнение решения земств, «противного законам или общим государственным пользам» (ст. 7, 9). Власть стремилась к эффективному сочетанию интересов государства и общества. В этой связи определенные решения земств требовали дополнительного утверждения со стороны губернатора (ст. 90) и министра внутренних дел (ст. 92). Данная ситуация вполне соответствовала периоду абсолютной монархии. В результате реформ 60–70-х гг. XIX в. в Российской империи только укоренялась буржуазная монархия.

Земская реформа 1864 г. была важна для модернизационных процессов и являлась яркой иллюстрацией развития буржуазных отношений в Российской империи. Земские учреждения развивались. Так, в 1866 г. земские учреждения функционировали в 28 губерниях, а в начале 1917 г. — в 43 губерниях². Их деятельность была успешна в организации просвещения и медицины, обеспечении продовольствия, в деле развития городов и сельского хозяйства.

Внедрение в систему управления принципов всесословности, выборности, срочности, сменяемости, публичности и гласности в полном объеме отвечали запросам эпохи второй половины XIX в. И. А. Исаев подчеркивает, что «либеральные идеи и либеральная культура сосредотачивались именно в системе земских учреждений (позже именно земское движение сформирует первую либерально-демократическую партию России — партию кадетов)»³. Отмечая успех земской реформы, Л. Е. Лаптева выделила особенность исторического периода, в рамках которого «общество почувствовало себя активным участником преобразований и сочло новые институты самоуправления укорененными в русской традиции»⁴.

² Захаров В. В., Исаев И. А., Ларина О. Г. [и др.]. Эволюция права и правовых институтов в истории российской государственности. М. : Проспект, 2012. С. 237.

³ Исаев И. А. Правовая культура России : учеб. пособие. М. : Проспект, 2022. С. 48.

⁴ Лаптева Л. Е. Земская реформа 1864 г.: дань традиции или модернизация европейского типа? К вопросу о роли местного самоуправления в развитии правовой культуры пореформенной России // Земское самоуправление в истории России: к 150-летию зем-

Исторический опыт функционирования земских учреждений представляет большой научный интерес в рамках развития муниципального права с учетом того, что изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г., соединили государственное управление и местное самоуправление в организации публичной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Захаров В. В., Исаев И. А., Ларина О. Г. [и др.]. Эволюция права и правовых институтов в истории российской государственности. — М. : Проспект, 2012. — 425 с.
2. Исаев И. А. Правовая культура России : учеб. пособие. — М. : Проспект, 2022. — 96 с.
3. Лаптева Л. Е. Земская реформа 1864 г.: дань традиции или модернизация европейского типа? К вопросу о роли местного самоуправления в развитии правовой культуры пореформенной России // Земское самоуправление в истории России: к 150-летию земской реформы : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 22–23 мая 2014 г. — М. : Институт Российской истории РАН, 2015. — С. 56–68.
4. Реформы Александра II / сост. сб. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. — М. : Юрид. лит., 1998. — 460 с.

REFERENCES

1. Zakharov VV, Isaev IA, Larina OG, et al. The evolution of Law and Legal Institutions in the History of Russian Statehood. Moscow: Prospekt Publ.; 2012. (In Russ.).
2. Isaev IA. Legal Culture of Russia. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
3. Lapteva LE. The Zemstvo Reform of 1864: A Tribute to Tradition or Modernization of the European Type? On the question of the role of local self-government in the development of legal culture in post-reform Russia. In: *Zemstvo Self-Government in the History of Russia: The 150th Anniversary of the Zemstvo Reform: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Moscow, May 22–23, 2014. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 2015. (In Russ.).
4. Chistyakov OI and Novitskaya TE (eds.). Reforms of Alexander II. Moscow: Yurid. Lit. Publ.; 1998. (In Russ.).

ской реформы : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 22–23 мая 2014 г. М. : Институт Российской истории РАН, 2015. С. 56.

КОНСТИТУЦИЯ СССР 1936 г.: ДЕКЛАРАТИВНЫЙ ИСТОЧНИК ПРАВА

Гоголева Татьяна Юрьевна,

доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат исторических наук, доцент

125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

jnat1958@mail.ru

© Гоголева Т. Ю., 2023

Аннотация. В центре внимания настоящей публикации находятся проблемы конституционного строительства в истории советского государства. В основу исследования положена Конституция СССР 1936 г. как правовой источник, содержание которого по настоящее время привлекает внимание специалистов и порождает различные оценки данного правового памятника. В статье анализируются особенности правовых норм Конституции СССР в контексте политического развития советской страны в 30–50-е гг. XX в. Особое внимание уделено оценке декларативной природы отдельных норм права. Отмечается определенная взаимосвязь между понятиями «декларативные нормы права» и «конституционные ценности». Автор при этом обращает внимание на заимствование советским конституционализмом опыта государственно-правовых преобразований в Европе периода Великой французской революции. Именно Франция способствовала широкому распространению документов-деклараций, которые легли в основу конституций противостоящих политических сил и отражали их программные установки. Нельзя не отметить и того факта, что одним из источников Конституции СССР 1936 г. выступила Веймарская Конституция 1919 г. в Германии, прежде всего в части декларирования прав и свобод граждан. Актуальность историко-правового анализа советской Конституции 1936 г. видится в том, что в научной литературе не сложилось единого подхода в толковании содержания декларативности конституционных норм. Правоведы наряду с декларативными нормами права выделяют целевые нормы, нормы-принципы, нормы-дефиниции, что усиливает разночтения и практически лишает нормы-декларации содержания. В исторических исследованиях, напротив, декларативность Конституции СССР рассматривается с позиции нереализованности ее правовых норм в реалиях политического строя периода сталинизма. Можно встретить утверждения, что именно Конституция 1936 г. способствовала оформлению режима, основанного на единовластии и беззаконии («репрессивный конституционализм», «номинальный конституционализм»). Однако необходимо иметь в виду, что правовой и исторический анализ Конституции опираются на разные методологические подходы, это и обуславливает наличие в научном пространстве отличных оценок политико-правового значения Конституции СССР 1936 г. для истории развития российской государственности.

Ключевые слова: государство, политический режим, конституция, источник права, конституционно-правовые нормы, конституционные ценности, декларативная норма права, социалистическая идеология, сталинизм, коммунистическая партия.

THE USSR CONSTITUTION OF 1936: A DECLARATIVE SOURCE OF LAW

Tatiana Yu. Gogoleva,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125933, Russian Federation
jnat1958@mail.ru

Abstract. *The author focuses on the problems of constitutional construction in the history of the Soviet state. The study is based on the Constitution of the USSR of 1936 as a legal source, the content of which still attracts the attention of experts and generates various assessments of this legal source. The paper analyzes the features of the legal norms of the Constitution of the USSR in the context of political development of the Soviet state in the 30–50s of the 20th century. Special attention is paid to the assessment of the declarative nature of individual norms of law. There is a certain interrelation between the concepts of declarative norms of law and constitutional values. At the same time, the author draws attention to the fact that Soviet constitutionalism adopted the experience of state and law transformations in Europe during the Great French Revolution. It was France that contributed to the wide dissemination of documents-declarations that formed the basis of the constitutions of the opposing political forces and reflected their programmatic attitudes. It should also be noted that one of the sources of the USSR Constitution of 1936 was the Weimar Constitution of 1919 in Germany, primarily in terms of declaring the rights and freedoms of citizens. The relevance of historical and legal analysis of the Soviet Constitution of 1936 is obvious due to the fact that there is no uniform approach in the academic literature in interpreting the content of declarative constitutional norms. Legal scholars, along with declarative norms of law, identify target norms, norms-principles, norms-definitions, which increases discrepancies and deprives the norms-declarations of content in practice. In historical studies, on the contrary, declarativity of the Constitution of the USSR is considered in the context of the failure to implement its legal norms in the realities of the political system of the Stalinist period. One can find statements that it was the 1936 Constitution that contributed to the formation of a regime based on autocracy and lawlessness («repressive constitutionalism», «nominal constitutionalism»). However, it must be borne in mind that the legal and historical analysis of the Constitution are based on different methodological approaches, which determines the presence in the scientific space of excellent assessments of the political and legal significance of the 1936 Constitution of the USSR for the history of Russian statehood development.*

Keywords: *state, political regime, constitution, source of law, constitutional and legal norms, constitutional values, declarative rule of law, socialist ideology, Stalinism, Communist Party.*

Конституционное строительство в истории всякого современного государства является значимой вехой, отражающей новые явления в политико-правовом устройстве страны и общества.

1930-е гг. были временем значительных перемен в СССР. Советское государство вышло из периода политических и социально-экономических катаклизмов, руководство страны определило курс на модернизацию и построение сильного, социалистического по своей природе, государства, что и привело к проведению конституционной реформы 1936 г. По мнению С. А. Авакьяна, это так же было временем сформировавшегося в стране режима единоличной власти И. В. Сталина. В ходе внутрипартийной борьбы 1920–1930-х гг. он сумел обойти соперников и получить неограниченные властные полномочия. Учреждение нового конституционного акта явилось апофеозом того, кто находился на вершине власти, своеобразным

триумфом победителя. Конституция СССР 1936 г. стала именоваться «сталинской»¹, что подтверждало суверенитет власти советского правителя.

Конституция 1936 г. известна так же, как конституция «победившего социализма». Несомненно, что стремление И. В. Сталина и советской партийно-политической элиты законодательно закрепить установление социалистического строя в СССР стало одним из ключевых факторов осуществления конституционной реформы². Реформа проводилась под непосредственным руководством вождя ВКП(б), лично возглавившим Конституционную комиссию и две подкомиссии по общим и редакционным вопросам.

В традициях конституционализма Великой французской революции первые советские Конституции 1918 г. и 1924 г. начинались с документов-деклараций. Конституция СССР 1936 г. не имела преамбулы, но сохранила декларативный характер статей первой главы «Общественное устройство». Советская страна объявлялась социалистическим государством рабочих и крестьян (ст. 1), утверждалась победа социалистического типа хозяйства, экономической основой СССР выступала «социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком» (ст. 4)³. Иными словами, социалистическая доктрина выступала идеологическим базисом нового конституционного акта, что прослеживается в содержании правовых норм.

Программные установки Коммунистической партии, нашедшие отражение в конституционно-правовых нормах Основного Закона, позволяют исследователям говорить о том, что уже в 1930-е гг. декларировалось право ВКП(б) определять деятельность государственных и общественных органов в качестве «передового отряда» и «руководящего ядра» политической системы (ст. 126). Статья 141 фиксировала, что право выдвижения на выборах кандидатов в депутаты Советов всех уровней закрепляется за коммунистическими партийными организациями, лишь затем перечислялись профсоюзы, кооперативы, иные общества трудящихся.

Идеологические постулаты правящей партии как раз и придавали, на наш взгляд, декларативный характер Конституции СССР 1936 г. Как известно, конституционно-правовым нормам свойственны как общие признаки, присущие всем правовым нормам, так и нетипичные, выделяющие их в самостоятельную группу⁴. В научной литературе среди разновидностей конституционных норм отмечают декларативные нормы, которые формулируют определенные принципы или ценности общественного строя государства. Декларативная норма права — юридическая конструкция, содержащая объявление.

Декларативные нормы, таким образом, могут включать в себя положения, которые обладают программным характером, определяют назначение и задачи регулирования конкретных видов общественных отношений. Декларативное содержание отдельных конституционно-правовых норм можно напрямую связать с понятием «конституционные ценности». Обратившись к научной статье А. В. Серебряковой, читаем, что именно они «обеспечивают нормативную фиксацию в акте высшей юридической силы наиболее значимых для общества и государства идеалов и целей конституционно-правового развития. Конституционные ценности не всегда

¹ См.: Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М. : РЮИД, Сашко, 2000. 528 с.

² Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Вопросы ленинизма. М. : Концептуал, 2022. С. 547–575.

³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283. 6 декабря.

⁴ Милосердов А. С. Особенности и классификация конституционно-правовых норм // Образование и право. 2019. № 9. С. 29–33.

предполагают прямое закрепление в тексте нормы права соответствующего указания на них, однако либо опосредуют собой, либо обуславливают собой наличие определенного конституционно-правового предписания»⁵. Из этого следует, что декларативные нормы конституции зачастую не встроены в текущую правоприменительную практику, но их наличие определяет легитимность существующей власти и строя.

С другой стороны, в научной и публицистической литературе можно найти преобладание оценок декларативного характера правовых норм Конституции СССР 1936 г. не с точки зрения их правового содержания, а с позиции их правоприменения в советской действительности 1930–1950-х гг. Примерами таких норм чаще всего выступают статьи десятой главы «Основные права и обязанности граждан» (ст. 123, 124, 125, 127, 128). Декларативность той или иной нормы при этом рассматривается в аспекте отсутствия гарантий ее реализации. Но применительно к советской Конституции 1936 г. можно отметить, что ее разработчики стремились прописать в содержании норм сам механизм гарантий осуществления прав и свобод. Например, статья 125 делегировала советским гражданам свободу слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, но при этом фиксировала: «Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления». Статья 127 гласила: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора». Статья 128 предусматривала: «Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом». Перечисленные правовые нормы именуются декларативными только потому, что определенные органы и ответственные лица советского государства игнорировали в правоприменительной практике их конституционно-правовое предписание. Репрессивный характер режима оказался следствием нарушения Конституции 1936 г., беззаконие стало одним из зримых признаком политического периода, известного в истории страны под названием «сталинизм».

Обращает на себя внимание позиция А. Г. Гатауллиной и Д. Р. Зайнутдиновой. Ученые утверждают: «Соотнося “взрыв” сталинских репрессий периода 1934–1938 гг. и принятие Конституции СССР 1936 г., считаем возможным обозначить это юридическое явление как “репрессивный конституционализм”»⁶. Стремясь ввести в оборот новую дефиницию, авторы публикации комментируют ряд статей Конституции, в которых, пусть и в завуалированной форме, но заложен репрессивный характер Основного Закона государства (ст. 102, 103, 131, 133). В частности, использование в ст. 131 термина «враг народа» интерпретируется в качестве доказательства репрессивной природы Конституции 1936 г. Однако, на наш взгляд, прочтение содержания данной статьи не позволяет однозначно приписать ей репрессивное установление: «Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа». Это скорее пример декларативной правовой нормы с использованием юридически неопределенного понятия.

В юридическом сообществе принято считать Конституцию СССР 1936 г. самым демократичным в мире конституционным актом рассматриваемого исторического времени. Нельзя не согласиться, что в ее формате произошли значительные юридические изменения и были внесены серьезные новации в советскую правовую систему⁷. Так, появление и содержание глав «Основные права и обязанности гражд-

⁵ Серебрякова А. В. Конституционные ценности в контексте современного информационного общества // Российское право онлайн. 2023. № 2. С. 7.

⁶ Гатауллин А. Г., Зайнутдинов Д. Р. Конституция СССР 1936 г.: модель «репрессивного конституционализма» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 151.

⁷ Исаев И. А. История России: правовые традиции : учеб. пособие. М. : Проспект, 2023. С. 201–204.

дан», «Избирательная система» обозначили отход в советской юрисдикции от сугубо классовых принципов интерпретации прав человека и норм избирательного права. Однако на пути реализации этих конституционно закрепленных прав граждан оказался политический режим, основанный на единовластии и карательных методах управления в условиях приближения мирового военного конфликта 1939–1945 гг.

Главы X и XI Конституции СССР 1936 г., как известно, разрабатывались при участии Н. И. Бухарина (возглавил правовую подкомиссию) и К. Б. Радека (возглавил подкомиссию по избирательной системе), взглядам которых не были чужды идеи верховенства права и свобод человека. При этом среди членов Конституционной комиссии, созданной 7 февраля 1935 г., не было юристов, что ни могло не отразиться на содержании и самой юридической конструкции конституционно-правовых норм. Наконец, советская партийная элита содержанием Конституции СССР доводила до мирового сообщества свои передовые цели и успехи в области социалистического строительства⁸. Это было очевидное желание продемонстрировать демократический характер первого в мире рабоче-крестьянского государства, привлечь внимание к Советской стране, где, в отличие от Веймарской Конституции 1919 г., были предусмотрены условия для реализации прав и свобод трудового народа. Как известно, германская Конституция начала XX в. длительное время рассматривалась в юридических кругах как передовой конституционный акт, который, однако, не ограждал немецкий народ от установления режима фашистской диктатуры.

Наконец, оценка Конституции СССР 1936 г. как декларативного документа может находиться в плоскости неопределенного содержания дефиниции «декларативность», широко используемой, при отсутствии единого толкования данной категории и в публицистике, и среди правоведов⁹. Вместе с тем очевидно, что в отличие от норм других отраслей, конституционно-правовые нормы могут носить декларативный характер. При этом такие нормы не всегда продуцируют конкретные правоотношения и не могут быть непосредственно реализованы в правоприменительных действиях. Данное утверждение, на наш взгляд, соотносится с историко-правовым анализом такого правового источника, как Конституция СССР 1936 г., которая продемонстрировала очевидное расхождение конституционных ценностей с действующим в стране государственным режимом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. — М. : РЮИД, Сашко, 2000. — 528 с.
2. Агамиров К. В. Декларативные нормы и правовой нигилизм // Архивариус. — 2017. — № 1 (16). — С. 127–139.
3. Гатауллин А. Г., Зайнутдинов Д. Р. Конституция СССР 1936 г.: модель «репрессивного конституционализма» // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2019. — № 2. — С. 150–157.
4. Исаев И. А. История России: правовые традиции : учеб. пособие. — М. : Проспект, 2023. — 240 с.
5. Милосердов А. С. Особенности и классификация конституционно-правовых норм // Образование и право. — 2019. — № 9. — С. 29–33.
6. Радек К. Б. О Советской конституции: (письмо к иностранным рабочим). — М. : Изд-во ВЦИК Советов р., с., к. и к. депутатов, 1918. — 22 с.

⁸ Радек К. Б. О Советской конституции: (письмо к иностранным рабочим). М. : Изд-во ВЦИК Советов р., с., к. и к. депутатов, 1918. 22 с. ; Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Вопросы ленинизма. М. : Концептуал, 2022. С. 547–575.

⁹ Агамиров К. В. Декларативные нормы и правовой нигилизм // Архивариус. 2017. № 1 (16). С. 127–139.

7. Серебрякова А. В. Конституционные ценности в контексте современного информационного общества // Российское право онлайн. — 2023. — № 2. — С. 5–9.
8. Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Вопросы ленинизма. — М. : Концептуал, 2022. — С. 547–575.

REFERENCES

1. Avakian SA. The Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity. Moscow: RYUID, Sashko Publ.; 2000. (In Russ.).
2. Agamirov KV. Declarative norms and legal nihilism. *Archivarius*. 2017;1(16):127-139. (In Russ.).
3. Gataullin AG, Zainutdinov DR. The Constitution of the USSR 1936: a Model of «Repressive Constitutionalism». *Bulletin of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia*. 2019;2:150-157. (In Russ.).
4. Isaev IA. The History of Russia: Legal Traditions. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
5. Miloserdov AS. Features and classification of constitutional and legal norms. *Education and Law*. 2019;9:29-33. (In Russ.).
6. Radek KB. On the Soviet Constitution: (letter to foreign workers). Moscow: Publishing house of the Central Executive Committee of Soviets R., S., K. deputies; 1918. (In Russ.).
7. Serebryakova AV. Constitutional Values in the Context of Modern Information Society. *Russian Law Online*. 2023;2:5-9. (In Russ.).
8. Stalin I.V. On the draft Constitution of the USSR. Report at the Extraordinary VIII All-Union Congress of Soviets on November 25, 1936. In: Questions of Leninism. Moscow: Konceptual Publ.; 2022. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2023.28.4.101-108

П. И. НОВГОРОДЦЕВ: ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ОБРАЗА РОССИИ

Зайнутдинов Динар Рафаилович,

доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова, руководитель юридического отдела Института социальных и гуманитарных знаний, доктор юридических наук, доцент
420101, Россия, Казань, ул. Московская, д. 42
knight_1988@mail.ru

© Зайнутдинов Д. Р., 2023

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция воззрений П. И. Новгородцева в послереволюционный период на государственно-правовой образ будущей России. На смену изначальной убежденности в необходимости сохранения в стране конституционной дуалистической монархии пришла вера в возможность установления республиканской формы правления, далее, в период Гражданской войны, ученый уже считал возможным наведение порядка в стране лишь путем конституционной (ограниченной) диктатуры бонапартистского типа. Череда событий, вызванных русско-японской войной 1904–1905 гг., первой русской революцией, не изменила взгляды П. И. Новгородцева об утверждении идеального права и правового государства в России. Однако события революции 1917 г., усиление социального кризиса и жестокость гражданской войны привели ученого к принятию необходимости временного отказа от демократических ценностей. С начала 1917 г. П. И. Новгородцев всё более тесно контактировал с представителями правого лагеря, что повлияло на деформацию его правосознания. В эмиграции ученый стал выразителем идей той части русской интеллигенции, которая включала в себя умеренных монархистов и правых кадетов. В заключение настоящей работы дается общая оценка эволюции государственно-правовых воззрений юриста.

Ключевые слова: философия права, государство, право, революция, гражданская война, правовое государство, монархия, идеальное право, естественное право, П. И. Новгородцев.

PAVEL I. NOVGORODTSEV: EVOLUTION OF THE STATE AND LAW IMAGE OF RUSSIA

Dinar R. Zaynutdinov,

Dr. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of the State and Law and Public Law Disciplines, Timiryasov Kazan Innovative University; Head of the Legal Department, Institute of Social and Humanitarian Knowledge
42, Moskovskaya Str., 420101 Kazan, Russian Federation
knight_1988@mail.ru

Abstract. The paper examines the evolution of Pavel I. Novgorodtsev's views in the post-revolutionary period regarding the state and law image of future Russia. The initial conviction of the need to preserve constitutional dualistic monarchy in Russia was replaced by faith in the possibility of establishing a republican form of government. During the Civil War the scholar considered it possible to restore order in the country only through a constitutional (limited) dictatorship of the Bonapartist type. The events of the Russian Revolution of 1917, series of events caused by the Russo-Japanese war of 1904–1905 and the first Russian Revolution did not change Novgorodtsev's views concerning the establishment of ideal law and the rule of law in Russia. However, the events of the 1917 Revolution, social crisis intensification and brutality of the Civil War persuaded the scholar to accept the need for a temporary rejection of democratic values. Since the beginning of 1917, Novgorodtsev had been in increasingly close contact with representatives of the right camp, which has affected the deformation of his legal consciousness. In exile, the scholar shared the ideas of the Russian intelligentsia, including moderate monarchists and right-wing cadets. The author provides a general assessment of the evolution of the lawyer's state law views in the final part of the paper.

Keywords: philosophy of law, state, law, revolution, civil war, rule of law, monarchy, ideal law, natural law, Pavel Novgorodtsev.

Важную роль в заложении концептуальных основ эмигрантской политико-правовой мысли и формировании государственно-правового образа будущей постбольшевистской России сыграл Павел Иванович Новгородцев (1866–1924 гг.). Будучи одним из крупнейших представителей имперской правовой школы, ученый имел немалый авторитет среди российской интеллигенции, а потому выдвигаемые им идеи всегда находили поддержку.

П. И. Новгородцеву, пожалуй, лучше других юристов дореволюционной России удалось провести исследование природы права через призму философии. «Для философа Новгородцева существует право как система категорий, как субъективное и объективное право, которое при взаимодействии всех его элементов становится механизмом общественной регуляции, а само право (объективное право) — “вышестоящим, надклассовым”»¹.

В размышлениях П. И. Новгородцева проблема реализации категорий свободы и равенства в праве занимает одно из ключевых мест. Так, ученый писал: «Свобода без равенства привела бы к произволу личности, равенство без свободы было бы подавлением личности»². По мнению ученого, главное отличие теории правового государства от прочих концепций заключается в том, что «она была одушевлена верою во всемогущество идеи права»³.

Дофевральский период научной деятельности П. И. Новгородцева характеризовался приверженностью естественно-правовой концепции, стремлением к созданию теории «идеального права».

В работе 1901 г., посвященной размышлениям об идее права в философии В. С. Соловьева (1853–1900 гг.), П. И. Новгородцев констатировал ослабление связи нравственного начала с правом, указывая: «В такое смутное для юридической науки время следует в особенности ценить всякую попытку, направленную к тому, чтобы отстоять идеальную сущность права»⁴. В те годы для П. И. Новгородцева идеальная сущность права, построенная на идеях нравственности и ценностях демократии, была нерушимой. Такой образ права он напрямую связывал с перспективой для

¹ Счастливец Е. А., Бархоленко М. А. Этапы формирования философских взглядов П. И. Новгородцева // Вестник ВятГУ. 2022. № 2 (144). С. 18.

² Новгородцев П. И. Об общественном идеале // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М. : Пресса, 1991. С. 310.

³ Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 363–364.

⁴ Новгородцев П. И. Идея права в философии Вл. Соловьева // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М. : Пресса, 1991. С. 526.

становления правового государства в России. Ученый продвигал мысль о том, что создание «идеального права» возможно только путем преодоления кризиса правосознания, вызванного нарастанием диссонанса между позитивным правом и естественным.

После февральской революции 1917 г. П. И. Новгородцев возобновил политическую деятельность в рамках либерального лагеря. В июле 1917 г. П. И. Новгородцев опубликовал свой знаменитый труд «Об общественном идеале». В нем ученый продолжил рассуждения об «идеальном праве», связывая его с развитием концепции правового государства. Несмотря на переживаемые страной революционные события, он всё еще верил в возможность создания правового государства⁵. Однако в связи с вступлением Временного правительства в конце лета в полосу кризиса, взгляды юриста постепенно начинают принимать крен вправо, что выразилось в одобрении «Корниловского выступления» в августе — сентябре 1917 г. и поддержке формулы «диктатуры либеральной демократии». Одновременно на волне революционных событий П. И. Новгородцев постепенно начинает отдаляться от естественно-правовой концепции. Поэтому нельзя не согласиться с мнением о том, что в это время «П. И. Новгородцев стремился осуществить своеобразный синтез естественного и позитивного права, выраженный в его теории правового государства»⁶. Рассуждая о естественном праве, П. И. Новгородцев отмечал: «Дух дышит, где хочет», и нет границ, которые могли бы стеснять его проявление. На этой основе должно быть построено современное естественное право, как учение об идеале общественного развития»⁷.

В своей концепции философии права П. И. Новгородцев огромное внимание уделял правовой антропологии как учению о месте человека в праве и права в человеке. Высокоразвитая личность, наделенная широким перечнем прав и свобод и осознающая важность государственного строительства, — вот идеальный образ человека-созидателя в государственно-правовом учении П. И. Новгородцева. Только такая личность способна выстоять в условиях кризиса правосознания. Так, ученый указывал: «Право лица на признание его безусловного значения основано не только на присущем ему нравственном стремлении к бесконечному идеалу, но и на свойственном ему характере особенности и незаменимости»⁸. Ученый не мыслил права «без элементов равенства и свободы, хотя бы и в самом узком и скромном их проявлении, как немыслимо оно и без взаимного признания лиц, без начала солидарности»⁹. В то же время 1917 г. положил начало внутренней борьбе в государственно-правовых воззрениях П. И. Новгородцева — юрист-философ, мечтающий о торжестве естественно-правовой концепции, никак не мог примириться с юристом-политиком, стремящимся через диктатуру бонапартистского типа восстановить правопорядок в стране.

Октябрьскую революцию 1917 г. ученый, как и можно было ожидать, не принял. Поэтому с 1918 г. он активно включился в деятельность антибольшевистских организаций. Сначала правовед участвовал в работе «Совета общественных деятелей», который позже вошел в состав «Правого центра». В данной организации П. И. Новгородцев был избран председателем¹⁰.

В случае победы антибольшевистских сил он предсказывал печальный конец лидеров большевиков, предрекая им судьбу, сходную с судьбой якобинцев после 27 июля 1794 г. Так, правовед заявлял: «Большевизм свергнут не будет, но нам предстоит пережить термидоровскую реакцию, т.е. поворот большевиков к буржуазным путям политики»¹¹.

⁵ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. С. 17–18.

⁶ Евдошенко И. В. П. И. Новгородцев как «Учитель» Временного правительства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 3. С. 132.

⁷ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. С. 52–53.

⁸ Там же. С. 199.

⁹ Там же. С. 114.

¹⁰ Красная книга ВЧК : в 2 т. Т. 2. 2-е изд., уточн. М. : Политиздат, 1989. С. 22, 30.

¹¹ Заседание агитационной комиссии партии «Народной свободы». Екатеринодар, 21 марта (3 апреля) 1918 г. // Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп

Жестокость гражданского противостояния деформировала правосознание многих российских юристов, некогда выступавших убежденными приверженцами идеи правового государства, концепции верховенства права, теории разделения властей и тому подобных демократических ценностей.

Во второй половине 1918 г. П. И. Новгородцев отправился на юг России на территорию, контролируемую антибольшевистскими силами. В Екатеринодаре и Харькове он организовывал и участвовал в деятельности правого крыла партии «Народной свободы», разрабатывал различные программы для проведения внешней и внутренней политики.

В этот период П. И. Новгородцев обратился к идее сильной власти, в которой увидел инструмент для водворения правопорядка и законности в стране. Поэтому на территории «белого» юга России правовед стал твердым сторонником политики, проводимой генералом А. И. Деникиным. Ученый также поддерживал и идею сохранения централизованного унитарного государства, что не вызывало симпатий у представителей национальной интеллигенции. Хотя он не исключал, что в будущем, «когда Россия начнет воссоздавать свой организм, он возродится на началах равноправия национальностей и областных автономий, возврата к старому быть не может»¹². Несмотря на сказанное, П. И. Новгородцев выступал против закрепления на декларативно-учредительном и конституционном уровне будущей автономии национальных окраин и децентрализации государственной власти.

Поддержкой «белой» диктатуры, отказом от юридического закрепления национальных прав, стремлением к реализации идеи сильной власти, в ущерб широкому народному представительству и т.д., П. И. Новгородцев фактически изменил своим идеалам¹³. Поэтому правовая политика «белого» юга России так и не получила «печать общественного признания».

Протоколы заседаний Центрального комитета партии «Народной свободы» периода Гражданской войны 1917–1920 гг. представляют собой интересный материал для анализа эволюции взглядов П. И. Новгородцева. В это время произошел сильный сдвиг вправо государственно-правовых воззрений мыслителя. Данный факт отмечали и его соратники по партии. Например, один из деятелей кадетов Н. И. Астров (1868–1934 гг.) в свое время даже высказал завуалированное замечание П. И. Новгородцеву за попытки слияния с представителями монархического консерватизма¹⁴. Тесные контакты с представителями монархическо-консервативного лагеря привели к тому, что П. И. Новгородцева даже стали упрекать в антисемитизме. В результате ученый даже был вынужден оправдываться¹⁵. Следует напомнить, что в партии

конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 3 : Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (Роспэн), 1998. С. 423.

¹² Протокол заседания Центрального комитета. 3 мая 1918 г. // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 3 : Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (Роспэн), 1998. С. 433.

¹³ *Новгородцев П. И.* Кризис современного правосознания // Вопросы философии и психологии. М., 1906. Год XVII, кн. IV (84). С. 449.

¹⁴ Протокол заседания Центрального комитета. Екатеринодар, 5 мая 1919 г. // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 3 : Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (Роспэн), 1998. С. 484.

¹⁵ Протокол заседания Центрального комитета. Екатеринодар, 19 мая 1919 г. // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 3 : Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (Роспэн), 1998. С. 490.

«Народной свободы» было довольно большое количество выдающихся юристов-евреев, которым явно не импонировала смена взглядов их соратника.

Еще одним важным моментом в изменении воззрений П. И. Новгородцева в период Гражданской войны 1918–1920 гг. стало то, что ученый «выбился» из партийной колеи. Он перестал мыслить строгими рамками политической программы партии «Народной свободы». В частности, сам правовед по вопросу о признании конституционной (ограниченной) диктатуры Верховного правителя адмирала А. В. Колчака заявлял, что «надо не возвращаться к старым схемам, а идти дальше». Также он успокаивающе отмечал: «Все будет хорошо, если кадеты выйдут из рамок программы, создадут национальный фронт, будут привлекать симпатии справа и слева к нашей платформе, а если она не привлечет, то надо “обобщать” программу»¹⁶. Иначе говоря, П. И. Новгородцев, еще до обретения государственной власти, предлагал однопартийцам мыслить в общегосударственном масштабе, при этом вовсе не считаясь с мнением широчайшей правосоциалистической оппозиции, за которой были народные массы. В условиях Гражданской войны идея «обобщить политическую программу» означало только одно — пойти все тем же путем государственно-правового непредреждения, которая как раз и губила антибольшевистские режимы.

Однако в целом позиция отказа от партийной программы была характерна не только для П. И. Новгородцева, но и для подавляющего числа представителей российского либерализма, всегда и во все времена. Когда речь заходит о государственной власти, российские либеральные деятели меняют политическое кредо в консервативную сторону. Такое поведение вовсе не характерно для представителей либеральных партий на Западе, старающихся строго придерживаться партийных программ.

Интересно, что в период Гражданской войны П. И. Новгородцев выступал как последовательный противник принятия более-менее целостного конституционного акта антибольшевистской России. По этому вопросу он допускал лишь возможность создания определенной комиссии для юридического фиксирования компетенции и общих положений¹⁷.

В целях борьбы с всеобщим кризисом правосознания в условиях процветающего в период Гражданской войны правового нигилизма требовалось уделять время воспитанию индивидуального правосознания, чем и занялся П. И. Новгородцев по возвращении на территорию «белого» Крыма в 1920 г. «Общественный прогресс связан с развитием личности, а следовательно, и вытекает из ее задач»¹⁸, — писал П. И. Новгородцев. По этой причине ученый возобновил педагогическую деятельность, начав преподавать в Таврическом университете в Симферополе, вплоть до самого конца врангелевского режима.

После эвакуации из Крыма в 1920 г. П. И. Новгородцев жил в Берлине и Праге. В мае 1922 г. он стал одним из основателей Русского юридического факультета Карлова университета в Праге. Также П. И. Новгородцев стал его первым деканом. До самой смерти в 1924 г. ученый читал курс по Истории философии права. Кроме того, П. И. Новгородцев выступил инициатором создания Русского народного университета при пражском отделении «Союза земств и городов» (учрежденного еще в России в годы войны), который был открыт 16 октября 1923 г.¹⁹

¹⁶ Протокол заседания Центрального комитета. Екатеринодар, 12 мая 1919 г. // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 3 : Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (Роспэн), 1998. С. 488.

¹⁷ Протокол заседания Центрального комитета. 3 мая 1918 г. // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 3 : Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (Роспэн), 1998. С. 434–435.

¹⁸ *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. С. 139.

¹⁹ *Исаев И. А.* Русская юридическая наука за рубежом (20-е — начало 30-х гг.) // Русское зарубежье. 2016. № 5. С. 5–14.

В эмиграции П. И. Новгородцев еще дальше отошел от ранее придерживавшихся позиций в отношении связанности демократии с правом. Этот момент четко прослеживается в его работах 1923 г. В частности, в труде «Демократия на распутье» автор предостерегал российскую эмиграцию от увлечения иллюзиями о «прекрасной России будущего», которая воспрянет сразу после краха советской власти. По этому поводу ученый отмечал: «Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой. <...> На самом деле, то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причем в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма»²⁰. Взгляд из настоящего говорит о верности мыслей философа. После развала СССР в 1991 г. Россия так и не смогла познать всю ценность демократических идеалов.

Правовед был убежден в нецелесообразности создания различных программных документов и конституционных проектов для постбольшевистской России²¹. Он упрекал российскую эмиграцию, а если быть точнее, правосоциалистический лагерь и левое крыло кадетов в глубоком непонимании тех условий и обстоятельств, в которых пребывает правосознание народов России. Так, П. И. Новгородцев подчеркивал: «В разоренной, нищей и полумертвой стране невозможно будет мечтать о сложном аппарате государств Запада, сохранивших свои материальные и культурные средства»²².

Гражданская война и поражение в ней антибольшевистского лагеря стала для П. И. Новгородцева тем практическим опытом, который показал неподготовленность сознания народов России к принятию как правовых ценностей либеральной демократии, так и умеренных социалистических идеалов. В связи с этим автор отмечал: «Мы же должны готовиться к будущему, которое потребует от нас новых мыслей и новых чувств»²³. Но подробную расшифровку этих «новаций» в правовом аспекте автор так и не успел разъяснить.

Для реализации идеи правового государства на ранних этапах постбольшевистской России П. И. Новгородцев не видел предпосылок. Поэтому он неоднократно высказывал основную идею, на которой должно строиться правосознание свободного индивидуума и социума, а значит, права и правопорядка в новой России, — демократический режим был невозможен без правового воспитания народа, а также без поднятия его нравственного уровня²⁴.

Современные юристы справедливо отмечают, что взгляды П. И. Новгородцева «проделали заметную эволюцию от рационализма и идеализма к религии и мистике, от западничества к умеренному славянофильству, от светского либерализма к православному либеральному консерватизму»²⁵.

Подводя итоги всему вышеизложенному, отметим, что в период Гражданской войны в России 1918–1920 гг. государственно-правовые воззрения П. И. Новгородцева претерпели существенные изменения, совершив сдвиг вправо. Ученый стал активным сторонником антибольшевизма. Он твердо придерживался позиции о необходимости установления сильной власти для преодоления государственной катастрофы. П. И. Новгородцев выступал одним из первых идеологов конституционной

²⁰ Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М. : Пресса, 1991. С. 547–548.

²¹ Новгородцев П. И. Восстановление святынь (посвящается памяти В. Д. Набокова) // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М. : Пресса, 1991. С. 571.

²² Там же. С. 571.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 549.

²⁵ Жуков В. Н. П. И. Новгородцев: консервативный либерал и религиозный философ права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4 (44). С. 66.

(ограниченной) диктатуры на территории «белых» государственных образований, а также формулы «диктатуры либеральной демократии», выдвинутой еще в августе — сентябре 1917 г. Гражданское противостояние для П. И. Новгородцева стало тем событием, после которого он перестал видеть возможность в ближайшем будущем развития теории «идеального права» и реализации концепции правового государства.

Сравнение дореволюционного и эмигрантского периода творчества П. И. Новгородцева ярко показывает эволюцию его взглядов. Последние его исследования всё больше приобретали уклон в сторону религиозных концепций государственно-правовых учений. Изучение идеальной сущности права для теоретика отошло на второй план. Этот аспект хорошо характеризуется высказанным им положением: «В той задаче “восстановления святынь”, которая предстоит сейчас русским людям, особенно важно понять, что речь идет тут не о воскрешении каких-либо внешних форм жизни или быта, а о возрождении душ, о религиозно-нравственном возрождении»²⁶. С религиозным уклоном в государственно-правовом учении П. И. Новгородцева усилилась и националистическая составляющая, вследствие которой правовед стал использовать риторику монархическо-консервативных организаций, говоря «о верховенстве и первенстве русского народа и русской культуры на русской земле и в русском государстве»²⁷, забывая о существовании других народностей, населяющих Россию. При этом, в отличие от других юристов-эмигрантов, П. И. Новгородцев не стал непосредственным творцом идей и конкретных проектов развития права и форм государства, но он выступил одним из немногих создателей философского восприятия будущего постбольшевистской России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Евдошенко И. В. П. И. Новгородцев как «Учитель» Временного правительства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2013. — № 3. — С. 132–134.
2. Жуков В. Н. П. И. Новгородцев: консервативный либерал и религиозный философ права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 4 (44). — С. 65–73.
3. Исаев И. А. Русская юридическая наука за рубежом (20-е — начало 30-х гг.) // Русское зарубежье. — 2016. — № 5. — С. 5–14.
4. Красная книга ВЧК : в 2 т. Т. 2. — 2-е изд., уточн. — М. : Политиздат, 1989. — 541 с.
5. Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания // Вопросы философии и психологии. — М., 1906. — Год XVII, кн. IV (84). — С. 406–451.
6. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. — М. : Пресса, 1991. — 639 с.
7. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 3 : Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. — М. : Российская политическая энциклопедия (Роспэн), 1998. — 590 с.
8. Счастливцева Е. А., Бархоловко М. А. Этапы формирования философских взглядов П. И. Новгородцева // Вестник Вятского государственного университета. — 2022. — № 2 (144). — С. 13–23.

REFERENCES

1. Evdoshenko IV. P. I. Novgorodtsev as a «Teacher» of the Provisional Government. Bulletin of Udmurt University. *Economics and Law*. 2013;3:132-134. (In Russ.).
2. Zhukov VN. P. I. Novgorodtsev: Conservative Liberal and Religious Philosopher of Law. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;4(44):65-73. (In Russ.).

²⁶ Новгородцев П. И. Восстановление святынь (посвящается памяти В. Д. Набокова). С. 576.

²⁷ Там же. С. 574–575.

3. Russian Legal Science Abroad (20s — early 30s). *Russian Language Abroad*. 2016;5:5-14. (In Russ.).
4. The Red Book of the CheKa. In 2 vols. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: Politizdat Publ.; 1989. (In Russ.).
5. Novgorodtsev P.I. The Crisis of Modern Legal Consciousness. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 1906; XVII, IV (84):406-451. (In Russ.).
6. Novgorodtsev P.I. The Social Ideal. Moscow: «Press» Publishing House; 1991. (In Russ.).
7. Minutes of the Central Committee and foreign groups of the Constitutional Democratic Party. In 6 vols. vol. 3: Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party. 1915–1920. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 1998. (In Russ.).
8. Shchastlivtseva EA, Barkholenko MA. Stages of formation of P. I. Novgorodtsev's philosophical views. *Herald of Vyatka State University*. 2022;2(144):13-23. (In Russ.).

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: 8 (499) 244-88-88, доб. 573
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка — *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

4 / 2023

WWW.RUS-LAW.ONLINE